

Министерство культуры Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

Герценка

Вятские записки

Выпуск

31

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГЕРЦЕНКА

Киров
2017

УДК 027.53(470.342)
ББК 78.34(2)751.2+26.89(2 Рос – 4 Ки)
Г 41

Редакционная коллегия: Н. П. Гурьянова (сост.)
С. Н. Будашкина
А. Л. Мусихин
М. С. Судовиков

Г 41 Герценка : Вятские записки [Текст] : [науч.-попул. альм.] / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. – Киров, 2017. – Вып. 31. – 264 с. : ил.

ISBN 978-5-498-00461-7

Тридцать первый выпуск альманаха содержит новые исследования и материалы по истории и культуре Вятского края. Читатель познакомится с интересными представителями библиотечной профессии, откроет для себя имена вятских просветителей, краеведов, писателей. Большой раздел альманаха посвящён уроженцу нашей земли, композитору О. А. Моралёву. В рубрике «Из неизданного» публикуются воспоминания П. И. Соболева, дающие богатый материал о жизни страны в 1920–1970-е гг.

УДК 027.53(470.342)
ББК 78.34(2)751.2+26.89(2 Рос – 4 Ки)

ISBN 978-5-498-00461-7

© КОГБУК «Кировская ордена Почёта
государственная универсальная областная
научная библиотека им. А. И. Герцена», 2017

Раздел I

БИБЛИОТЕКА им. А. И. ГЕРЦЕНА. ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Как интересно оглянуться назад! (из семейного архива)

И. В. Заболотская

Более тридцати лет назад – это был 1986 год, когда не стало папы – Владислава Владимировича Заболотского, – сотрудники Государственного архива Кировской области предложили мне передать его документы и фотографии в архивный фонд. Тогда ещё близка была потеря, и я отказалась, так как не могла расстаться с тем, что связывало нас, семью, с дорогим нам человеком. Прошло время, и вновь поступило предложение – создать личный семейный фонд в Госархиве, передать документы, фотографии. Наверное, за тридцать лет я «созрела» для верного решения и с благодарностью согласилась. Действительно, жизнь человека – страница истории. Вся наша семья связана с культурой, то есть наш семейный фонд – страницы культурной летописи Вятского края. А это, наверное, кому-то может быть интересно.

В итоге три года назад я начала передавать в ГАКО материалы нашего семейного архива, которые с любовью бережно хранил папа, старые

снимки – бабушка. Это документы, публикации, фотографии, рукописи, письма, афиши вечеров поэзии и т. д. А в этом году продолжила эту работу, подобрав свыше 250 фотографий – своеобразные вехи культурной жизни нашего города, множество разнообразных документов. Владислав Владимирович Заболотский известен в Вятском крае как журналист, поэт и редактор. Он труженик тыла Великой Отечественной войны, член Союза журналистов, страстный пропагандист книги.

Мама, Марфа Егоровна Заболотская, тоже посвятила жизнь культуре. Архангелогородка по рождению, была участницей Великой Отечественной – радисткой газеты «Боевой путь» 32-й армии Карельского фронта. В 1945 году вместе со своей частью прибыла в Киров и осталась здесь, так как родители умерли в годы войны. Мама работала в библиотеке «Кировской правды», училась в Кировском библиотечном техникуме (ныне Вятский колледж культуры), там и работала после его окончания до выхода на пенсию.

Мне после филфака Кировского пединститута довелось поработать в школе, затем корреспондентом

и редактором заводской газеты на шинном, главным редактором журнала «Вятская культура», редактором редакционно-издательского отдела Герценки, сейчас – редактор серии книг «Почётные граждане города Кирова» (НКО «Золотой фонд Вятки»).

Мой сын Сергей был оператором редакции радио на Кировском шинном заводе, руководил производственным отделом редакции газеты «PRO город» (Киров), иллюстрированных каталогов «Под ключ», «Семья» (Киров), газеты «PRO город» (Казань), сейчас он технический директор интернет-портала «Реальное время» (Казань).

То есть все мы, Заболотские, – свидетели разных периодов богатейшей истории нашей вятской культуры.

Сегодня разговор о моей бабушке, папиной маме – Любове Константиновне Заболотской (в девичестве Невоструевой). В юбилейный для главной библиотеки год, наверное, небезынтересно будет обратиться к жизни Любове Константиновны, её библиотечному прошлому, которое связано с двадцатыми годами двадцатого столетия.

Перелистаем же вновь страницы истории...

Разбирая домашний архив, наткнулась на несколько любопытных документов – и как смогли сохраниться эти пожелтевшие бумажные свидетельства событий разных лет? Вот два тетрадных листочка в ли-

нейку, исписанных чётким красивым бабушкиным почерком – «Моя краткая автобиография», воспроизвожу их дословно:

«Родилась я в заводе Тагиле Пермской губ. 8 августа 1886 года, но родины своей совершенно не знаю и не помню, так как была увезена оттуда 2-х месяцев. Отец мой был почтово-телеграфный служащий, и его по службе часто переводили из одного места в другое. Учиться начала на 10-м году своей жизни в г. Мензелинске Уфимской губ., где меня отдали во 2-е приготовительное отделение бывшей женской прогимназии. Оттуда отца перевели в г. Осу Пермской губ., там я поступила во 2-й класс городской прогимназии, но заболела вскоре скарлатиной – проболела очень долго и эту зиму не училась совсем. В Осе тогда не было мужского среднего учебного заведения, а у меня был брат, которому тоже нужно было уже учиться, и поэтому мать поехала с нами в г. Сарапул Вятской губ., где я в 1899 году поступила в 3-й класс женской гимназии и в 1905 году окончила 8 классов этой гимназии. После окончания гимназии я имела немного частных уроков (готовила и репетировала за младшие классы средне-учебных заведений). Службу свою начала с 1918 года в г. Слободском Вятской губ. – сначала в Упродкоме (уездный продовольственный комитет. – *И. З.*), затем в канцелярии УОНО и теперь вот уже около 4-х мес. в городских

библиотеках – сначала в детской, а сейчас в Центральной. Замужем яс 1908 года. Имею на своем иждивении сына 12 лет и мать-старушку 63 лет.

Л. Заболотская.

Г. Слободской Вятской губ.

27-го февраля 1924 года».

Как интересно – чтобы дать возможность учиться детям, мама (моя прабабушка Ольга Андриановна) даже поменяла место жительства.

Предки бабушки по отцовской линии – Невоструевы – были священнослужителями, а отец – почтовым служащим. В «Памятной книжке Вятской губернии и календаре на 1909 год» – издании губернского статистического комитета – можно прочесть: «Слободская почтово-телеграфная контора. Начальник к. сов. (коллежский советник. – И. З.) Константин Григорьевич Невоструев – Анны и Стан. З (кавалер орденов Анны и Станислава 3-й степени. – И. З.)». Сохранилась и его фотография. Кстати, когда-то её фотокопию попросили у нас гости из Латвии, которые собирали материалы о пребывании поэта Яна Райниса в вятской ссылке, в 1899 году он был выслан в г. Слободской, где пробыл до 1903 года – вероятно, заходил в своё время на Слободскую почту и общался с моим прадедом.

В своей автобиографии Любовь Константиновна пишет об учёбе в Сарапуле. Сохранилось и документальное подтверждение этого факта:

*Люба Невоструева
восьми лет с книжкой. 1894 г.*

«Свидетельство № 74.

Дано сие свидетельство Невоструевой Любви, православно-го исповедания, в том, что она, по окончании общего курса учения в Сарапульской женской гимназии, слушала в 1904–1905 учебном году в специальном курсе при той же гимназии русский язык и педагогику, дидактику и методику предметов учебного курса женских гимназий, а также упражнялась в педагогичес-

*Семья Невоструевых
в Казани:
Константин Григорьевич
и Ольга Андриановна
с детьми Любой
и Володи. 1890-е гг.*

кой практике и оказала весьма удовлетворительные успехи. Вследствие сего педагогическим советом гимназии, на основании § 43 положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, Высочайше утвержденного 24 мая/5 июня 1870 года, предоставлено ей, Невоструевой Л., звание домашней наставницы.

Г. Сарапул Вятской губ. Июня 1 дня 1905 года.

Председатель педагогического совета женской гимназии (подпись). Начальница гимназии (подпись). Секретарь педагогического совета (подпись). Печать».

Более века и фотографиям, которые уцелели в альбоме с красивой тиснёной обложкой и золотистым металлическим замочком: Любочка Невоструева – совсем ребёнок, а вот уже с книжкой в возрасте восьми

*Супруги Владимир и Любовь
Заболотские. 1910-е гг.*

Первенец Славушка Заболотский. 1911 г.

А. Mathiesen.

лица Ефим Никифоров Оргин, студент Императорского Московского технического училища Владимир Константинов Невоструев (брат невесты. – И. 3.), надворный советник Василий Адрианов Широшкин и студент Московского университета Борис Михайлов Матаев».

Таинство венчания совершали: священник Александр Кибардин, диакон Александр Левашев и псаломщик Николай Спасский (ГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 1061. Л. 330 об. – 331).

Есть фотографии молодых супругов. Через три года после венчания у них появился первенец – Владислав. С волнением перебираю старые на картоне с золотым обрезом фотографии, выполненные мастерами, читаем на обороте или внизу под портретами: «Фотография С. Лобовикова. Вятка. Получены награды: на всемирной выставке в Париже 1900 г., в С. Петербурге на конкурсе 1899 г.»; «Фотография С. А. Лобовикова. Вятка. Уг. Московск. и Николаевск. у. 1. прот. Воскресенск. собора. S. A. Lobovikoff. Wjatka». «Пересъемка воспрещается. Закон 15 марта 1911 г.»; «Художественная фотография Гр. Финкельштейн. В Казани»; «Фотография Матиссенъ»; «A. Mathiesen»; «Фотография Э. Бельзеръ и К°. Вятка. На углу Московской и Вознесенской улицъ домъ Лаврова»; «Фотография Г. П. Куракина. Кострома. Русина улица, домъ № 21»; «Фотография Рембрандтъ Казань»; «Фотография П. И. Рогож-

никова. Сарапул. Богоявленская ул., д. Дедюхина, близъ Архиерейскаго дома»; «Фотография Александрова в Нижнетагильске»; «Фотография А. Матиссенъ. Архангельскъ»...

На старой, чудесно сохранившейся фотографии – плетёная кроватка с большелобым (умным!) младенцем, укрытым кружевной простынкой, и на обороте надпись «Славушка снят 7-ми месяцев». Осень 1911 года. Невольно улыбаюсь – вот он, мой папа семи месяцев от роду. Есть ещё интересный снимок – шестилетний мальчик, стоящий на стуле с красивой гнутой спинкой, в руке – парусник. Белая рубашка, белые паруса кораблика. И дата: февраль 1917 года... Какое тревожное время – и маленький мальчик, вступающий в жизнь.

Но вернёмся к его маме, моей бабушке, Любви Константиновне, уже Заболотской. Позади прогимназия, гимназия, частные уроки домашней наставницы-учительницы, а впереди жизнь в новой пост-революционной России. Вот фотография 20-х годов – на ней активисты культурного фронта города Слободского, справа, кажется, чуть в отдалении – ещё молодая женщина в белой шляпке и светлой одежде – Любовь Константиновна, она как-то отличается от остальных. Библиотекарь сначала детской, потом Центральной городской библиотеки, что не удивительно, ведь книга в семье руководителя Слободской почты, конечно, была в почёте.

Сохранилось удостоверение от сентября 1924 года, где в левом

Активисты культурного фронта г. Слободского, в первом ряду справа в светлой шляпке – Л. К. Заболотская. 1920-е гг.

верхнем углу: «РСФСР. Слободской уездный исполнительный комитет Совета Раб. Кр. и Красноарм. (рабочих, крестьянских и красноармейских. – И. 3.) Депутатов. Отдел общих. 25/IX 1924 г. № 10311. Г. Слободской Вятской губ.». Удостоверение гласит:

«Дано сие от Уполитпросвета (руководящий политико-просветительской работой. – И. 3.) п/отдел просвещения гр-ну Заболотской Любови Константиновне в том, что она действительно прослушала краткосрочные курсы по переподготовке библиотечных работников, происходящие с 10 по 15 сентября с/г включительно, что и удостоверяется.

Нач. общим отделом (подпись). Зав. п/отд. просвещения (подпись). Зав. Уполитпросветом (подпись). Зав. курсами (подпись). Печать».

В советской России шла подготовка и переподготовка работников культурного фронта политпросвещения. Эта практика сохранилась надолго. Все Заболотские впоследствии – и родители, и я – прошли каждый в своё время обучение в университете марксизма-ленинизма при Кировском обкоме КПСС, у меня, к примеру, было отделение теории и методов идеологической работы пропагандистского факультета, где изучалась даже социальная психология (1977)...

Надпись на снимке рукой Л. К. Заболотской: «Лучшие активисты-читатели моей библиотеки, когда я работала зав. Слободской детской библиотекой»

Через год – 14 августа 1925 г. – Любовь Константиновна Заболотская получила такое уведомление (и оно сохранилось!): (слева гриф тот же – только не общий отдел, а отдел просвещения):

«Слободская Центральная библиотека, тов. Заболотской.

Уполитпросвет п/отдела просвещения сообщает, что Вы выделены лектором на курсы по переподготовке п/п работников, имеющие быть с 20 августа с/г.

Ваш доклад на тему “Организация передвижного фонда; место передвижной биб-ки в сети п/п учреждений; метод работы с передвижками; принципы построения

передвижной сети; комплектование и техника передвижки” по календарному плану курсов поставлен на 4 сентября с/г. с 9 до 11 часов утра. Материал к докладу можете получить в У.П.П. Оплата лекторского часа 1 рубль. Зав. УОНО (подпись). Зав. (нрзб.) (подпись). Делопроизводитель (подпись)».

Судя по автобиографии, Любовь Константиновна работала и в отделе народного образования (УОНО) – звание наставницы, полученное в Сарапульской гимназии, позволяло. Но в 1925 г. она заведовала Центральной библиотекой г. Слободского. Могу судить только по чудом сохранившимся документам этого времени

Скорее всего, ребята заняты подготовкой стенгазеты – это слово, как и некоторые имена мальчиков (Боря, Аркаша, Володя), с трудом читается на фотографии

Редакция газеты «Ленинский путь» г. Слободского, справа во втором ряду – Владислав Заболотский. 1932 г.

и фотографиям – бабушки не стало, когда я была ещё мала и было не до расспросов.

Сберегла она в своём альбоме и снимки посетителей детской библиотеки, на которых чувствуется живой интерес юных читателей к книге. Есть фотография активистов, девочек – лучших книгонош, мальчишек, готовящих материалы к стенной газете в библиотеке. С каким усердием трудятся! Вот они, юные современники 20-х годов.

В 30-е годы Любовь Константиновна вслед за сыном перебралась в Киров, сюда папа, в то время ответственный секретарь слободской газеты «Ленинский путь», был приглашён на работу в областную молодёжную газету «Комсомольское племя». Любопытно было прочесть на обороте общей фотографии районной газеты надписи-пожелания коллег: «Да не угаснет никогда взошедшая из Слободского литературная звезда!»; «Ты самый молодой в маленькой, дружной редакционной семье, показал лучшие образцы кропотливого, напряжённого газетного труда. Будем надеяться, что твоя настойчивость, деловитая скромность послужат тебе к дальнейшему росту как газетчику». Приятно было прочесть эти слова более старших коллег, адресованные папе, руководившему в Слободском и литературным объединением, которое выпускало свои сборники, как член пленума правления краевой писательской организации в 1934 г. папа

участвовал в работе краевого съезда писателей в г. Горьком.

Кстати, в бумагах обнаружила ещё интересный документ: свидетельство-справку, выданную Владиславу Заболотскому Государственной Академией художественных наук («РСФСР. Наркомпрос. Главнаука. Государственная Академия художественных наук. Отдел распространения художественных знаний. Москва, Волхонка, 18») в 1930 г.:

«Настоящая справка выдана тов. Заболотскому В. В. в том, что он состоял с 9/IV-29 г. по 1/IV-30 г. студентом заочного литературного отделения отдела распространения художественных знаний Гос. Академии художественных наук по циклу теории литературных форм. Учебный план отделения предусматривал работу в течение 3-х лет и содержал следующие предметы.

1. Введение в теоретическую поэтику. 2. Изучение отдельных памятников литературы с точки зрения их формы и стиля. 3. Стилистика. 4. Теория литературных жанров. 5. Живое слово (ораторское искусство, декламация, рассказывание). (Папа впоследствии всегда очень эмоционально выступал на встречах с читателями, ярко, с настроением читал стихи, даже играл в драмколлективе, есть фотография 1937 г. – сцена из спектакля «Борис Годунов» в Пушкинские дни в Герценке, где папа играл Самозванца Лжедмитрия. – И. З.) 6. Теория стиля. 7. Практичес-

кие работы и упражнения, имеющие целью помочь студентам овладеть формой и стилем художественного слова и развить в них теоретические навыки.

Тов. Заболотский за время своего пребывания студентом заочного литературного отделения занимался по предметам:

А. Введение в теоретическую поэтику. Б. Изучение памятников русской литературы с точки зрения их формы и стиля, составляющим первый концентр цикла литературных форм.

На высланные ему № 1, 2, 3, 4 методических писем по этим предметам тов. Заболотский сдал две письменных контрольных работы на темы:

а) Стилистика I часть — весьма удовлетворительно.

б) Стилистика II часть — весьма удовлетворительно.

При выполнении этих работ тов. Заболотский В. В. обнаружил отмеченные выше успехи.

Справка выдана вследствие ликвидации О. Р. Х. З. (отдела распространения художественных знаний. — *И. З.*) на основании постановления Коллегии Наркомпроса от 25/XI-29 г. о передаче заочного обучения в Комкадемию СССР.

Зав. отд. распростр. художественных знаний.

Зав. литературным отделением (подпись). Корреспондент (подпись)».

В период обучения папе было 18–19 лет. Как стремилась к знаниям

молодёжь! Есть и очень романтическая фотография того времени — 1928 г. — словно выступающее из темноты просветлённое лицо молодого поэта Владислава Заболотского.

Заканчивая рассказ о бабушке, приведу ещё один штрих времени — уже военного. Сохранился билет значкиста «Готов к ПВХО» II ступени от 25 ноября 1941 г., действительный по 25 ноября 1943 г., согласно которому Л. К. Заболотской «предоставляется право приема норм “Готов к противовоздушной и химической обороне” I ступени в составе комиссии районного совета Осоавиахима при Молотовском райсовете Осоавиахима». Билет подписан председателем райсовета Осоавиахима и начальником ПВХО. На корочке билета можно прочесть: «Осоавиахим — опора мирного труда и обороны СССР. Готов к ПВХО 2 ступени».

Вот такие интересные документы (и множество других) сохранились в нашем домашнем архиве. Все они — свидетельства эпохи.

...Бабушки не стало, когда мне было лишь 10 лет, а ей — 75, она тихонько передвигалась с палочкой, на улицу уже не выходила — в своё время сломала ногу. Мы жили в доме № 2 по ул. Коммуны (Московской), сейчас рядом с ним горит Вечный огонь, а я, оказываясь на Набережной Грина, всякий раз со светлой грустью смотрю на маленький балкончик на втором этаже, обращённый на реку

Любовь Невоструева. 1910-е гг.

Вятку. От того времени сохранились бабушкины рукотворные игрушки из картона и цветной бумаги, которые она мастерила к Новому году – три из них рядом с блестящими современными игрушками всегда висят на ёлке, как память о далёком радостном детстве.

Сохранилась в альбоме и одна из последних фотографий бабушки – когда мы снялись на балконе в нашей квартире на ул. Коммуны, 2. Она там в очках, скромном платочке, рядом молодой папа, мама и я, трёхлетняя, в соломенной шляпке с полями, но мне хочется запомнить её молодой, изящной, красивой, настоящей тургеневской барышней. Такой, как на снимке 1910-х годов.

Более полувека в профессии (интервью с Г. Д. Скальной)

Г. А. Леванова

Несмотря на то, что мы всё больше времени проводим в интернете, книги не потеряли своей ценности, и их хранилище – библиотека – вызывает в душах заядлых книжечеев трепет, а работники этого особенного места – уважение.

Галина Дмитриевна Скальная – человек уникальный. В 1959 году она пришла в Герценку и вот уже 58-й год верна любимой библиотеке. С ней всё это время с удовольствием общаются читатели, высоко ценят профессионализм и душевные качества коллеги. Она из тех немногих людей, которые в отпуске начинают скучать по работе.

Для этого замечательного человека 2017 год – юбилейный. В сентябре Галине Дмитриевне исполняется 80 лет. Мы, коллеги, от всей души её поздравляем! Любим, ценим и гордимся, что работаем вместе!

– Галина Дмитриевна, начнём разговор с вашего детства. Где и в какой семье вы родились и выросли?

– Я родилась в семье военнослужащего Дмитрия Ивановича Самсонова. Мой отец окончил курсы командного состава в Казани. Там он встретился с мамой в 1932 году, они поженились и уехали служить в г. Камышин Волгоградской области. В 1933 году родилась моя

Семья Самсоновых: Клавдия Семёновна и Дмитрий Иванович, маленькая Галина (на руках у мамы) и сестрёнка Валентина. Январь 1940 г.

старшая сестра, и за это время они поменяли уже несколько мест службы. В 1937 году семья жила в городе Троицке Челябинской области, где я и родилась. Потом мы жили в г. Молотове (Пермь), затем отец служил в Забайкальском военном округе, и в мае 1941 г. его отправили в летние лагеря. Мне не было и четырёх лет, когда началась война. Остались с мамой и старшей сестрой одни, мама ждала тогда третьего ребёнка. В июле 1941 г. нас эвакуировали в г. Канск Красноярского края. Жили на чужих квартирах, только спустя некоторое время маме, как жене офицера, дали своё жильё, и быт начал налаживаться.

Пошла в школу в 1945 году, умела читать, знала стихи, тянулась за старшей сестрой. В Канске встретили окончание войны, отец за нами приехал только осенью. Помню, что всё лето бегали встречать поезда.

Позднее мы, после двух лет службы отца в Молдавии, наконец-то обосновались в Елабуге, красивом городке на Каме. В 1948 г. умирает мама. Детство было нелёгким...

— *Как пришло решение поступать именно на библиотечный факультет?*

— Канск — маленький городок, но позднее я узнала, что там был библиотечный техникум. Видимо, судьбой было предначертано, какую выбрать профессию. Всегда любила читать, с удовольствием в Елабуге ходила в библиотеку, поэтому после окончания школы поступила на библиотечное отделение культпросветучилища, которое с отличием окончила. Хотя с деньгами в семье было трудно, я поехала поступать в институт в Москву. Жила на стипендию и очень благодарна своей старшей сестре, которая помогала, высылая 100 рублей каждый месяц.

– Чем особенно запомнились студенческие годы?

– В институте мне очень нравилось учиться. Преподаватели были интересными людьми и настоящими знатоками своего предмета. Много было полезных занятий по специальности, разговоров о литературе, жизни, театральных постановках. В институте встретила свою любовь, на втором курсе уже вышла замуж. Заботиться нужно было не только о себе, но и о молодом муже-студенте, с которым потом и приехала в г. Киров, откуда он родом.

– Знаем, что в вашей трудовой книжке одна запись: «Библиотека им. Герцена». Каковы ваши первые впечатления?

– 1 августа 1959 года – мой первый рабочий день. Но до этого я два раза была на практике в Герценке, поэтому представление о библиотеке и людях уже имела. Сразу понравилось уютное здание и доброжелательные коллеги.

– Много лет вы работаете в отделе краеведческой литературы. Какими были ваши профессиональные обязанности за это время?

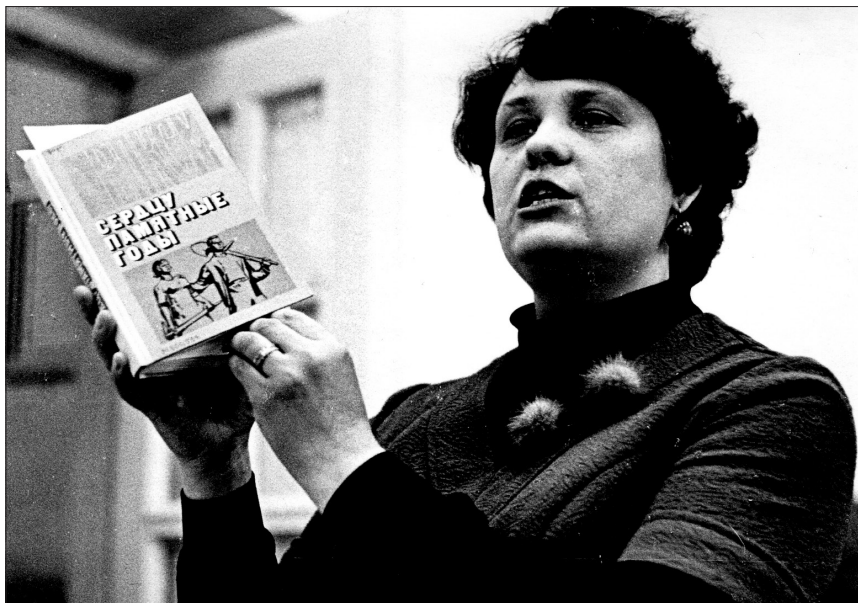
В начале трудовой деятельности занималась методической работой, потом 14 лет работала в справочном отделе. С 1974 года тружусь в отделе краеведческой литературы. С этого времени по 1981 год, пока выходил указатель «Литература Кировской области», два раза в год готовила к печати его выпуски. Работала с читателями, выступала с обзорами ли-

тературы на радио и телевидении. Ездил в командировки по районам области, помогая работать с краеведческой литературой и каталогами. Участвовала и в заседаниях клуба «Краеведческий четверг», общалась с такими уникальными людьми, как Тинский, Петряев, Эммаусский, Пленков. Просматривала и расписывала для каталогов и картотек все партии центральных и местных газет и журналов, чем и занимаюсь до сих пор.

– Пополнение уникального систематического каталога в отделе краеведческой литературы – ваша заслуга. Вы – автор нескольких библиографических пособий. Над чем было интереснее или труднее всего работать?

Борис и Галина Скальные

*Презентация книги «Сердцу памятные годы»
на краеведческом четверге. Выступает Г. Д. Скальная. 1979 г.*

– Пожалуй, труднее всего над указателем «Растительный мир Кировской области». Нужно было разбираться с записями на латыни, которую никто из библиотекарей не знал. Приходилось ходить на консультации в краеведческий музей, педагогический институт, но в результате этой работе была дана высокая оценка. Очень интересной оказалась работа над указателем «Вятское предпринимательство: история и персоналии». Просматривала множество газет, выискивая материал по крупницам.

– Галина Дмитриевна, наверное, вы не можете себя представить в другой профессии? Что для вас библиотека?

– Действительно, никогда себя не представляла в другой профессии. Библиотека для меня – дом родной. Здесь вся моя жизнь. В Кирове у меня не было родственников, но люди, которые меня окружали, стали мне по-настоящему родными.

– Как вы считаете, изменился ли читатель в последние годы?

– Мне кажется, что раньше читатель был более вдумчивым, серьезным, благодарным. Да и количество читателей значительно сократилось.

– Каким вы видите будущее библиотеки?

– Я только за то, чтобы библиотеки существовали, книги находили своих читателей, которые будут их

любить, понимать и беречь, ведь в них всегда можно найти что-то новое и интересное.

– *Вы много читаете. Менялись ли ваши литературные пристрастия со временем?*

– Конечно, менялись. Одно время очень увлекалась зарубежной литературой, потом полюбила советскую литературу: Астафьева, Распутина, Проскурина, Абрамова, Залыгина. Позже зачитывалась Акулиным, собрала все его книги. Книги Аксёнова – тоже одни из самых любимых.

– *Есть ли книги, которые вы перечитываете время от времени?*

– Кстати, «Московскую сагу» Аксёнова перечитывала несколько раз. Нравится возвращаться к рассказам Чехова. Среди любимых – военная литература: Васильев, Бондарев.

– *У вас большая семья. Расскажите, пожалуйста, о ваших детях и внуках.*

– Мой сын по профессии музыкант. Много лет работал директором Кировской филармонии. Сейчас – и. о. министра культуры Кировской области. Дочь – педагог, живёт в Санкт-Петербурге. У меня два внука, две внучки и уже два правнука.

– *Галина Дмитриевна, мы, ваши коллеги, воспринимаем Вас, как молодого душой человека. В чём секрет вашей молодости?*

– Наверное, в любимой работе, где мне всегда хорошо, и в общении с коллегами, детьми, внуками.

Титул истинного благородства

Светлана Андреевна Макаревич

Е. А. Рыжова

В чём состоит миссия библиотекаря? Говоря упрощённо, в том, чтобы соединить читателя и книгу. А какова миссия программиста, причастного к библиотечной сфере? Суть её – в организации электронного каталога как эффективного инструмента для поиска документов. Именно эту важнейшую задачу решает Светлана Андреевна Макаревич, программист отдела автоматизации Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Светлана Андреевна – совершенно особенный, редкой доброты и отзывчивости человек и уникальный специалист. Она была в числе первых квалифицированных сотрудников, кто непосредственно участвовал в процессе становления новой технологии автоматизированной обработки документов в библиотеке. Светлана Андреевна на высокопрофессиональном уровне освоила работу с тремя информационно-библиотечными системами: MARC, MARC-SQL, OPAC GLOBAL.

Она работает в Герценке с 1995 г., то есть больше 20 лет. Но прежде чем посвятить себя библиотечному делу, окончила в 1970 г. Кировский государственный политехнический институт и 25 лет трудилась в конструкторском отделе КБ «Север» (НИИ СВТ).

В 1990-е годы – в период жесточайшей экономической трансформации, когда страну лихорадило от дефолтов, задержек заработной платы, массового сокращения кадров, закрытия предприятий и научных учреждений, Светлана Андреевна предпочла уволиться из конструкторского бюро и заняться поисками работы, обеспечивающей хоть какую-то стабильность существования. Сейчас забавно вспомнить, но её не взяли в буфетчицы, поскольку слишком уж бесхитростно и интеллигентно выглядела.

Отдел автоматизации в библиотеке им. А. И. Герцена был создан в 1992 г. С этого момента началась её компьютеризация и информатизация. С 1994 г. силами специалистов отделов комплектования, обработки литературы и организации каталогов все поступившие в библиотеку книги отражаются в электронном каталоге. Информационно-библиографический отдел ведёт электронную картотеку статей. Отдел краеведческой литературы создаёт электронный каталог «Летопись Кировской области» (ныне – «Память Вятки»).

Светлане Андреевне в 1995 г. предстояло влиться в сугубо мужской коллектив «автоматизаторов», освоить совершенно новое направление деятельности, разобраться в тонкостях библиотечной технологии, изучить внедряемую АИБС MARC и стать экспертом в деле автоматизированной обработки до-

С. А. Макаревич

кументов. Объём работы и масштаб задач попросту ошеломлял, но она справилась.

С неизменным упорством и скрупулёзностью вникая во все детали, изучала стандарты библиографического описания и форматы библиографических данных, создавала структуру новых баз для отделов литературы по искусству, иностранной литературы, сектора редкой книги и других, настраивала выходные формы (каталожные карточки, требования, списки, указатели), выполняла реорганизацию и архивирование баз данных.

А сколько времени было затрачено на обучение коллектива!

Ведь компьютерная грамотность большинства сотрудников библиотеки в те годы была практически нулевой. Начинали с элементарного: знакомства с устройством компьютера, освоения стандартных программ «Проводник» и Norton Commander, текстовых редакторов Lexicon и Word простейших версий. А преодоление пресловутого «психологического барьера»...

Постепенно объёмы баз данных росли, в том числе за счёт описаний различных видов документов: электронных, сериальных изданий, сборников нот и песен. Естественно, что мощности и функционала имеющегося программного обеспечения стало не хватать. Назрела необходимость внедрения новой, более развитой системы – АИБС MARC-SQL. И вновь – период адаптации и настройки системы, привыкание к новому интерфейсу, освоение дополнительных возможностей, обучение коллег и убеждение их в правильности выбранного пути. На этом переходном этапе Светлане Андреевне приходилось быть особенно терпеливой и дипломатичной, чтобы, с одной стороны, внимательно выслушать претензии библиотекарей и вникнуть в суть проблем, а с другой стороны, конструктивно и без негатива изложить их техническим специалистам отдела автоматизации, чтобы вместе оперативно найти решение.

Параллельно Светлана Андреевна оказывала методическую

и практическую помощь сторонним организациям – библиотекам, образовательным и информационным учреждениям г. Кирова, которые использовали АИБС MARC.

Информационные технологии развиваются стремительно и непрерывно. Чтобы работать эффективно, неизбежно наступает пора объединять усилия по формированию электронных ресурсов для обмена информацией. В 2008 г. библиотека им. А. И. Герцена вступила в корпоративный проект MAPC («Межрегиональная аналитическая роспись статей»), и Светлана Андреевна принимала участие во внедрении и техническом сопровождении проекта.

Следующий шаг на пути информатизации – создание сводного электронного каталога библиотек Кировской области. Для решения этой грандиозной и ответственной задачи требовался совершенно иной, принципиально новый подход, основанный на использовании web-технологий. Подходящим функционалом и возможностями обладала АБИС OPAC GLOBAL, которая была приобретена библиотекой им. А. И. Герцена в 2010 г. благодаря областной целевой программе «Развитие культуры Кировской области на 2010–2013 годы».

Кроме стандартных процессов установки и настройки системы, необходимо было произвести конвертацию библиографических данных в формат RUSMARC. Чтобы библиографические записи в базах не были

О. В. Жукова и С. А. Макаревич

повреждены или безвозвратно утрачены, Светлана Андреевна с присущей ей тщательностью занималась подготовкой баз данных к конвертации, а после – проверяла сконвертированные записи на предмет выявления ошибок и несоответствий.

Далее наступил период интенсивного обучения сначала сотрудников библиотеки им. А. И. Герцена, затем специалистов других библиотек города и области работе с новым программным комплексом АБИС ОПАС GLOBAL. Библиотекарей обучали, как описывать в электронном каталоге новые поступления, включая многотомные издания и сборники, а также технологии ретроввода. Проводи-

лись индивидуальные и групповые занятия, совещания и консультации, курсы повышения квалификации, разрабатывались методические рекомендации и технологические инструкции. В 2011–2012 гг. было проведено более 20 семинаров-тренингов для муниципальных библиотек г. Кирова и области по освоению АБИС ОПАС GLOBAL, включая выходы и выезды на места.

Работу по внедрению АБИС ОПАС GLOBAL и созданию сводного каталога Кировской области возглавила заместитель директора по автоматизации библиотечных процессов Гюльнара Дамировна Крылатых. Процессом обучения библиотечных специалистов руководила заведующая отделом обработки литературы и организации каталогов Ольга Витальевна Жукова. Светлана Андреевна Макаревич принимала самое деятельное участие и в разработке инструктивно-методических материалов, и в обучении библиотечных кадров, и непосредственно в сопровождении каталога.

С момента создания сводного электронного каталога прошло уже 5 лет, библиотекари области обрели уверенность и навык в работе с ним, и количество библиографических записей в нём непрерывно растёт. Но ошибок всё ещё много.

Взаимодействуя с 58 библиотеками города и области, Светлана Андреевна осуществляет текущую редакцию сводного каталога. С неиссякаемым терпением и тактом она

консультирует библиотечных специалистов по телефону, электронной почте и при личных встречах, анализирует ошибки и даёт рекомендации по их устранению. Поиск и корректировка ошибочных записей, удаление дублетных библиографических записей – это её каждодневный труд, с которым справится далеко не каждый профессионал. Здесь требуются усидчивость, внимательность, аккуратность и тщательность. С упорством и настойчивостью муравья, по хвоинке незаметно собирающего огромный муравейник, Светлана Андреевна делает свою работу невозмутимо и эффективно, лишь иногда сетуя на очевидные и вопиющие ошибки коллег. Светлана Андреевна компетентна и ответственна как профессионал, добросердечна и открыта как человек. Её обаяние – в скромности и дружелюбии.

Она – мудрый наставник и преданный друг. Со своими старинными друзьями она тепло общается много лет – они вместе отмечают праздники, ходят в театр, ездят в гости друг к другу даже за границу, поддерживают друг друга в грустные моменты жизни. У неё гостеприимный и хлебосольный дом, прекрасная дружная семья. Светлана Андреевна – любящая и заботливая дочь, мама и бабушка. Кстати, дочка Светланы Андреевны – Елена Валерьевна Ярославцева – тоже работает в библиотеке, в отделе литературы на иностранных языках, и мама вполне заслуженно может ею гордиться.

Символично, что юбилейный для библиотеки им. А. И. Герцена год является юбилейным и для Светланы Андреевны, разница лишь в количестве лет. В преддверии юбилея хочется пожелать ей здоровья и энергии, чтобы продолжать трудовую деятельность, быть примером всепоглощающего служения профессии, ведь, как писал Ромен Ролан, «труд – это единственный титул истинного благородства».

Будетлянин. Вне времени и пространства: Велимир Хлебников

**(опыт работы выставки-проекта
в библиотеке им. А. И. Герцена)**

Е. А. Кожевникова

Я хочу вынести за скобки
общего множителя,
соединяющего меня, Солнце, небо,
жемчужную пыль.

В. Хлебников

2015 год стал особым для русского авангарда, поскольку 28 октября (9 ноября) 2015 года исполнилось 130 лет со дня рождения одного из вождей русского футуризма, «будетлянства», яркого и самобытного поэта, объявившего себя Председателем Земного Шара, – Велимира Хлебникова.

Виктор Владимирович, или Велимир, Хлебников (1885–1922), уроженец Астрахани, своё детство провёл на Волге, затем его семья пе-

реехала в Казань, где будущий поэт окончил гимназию. Он был зачислен на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, перешёл на его естественное отделение, а затем перевёлся в Санкт-Петербургский университет, оставил обучение и поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. Так и не доучился. Однако интерес к математическим формулам, природе времени и языку наложил отпечаток на всё творчество Будетлянина, чей поэтический мир наполнен архаикой, метафорами, звуками, числами, мифологическими образами и необыкновенным чувством природы и гармонии с ней. Первое выступление Хлебникова в печати состоялось в 1908 году, когда в журнале «Весна», где редактором был Василий Каменский, было опубликовано стихотворение в прозе «Искушение грешника». Вскоре Хлебников познакомился с братьями Бурлюками и появилось объединение «будетлян» («гилейцев» или «кубофутуристов»).

К юбилею поэта библиотека имени А. И. Герцена подготовила выставку, на которой были представлены издания из её фондов, так или иначе связанные с жизнью, деятельностью и творчеством Велимира Хлебникова.

Первый раздел выставки составили произведения писателя. Среди них особо ценны прижизненные издания, ставшие редкостью: сборник «**Студия импрессионис-**

В. Хлебников

тов» (СПб., 1910), где было напечатано «Заключение смехом», сделавшее поэта знаменитым; сборник «**Пощечина общественному вкусу**» (М., [1913]) из коллекции библиофила Е. Д. Петряева, в который наряду с манифестом и произведениями других футуристов были включены и творения Хлебникова. Об этих изданиях мы рассказывали в одной из статей¹.

Прижизненным изданием, два экземпляра которого также хранятся в библиотеке, является брошюра В. Хлебникова «**Ночь в окопе**» (М., 1921). Поэма посвящена теме революции и гражданской войны. Она была написана весной 1920 года в Харькове, и вместе с рядом других рукописей Хлебников передал её

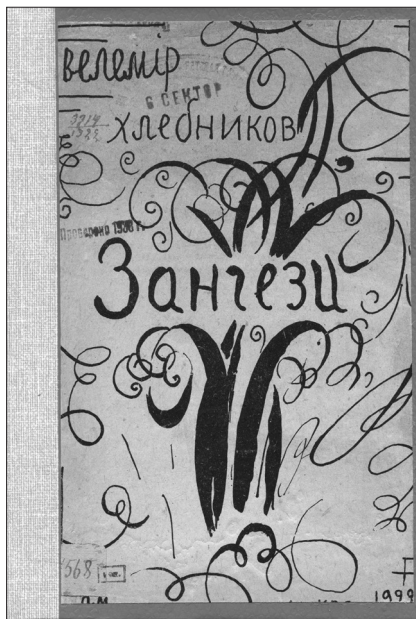
С. Есенину и А. Мариенгофу, приехавшим к поэту. Книга вышла довольно большим для того времени тиражом – 10 тыс. экземпляров, а сама рукопись не сохранилась. *«Таким образом, это издание остается единственным источником текста поэмы. Печаталась “Ночь в окопе”, очевидно, прямо с рукописи и, конечно, без всякой корректуры. Неудивительно, что здесь мы найдем едва ли не все мыслимые виды искажений, начиная с пунктуации и кончая композицией»*². Современники отмечали, что Хлебников был очень недоволен этим изданием.

В поэме автор рисует ночь в ожидании сражения, а затем день – бой и победу красных. События революции воспринимаются поэтом в общечеловеческом масштабе. Здесь мы встречаемся с важным для Хлебникова образом, который стал одним из центральных в его творчестве, – образом *Каменной бабы*. Древние изваяния, называемые каменными бабами, – это идолы-обереги, которые когда-то люди устанавливали на вершинах курганов. Вокруг них сложилось немало легенд. Одна из них раскрывается в сказке «Каменная баба» А. Ремизова, которого Хлебников очень ценил. В ней каменные статуи всеведущи, отстранённые и загадочны, они настолько древни, что являются современниками появления солнечного света на земле, но будущего перед людьми они не раскрывают. В поэме Хлебникова каменные бабы сурово и осуждающе

наблюдают за братоубийственной бойней:

Чтоб путник знал о старожиле,
Три девы степи сторожили,
Как жрицы радостной пустыни...
Смотрело
Каменное тело
На человеческое дело.
«Где тетива волос девичьих?
И гибкий лук в рост человека,
И стрелы длинные на перьях птичьих,
И девы бурные моего века?» –
Спросили каменной богини
Едва шептавшие уста.
И черный змей, завит в кольцо,
Шипел неведомо кому.
Тупо-животное лицо
Степной богини. Почему
Бойцов суровые ладони
Хватают мертвых за виски
И алоратные полки
Летят веселием погони?
Скажи, суровый известняк,
На смену кто войне придет?
– Сыпняк.

Именно такую каменную бабу установили на надгробии Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище. «“Баба” оказалась удивительно выразительной. Черты лица её явно тюркские. В правой руке – нечто, напоминающее круглый сосуд, имеющий форму плода граната, который на всем Востоке является символом вечной цикличности, взаимосвязанности и взаимоперехода жизни и смерти»³. Кажется, невозможно было бы отыскать что-то более подходящее для надгробия, настолько этот образ созвучен поэтическому миру Хлебникова.

Обложка книги: Зангези (М., 1922)

На выставке были представлены и первые посмертные издания. Это сверхповесть Хлебникова «Зангези» (М., 1922) с обложкой, украшенной растительным орнаментом П. Митуричем, она стала итогом творчества поэта. Вслед за ней благодаря хлопотам П. Митурича и Н. Коган вышел сборник «Стихи» (М., 1923) с конструктивистской обложкой А. Борисова. Деньги на издание были получены от редакции ЛЕФа. Интересно, что сборник завершается воспоминаниями Веры Хлебниковой, написанными вскоре после смерти брата:

«Если б он был королем (по человеческой власти), он мог бы, поразившись каким-нибудь детским

личиком... – сняв с себя драгоценную корону, надеть ее на голову ребенка и, прошептав смущенно: “возьми, это тебе совсем” – с безразличным, скучающим видом идти дальше...

Он мог каким-то внутренним взлетом подарить, как безделушку, свое королевство. И когда бы спросили, где оно, он бы устало зевнул, сказав “ах, как все это скучно”, и погрузился бы в свой мир...

Его многие считали эгоистом и бессердечным...

Он же был ребенком навсегда, то упрямым и капризным, то кротким и тихим.

А люди требовали от него, как от взрослого, и он ушел»⁴.

Действительно, вся жизнь поэта – это вечные скитания, нужда и непонимание. Хлебников пишет:

*Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда не людим,
Везде не любим»⁵.*

Интересно и следующее издание: **Настоящее : поэма / В. Хлебников. Стихи / И. С. Альвэк. Библиография [произведений В. Хлебникова, 1908–1925] / В. Силлов (М., 1926).**

Поэма «Настоящее» тоже является широкой панорамой первых лет революции. Это издание подготовила сестра поэта. В нём даётся первая библиография Хлебникова, составленная поэтом и критиком Владимиром Силловым. Поэму предваряет

Обложка сборника:
Всем ; Ночной бал (М., 1927)

обращение И. С. Альвэка (Иосиф Соломонович был близок с Велимиром в последние годы жизни. *Е. К.*). В обращении звучит укор современникам и издателям, потому что неопубликованных произведений Хлебникова всё ещё множество. Негодование Альвэка, переживающего за потерянные рукописи Велимира, ошутимое в этом издании, становится откровенным в книге: **Всем ; Ночной бал / В. Хлебников. Нахлебники Хлебникова: Маяковский – Асеев / И. С. Альвэк (М., 1927).**

Альвэк помещает сюда памфлет «Нахлебники Хлебникова», где горячо защищает наследие Велимира, критикует «товарищей» поэта за

то, что пытаются вычеркнуть имя Хлебникова из футуризма, а также несправедливо обвиняет В. Маяковского в присвоении рукописей Велимира. Эта скандальная история вокруг рукописей Хлебникова стала широко известной⁶.

Между Хлебниковым и Маяковским действительно были сложные, неоднозначные отношения. Они восхищались друг другом, учились друг у друга, и Маяковский даже заботился о «Вите», поскольку в быту он был совершенно неприспособленным, но смотрел на него настороженно. Велимир называл Маяковского Владимиром Облачным (очень любил поэму «Облако в штанах») и относился к нему с нежностью:

Ну, тащися, Сивка, по этому пути
Шара земного, – Сивка Кольцова,
 кляча Толстого.
Кто меня кличет из Млечного Пути?
А? Вова!
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твое благородное
 копытце!

Любопытно, что в журнале «Красная новь» (1922, июль-август) находим некролог «В. В. Хлебников», написанный В. Маяковским. Здесь автор тепло отзываясь о поэте, отмечает его заслуги в работе со словом, со стихом, говорит о жизни и характере Хлебникова. Но наряду с этим делает неоднозначный вывод о труднодоступности написанного Велимиром, его непонятности окружающим: «Всего из

сотни читавших – пятьдесят называли его просто графоманом, сорок читали его для удовольствия... и только десять (поэты-футуристы, филологи “ОПОЯЗа”) знали и любили этого Колумба новых поэтических материков... Хлебников – не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителя»⁷. Парадоксально, но, восклицая в заключение статьи «Живым бумагу!» – В. Маяковский сбрасывает его с «парохода современности», подобно тому, как в своё время футуристы бросили Пушкина, Достоевского и Толстого. Это значит, что, главным образом, Маяковский видел в Хлебникове учителя поэтов, и критиковать его за выражение собственных взглядов кажется абсолютно лишним делом. К тому же, многие авторы, подобно Маяковскому, отмечали, что считают Велимира Хлебникова своим учителем. Так, например, Андрей Вознесенский подчёркивал, что «без Хлебникова нельзя в наше время писать стихи»⁸. Хлебниковым зачитывались писатели: Н. Асеев, В. Катаев, Н. Заболоцкий, Э. Багрицкий, М. Кульницкий, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, А. Тарковский, Е. Евтушенко и другие. Писатели и сегодня перенимают его пристальное внимание к слову.

Изучением жизни и творчества В. Хлебникова занимался известный литературовед Н. Л. Степанов. Совместно с Ю. Н. Тыняновым им было подготовлено первое Собра-

ние произведений Велимира Хлебникова в 5 томах (Л., 1928–1933). Неудивительно, что оно имело множество композиционных и текстологических недостатков, а некоторые произведения печатались в первоначальном виде, хотя впоследствии были отредактированы Хлебниковым. С выходом каждого тома находились всё новые и новые материалы. Соответственно, всё литературное наследие поэта не было собрано в этом издании. Тем не менее, вплоть до выхода следующего собрания сочинений (спустя десятки лет), первое не теряло своего авторитета.

Дополнением к первому собранию сочинений стало следующее издание: **Хлебников В. Неизданные произведения (М., 1940)**. Оно вышло под редакцией Н. Харджиева и Т. Грица, которые провели серьёзную работу по определению точной хронологии произведений, основанной на документальных данных и стилистическом анализе, а также выявлению «беловых» вариантов. Известно, что Будетлянин постоянно вёл работу над уже готовыми текстами, вычёркивая ненужные куски, дописывая, переписывая их заново, соединяя отрывки в «сверхповести», тем самым увеличивая количество вариантов. Кроме того, произведения были рассеяны во всевозможных сборниках, печатались без участия автора, с искажениями текста и грубыми опечатками. Не приходится удивляться, что,

Обложка сборника:
Стихи, поэмы (Ставрополь, 1991)

столкнувшись с несколькими вариантами одного произведения, редакторы и исследователи творчества Хлебникова выбирают источником текста какой-то один, подчиняясь субъективной оценке. В сборнике опубликованы как законченные произведения, так и черновики, отрывки поэтических и прозаических текстов, письма поэта.

Современные издания произведений поэта также вызывают интерес, они привлекают не только своим содержанием, но и оформлением. Так, например, сборник Хлебникова «Стихи, поэмы» (Ставрополь, 1991) оформлял художник

в третьем поколении С. В. Митурич, внук П. В. Митурича, друга Велимира и мужа его сестры Веры.

Второй раздел выставки составляли книги о Хлебникове – воспоминания современников, критические статьи и заметки. Их авторы – ведущие биографы и исследователи творчества поэта – Н. Л. Степанов, В. П. Григорьев, Р. В. Дуганов, В. В. Аристов, П. И. Тартаковский, С. Старкина, Хенрик Баран и другие. Они рассматривают не только личную биографию В. Хлебникова, но также затрагивают разные аспекты его творчества: мифопоэтику, словотворчество, звукообразы, тематику, фольклорные и восточные мотивы. Так, например, Н. Л. Степанов выделяет основные особенности поэтического мира поэта: смысловый алогизм, «остранённое» восприятие предмета, незаконченность, фрагментарность, нарушения смысловой и сюжетной последовательности, отступление от основной темы, ритмические перебои и смысловые «сдвиги», сложные нагромождения образов. Вслед за Ю. Н. Тыняновым он отмечает: «Творчество Хлебникова с самого начала не укладывалось в рамки футуризма. Его стремление к примитиву, к природе, идеализация языческой Руси и прошлого славянства знаменовали иные тенденции, чем у его сотоварищей по футуризму»⁹. Труды В. П. Григорьева, крупного исследователя и тонкого интерпретатора Хлебникова, не менее важны. Он подходит к творчеству

поэта преимущественно с текстологической точки зрения, анализирует тематику произведений, эксперименты со словом, рассматривает образную систему и творчество поэта в контексте футуризма, авангарда, поэзии начала XX века, сопоставляя идиостиль Будетлянина с идиостильями ярких поэтов: Пушкина, Маяковского, Мандельштама, Северянина и других. Значительной книгой стала первая полная биография В. В. Хлебникова, вышедшая в серии ЖЗЛ: **Старкина С. Велимир Хлебников (М., 2007)**. Автор – известный во всём мире хлебниковед и знаток русского советского авангарда. Здесь гармонично совмещаются биографический и филологический методы исследования. Рассказ о жизни творца подтверждается цитатами из воспоминаний современников поэта и дополняется анализом поэтических текстов В. Хлебникова. Кроме того, в конце книги приведена основательная библиография, посвящённая Хлебникову, включающая перечень прижизненных и посмертных его изданий.

Хлебниковедение – одно из актуальных, постоянно развивающихся явлений литературоведения. Книги, посвящённые Хлебникову, продолжают выходить и поступать в библиотеку. Самым новым и оригинальным изданием является книга художника **М. Погарского «Орнитолог и птицелов» (М., 2015)**, выпущенная к 130-летию со дня рождения В. Хлебникова и 120-летию со

дня рождения Э. Багрицкого и подаренная библиотеке специально к выставке. Издание украшает автограф: *«Библиотеке им. Герцена сердечный привет от автора и пожелание хорошей выставки, посвящённой Хлебникову. 15.10.2015. М. Погарский»*. Книга включает биографию поэта, воспоминания современников о нём, а также книги художника – проекты букартистов, посвящённые Хлебникову. Привлекает необычная пагинация: страницы нумеруются формулами – примерами с двойками и тройками в различных степенях – дань памяти Хлебникову, который при вычислении законов времени выявил особую значимость этих цифр.

Третий раздел выставки позволил передать дух эпохи – начала XX века. Его составили футуристические книги и репродукции картин авангардистов. История футуристического движения в России яркая, но довольно короткая – 10–12 лет. За это время художественные стили и методы его участников не раз менялись. Футуристы и авангардисты ссорились, дрались, расходились, мирились, формировали новые объединения и высмеивали друг друга. Так, например, К. Малевич, друживший с футуристами, как-то с юмором отметил в письме: *«Взялись футуристы освобождать слово, но так как оно состоит из букв, а буквы между собою склеены столярным клеем мысли и вещи, то поэты кубисты-футуристы разрубили его на не-*

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

ОРНИТОЛОГ И ПТИЦЕЛОВ

К 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова
и 120-летию со дня рождения Эдуарда Вагницкого

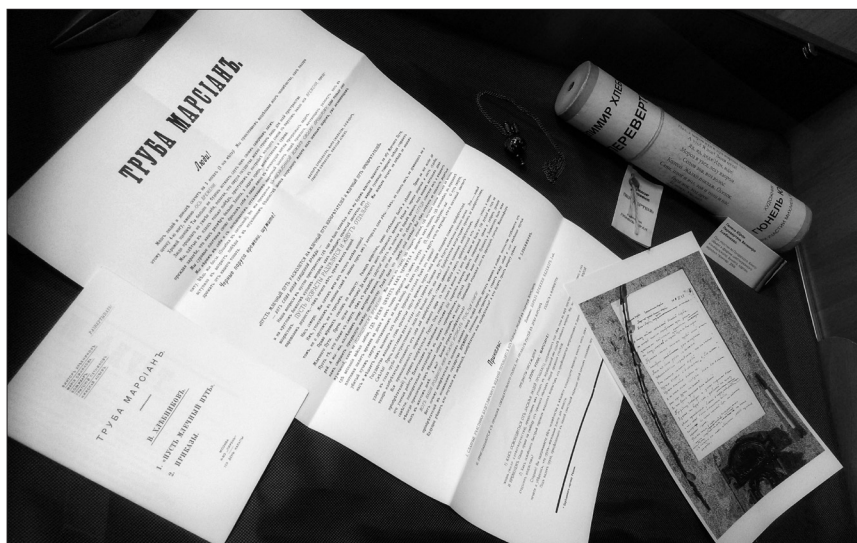
$$130 = 2' + 2'$$

$$120 = (2 \times 3)!$$

Библиотеке им. Герцена
сердечный привет
от автора
и пожелание хорошей
выставки, посвящённой
ХЛЕБНИКОВУ
15.10.2015
Многоречный

$$\frac{1885+1895+120+130}{2} = 2015$$

Титульный лист книги
М. Погарского «Орнитолог
и птицелов» (М., 2015)

Фрагмент выставки

сколько кусков... разделили их связь между собою и получилось: "У-лица. Лица У; лис-точки"... Сбросили с парохода современности все, и я очень жалею, что не пихнули и себя заодно»¹⁰.

Для нас было важно показать разные стороны деятелей футуризма, поскольку зачастую до сих пор их появление в культуре оценивают как «нашествие вандалов», бездарных поэтов, художников и музыкантов, не умеющих ни писать, ни рисовать, ни сочинять музыку. Сегодня все эти разговоры не имеют смысла, футуризм уже занял своё место в культурной истории страны, его эстетика сложна и многообразна, а футуристическая книга как одно из достижений направления имеет мировое признание.

Раздел выставки составили издания: **«Футуризм» Ф. Т. Маринетти (СПб., 1914)** – первый перевод на русский язык манифеста итальянского «отца» направления, **«Футуризм без маски» В. Шершеневича (М., 1913)** – взгляд на футуристическое движение изнутри, а также книги Е. Гуро, В. Маяковского, А. Крученых и В. Каменского. В этом разделе важно было представить и других поэтов-футуристов, раскрыть идейные связи разных художников слова, провести параллели между ними.

Сегодня нельзя сказать, что в библиотеке нет книг Хлебникова. Выставка позволила раскрыть богатейшие фонды Герценки. Время забвения поэта позади. Выстав-

ку посетили школьники, студенты, художники и дизайнеры, читатели Герценки. Более всего оценили библиографические редкости писателя – гости библиотеки.

* * *

Взводень звонов, кузов звуков, –
Звать, звучать, звенеть, звонить!

Кто он, звоном зааукав,
Хочет ночью заморочить,
В зелень звуков заманить?

В. Брюсов. *Взводень звонов*
<Памяти Велимира Хлебникова>

Выставка, посвящённая Велимиру Хлебникову, выросла в серьёзный проект, его составной частью стали занятия со школьниками и студентами, на которых мы знакомили ребят с творчеством поэта и его книгами. Большое внимание уделялось особенностям поэтического языка Хлебникова – обилию исконно славянской лексики, звукописи, яркой образности и словотворчеству, а также теории числа, законам времени и «заумному языку».

Важно было понять, действительно ли поэзия Хлебникова сложна и непонятна для юного читателя, как принято считать. Некоторые критики и исследователи творчества писателя отмечали, что футуристические установки опустошили и обездушили многое из написанного поэтом, что Хлебникова можно читать только выборочно, в его произведениях слишком много теоретизма, он «не причёсан». Поэту практически не уделяется внимание

в школьной программе. В лучшем случае старшеклассников знакомят с хрестоматийными футуристическими стихотворениями, такими как «Кузнецик», «Заклятие смехом», «Бобэоби пелись губы». И знакомство это носит поверхностный характер: прочитали стихотворение – посмеялись и вернулись к Пушкину, Достоевскому и Толстому. По существу, ничего не говорится о мастерстве создания зрительно-звуковых образов и словотворчестве, о месте

Хлебникова в литературе Серебряного века.

Действительно, на собственном опыте мы ощутили, что первое знакомство с произведениями Велимира Хлебникова происходит нелегко. Неподготовленный юный слушатель воспринимает футуристические стихи поэта несерьезно, как шутку или бессмыслицу.

Да, Хлебников непонятен. Но это не значит, что книги поэта нужно отложить в сторону. Это лишь

Фрагмент выставки

Творческое занятие со школьниками

На одном из творческих занятий

значит, что их нельзя назвать чтением ради развлечения, здесь необходимо много размышлять, уточнять неизвестные слова и названия, и поинтересуясь строить занятия.

После небольшого комментария об эпохе, в которой жил поэт, о его насыщенной путешествиями и знакомствами биографии, центральном месте в русском футуризме, об увлечениях историей, языком и орнитологией, слушатели подготовлены к восприятию нового и яркого поэтического мира, непохожего на всё известное. Они готовы принять, понять и даже полюбить ТАКУЮ поэзию, где переплетаются шуточные и грустные голоса, фольклорные мотивы, любовь к природе, гуманизм, а различного рода эксперименты не

кажутся такими бессмысленными и сложными. Ребята отмечают, что Хлебников всё время разный.

Лучшие творения поэта проникнуты глубоким пониманием природы, они далеки от футуризма, просты и понятны каждому:

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых теней
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползет.

В этом стихотворении Хлебников мастерски рисует картину прихода весны, его строчки оживают

и превращаются в образ, насыщенный яркими красками и солнцем.

Иногда в стихотворениях Хлебникова сильно ощутимы печальные, скорбные нотки. Тема зыбкости, хрупкости жизни, трагичности существования также становится одной из основных. Явления природы, неживые предметы олицетворяются и одушевляются Хлебниковым. Весь мир для него – живое единство. В стихотворении «Шествие осеней Пятигорска» мы наблюдаем «очеловечивание» деревьев:

Опустило солнце осеннее
Свой золотой и теплый посох,
И золотые черепа растений
Застрали на утесах,
Сонные тучи осени синей,
По небу ясному мечется иной.
Лишь золотые трупики веток
Мечутся дико и тянутся к людям:
«Не надо делений, не надо меток,
Вы были нами, мы вами будем».

Кроме того, перед читателем открываются другие стороны таланта Будетлянина: среди творческого наследия Хлебникова не только поэтические тексты, не менее интересны его проза, пьесы, статьи, декларации, манифесты, письма.

Фраза Хлебникова ёмка и афористична, тексты становятся живописными полотнами: *«Словотворчество – враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в древне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умира-*

*ют, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем»*¹¹; *«...играя в куклы, ребенок может искренне заливаться слезами, когда его комок тряпок умирает... во время игры эти тряпочки – живые, настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сишты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке, – участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы – просто собрание звуковых тряпочек. Итак, слово – звуковая кукла, словарь – собрание игрушек»*¹² или ещё: *«И вот дерево слов одевается то одним, то другим гулом, то празднично, как вишня, одевается нарядом словесного цветения, то приносит плоды тучных овощей разума. Не трудно заметить, что время словесного звучания есть брачное время языка, месяц женихающихся слов, а время налитых разумом слов, когда снуют пчелы читателя, время осеннего изобилия, время семьи и детей»*¹³.

Эксперименты Будетлянина в области словотворчества оценили многие филологи, лингвисты и поэты. Способны оценить их и дети, потому что для них словотворчество превращается в весёлую игру. И надо сказать, материал о Хлебникове лучше усваивается, если часть занятия проходит именно в игровой форме.

Уроки со школьниками, посвящённые Хлебникову, заканчивались творческим заданием. Оно позво-

ляло закрепить полученные знания и раскрыть свои таланты. Ребята (ученики 5 и 6 классов) делились на группы, перевоплощались в футуристов и занимались изготовлением рукотворных футуристических книг – сборников к 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова. Задания выполнялись на мешковине, обойной и цветной бумаге.

Поскольку в футуризме наиболее осязаемо взаимодействие изобразительного искусства и литературы, наши книги-проекты, подобно оригиналам, опираясь на опыт предшественников, становились синтезом трёх компонентов: слова, иллюстрации и оформления.

Предлагались задания различного характера: коротко записать о В. Хлебникове или о футуризме то, что запомнили и поняли; нарисовать портрет писателя; собрать строчки стихотворения в верном порядке и вклеить в книгу; нарисовать иллюстрацию к стихотворению; оригинально (по-футуристически) списать стихотворение; придумать новые слова от данного слова; раскрасить футуристическую иллюстрацию; оформить обложку и книгу и т. д.

С помощью этих заданий мы смогли проанализировать, насколько материал о Хлебникове усвоился слушателями – какие остаточные знания выявились после занятия, что было больше всего интересно, каковы у ребят способности устанавливать логические связи, мыс-

лить образно и оригинально, подходить к делу творчески.

Охотнее всего ребята выполняли задания, связанные с рисованием. Сложнее оказалось сформулировать и записать то, что запомнилось о Хлебникове или футуризме. Ребята записали, что Хлебников был футуристом, путешественником, не заботился о себе, отец его – орнитолог, а сестра – художница. Им также хорошо запомнилось, что Велимир часто терял рукописи. «Он любил писать как курица лапой», «Все его произведения были оригинальны и экспериментальны», «У него странные и непонятные стихи», «Необычный стих», «Он писал для взрослых», «Очень интересный писатель» – таковы впечатления одной из групп, выраженные на бумаге. Две группы получили задание: написать, что запомнили о футуризме. В одной книге мы, к удивлению, прочитали: «Я запомнила, что футуризм – это наркомания». Метафора ли, выражающая страстное чувство, ставшее одержимостью, или восприятие художественного течения как агрессивного и вредного обществу хулиганства, или что-то иное имелось в виду, – трудно сказать. Другая же группа запомнила: «Из чего сделаны футуристические книги», «В Италии футуристов не любили».

Более всего ребятам понравился процесс изготовления книжных обложек. Все обложки получились яркими, красочными и непохожи-

Творчество учащихся – обложки футуристических книг

ми друг на друга. Они украшены маленькими изображениями, радугами, каплями краски, отпечатками пальцев, аппликациями. Почти на каждой обложке текст заглавия написан оригинально, где-то слова заключены в ребус, отдельные буквы выделены, «прыгают», а где-то изображённые элементы продолжают растительный орнамент обоев.

Не менее интересными получились иллюстрации к стихотворениям. Все группы справились с заданием. Но отметим, что чаще рисунки отражают поверхностный слой поэ-

зии Хлебникова, иллюстрируются отдельные слова, иногда сюжет, они малооригинальны. Одна иллюстрация, выполненная к стихотворению «Годы, люди и народы...», резко отличается от остальных:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.

Ученица изобразила девочку, бегущую во тьме. Её плащ развевается

Портреты В. Хлебникова

Иллюстрации к произведениям В. Хлебникова

от высокой скорости, а за спиной остаются годы – 1989, 1900, 1800. Стихотворение понято и прочувствовано, а иллюстрация становится столь же метафоричной, что и текст.

Нелёгкой оказалась и задача, связанная со словотворчеством. Сложно было придумать новые слова от слова «друг». Ребятам было разрешено изменить задание, они сочинили песню «Друг». Зато от слов «поэзия», «снег» и «красота» получились следующие производные:

– *поэзик, поэзит, поэзунчик, Поэзляндия, остров Поэзонтик, команда поэзистов, растение поэзокорневое;*

– *поснежиться, подснежевик, снеговица, снегодая, переснежка, снегопес, снегодел, снегодом, снегоград;*

– *красатия (красивый чай), красогактика (красивая галактика), красотенец (красивый ребёнок), красотофобия (боязнь красоты), красотос (человек с красными полосками на глазах).*

Кроме того, ребятами усвоены футуристические эксперименты с типографским набором и «самописанием». Каждое слово в книжках оживает: разрубленные строки, «прыгающие» и «пляшущие», перевернутые и разбросанные буквы, которые порой превращаются в геометрические фигуры. Конечно, не каждая страничка является образцом синтеза слова и образа, но попытки достичь органического вербально-визуального единства до-

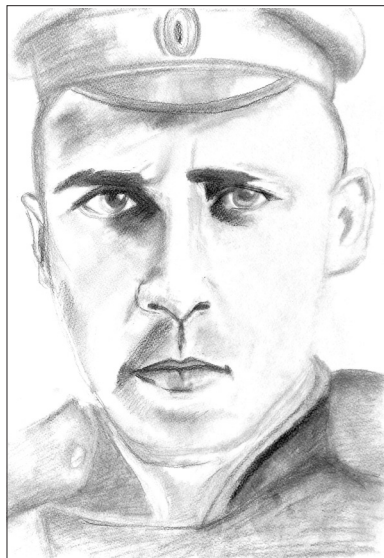
вольно успешны, и текст перетекает в рисунок, а детский почерк создаёт настроение книги. Перед нами удачный пример визуальной поэзии.

В книгах-проектах немало помарок и грамматических ошибок. По мнению футуристов, ошибки становятся неотделимой частью произведений, и мы постарались не вносить никаких исправлений. Оформление наших изданий завершалось вклеиванием фотографий «объединений художников» – изготовителей книг на обороте обложки. Таков результат творческого сотрудничества учеников.

Уроки проходили ярко и шумно, помимо выполнения заданий, ребята раскрашивали свои лица, рисовали портреты друг друга, сочиняли стихи и спорили обо всём на свете, как настоящие футуристы. Мы научились не только понимать поэзию Хлебникова, мы научились сотворчеству.

* * *

Итогом выставки, посвящённой Будетлянину, стал конкурс детских рисунков «Поэзия Велимира Хлебникова глазами детей», проходивший с 15 марта по 10 апреля 2016 года. Конкурс проводился по двум номинациям: «Портрет Велимира Хлебникова» и «Рисунок по стихотворению». Участниками конкурса стало 34 человека в возрасте от 6 до 17 лет. Несколько рисунков пришло из г. Кирово-Чепецка и Опаринского района. Замечатель-

*Портрет В. Хлебникова,
нарисованный А. Адаменко,
ученицей школы № 71 г. Кирова*

*Рисунок М. Румянцевой, ученицы Кировского экономико-правового лицея,
к стихотворению В. Хлебникова*

ные работы были получены от учеников школы № 13 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Из 37 полученных работ – 18 портретов и 19 рисунков по стихотворениям. Яркие образы и краски отражают неповторимое детское восприятие мира.

Отметим, большинство конкурсных портретов не отличалось оригинальностью. За образец ребята брали самую знаменитую фотографию Велимира Хлебникова, хотя использовали интересные техники, в основном графические, и даже сумели передать психологическое состояние поэта через взгляд его глаз. Некоторые портреты получились и вовсе шуточные. Призовые места заняли те работы, где художественное мастерство соединялось с психологизмом. Так, например, в портрете, нарисованном А. Адаменко, ученицей школы № 71 г. Кирова, – Велимир предстаёт в военной форме – трагическое выражение глаз поэта правдиво передаёт неприятие войны и жестокости.

В положении конкурса для второй номинации были предложены стихотворения Велимира Хлебникова. Замечательно, что мы получили несколько рисунков по мотивам произведений поэта, которых в нашем списке не было.

Разный возраст участников, разные техники, разная степень раскрытия сути стихотворений внесли некоторые затруднения при оценке и выборе лучших работ.

Среди всех работ особо выделяются два рисунка М. Румянцевой, ученицы 6 класса Кировского экономико-правового лицея, к стихотворениям «Мимо лиска пробежала» и «Когда умирают кони – дышат», исполненные тушью и пером. В них мы обнаруживаем ту глубину и сложность, которые присущи поэзии Велимира Хлебникова. Работы Марии отличаются необыкновенной техникой, их украшают элементы росписи – народного творчества, солярные мотивы. Рисунок становится таким же глубоким и многогранным, как само стихотворение. Одна из любимых тем Хлебникова – тема цикличности жизни, взаимосвязь всего живого – пронзительно предстаёт у Марии в образе лошадки. Здесь и гаснущие светила, и стремящаяся взлететь птица, теряющая перья, словно увядшие листья, здесь и люди, вызывающие к солнцу, смена ночи и дня. Двенадцатилетняя девочка смогла уловить то, что не было названо каким-либо словом у Хлебникова, а скрывалось в подтексте.

Если бы участникам проекта была доверена подготовка нового издания сочинений Хлебникова, все конкурсные рисунки стали бы замечательными иллюстрациями к нему.

* * *

Да, мы можем сделать очевидный вывод: Хлебников сложен для читателя. Не только для школьника, но и для взрослого человека. Но Хлебниковым несложно заинтересовать

и увлечь. В его поэзии каждый может найти что-то для себя – кому-то по сердцу экспериментальные стихотворения или стихи, отражающие состояния природы, окрашивающие звуки в цвета, революционная поэзия, словотворчество.

В поисках звуковой выразительности и новых возможностей языка Хлебников обнаружил много неизведанного в стихе и поделился своими открытиями с нами, читателями. Отворив двери в поэтический мир Будетлянина, получив возможность стихийно следовать за рождающимися в воображении образами, мы без оглядки на классиков литературы смело и свободно творим своё искусство. В этом главная заслуга поэта.

Читателю интересна необыкновенная личность В. Хлебникова, до конца непонятого, его «зачеловеческие» идеи, социальные утопии вселенского масштаба, размышления, многослойные произведения, охватывающие пласты истории, мифологии, фольклора, природы и современности. Наследие Хлебникова объединяет мечта о всеобщем родстве, единстве и понимании.

Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть, что есть, в земное
братство?

И, открывая умные объятья,
Воскликнуть: «Звезды – братья!
Горы – братья! Боги – братья!»

Примечания

¹ Кожевникова Е. А. Издания русского авангарда в фондах Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Футуристическая книга 1910 – начала 1920-х гг. // Двенадцатые Петряевские чтения : материалы науч. конф. (Киров, 25 февр. 2016 г.). Киров, 2016. С. 163–178.

² Дуганов Р. В. Велимир Хлебников : природа творчества. М. : Сов. писатель, 1990. С. 217.

³ Фёдоров Г. «С улыбкою недвижимой» // Юность. 1975. № 7. С. 104.

⁴ Хлебникова В. Воспоминания Веры Хлебниковой // Велемир Хлебников. Стихи. [М.] : Тип. Т-ва «Худож. печатня», 1923. С. 57–58.

⁵ Хлебников В. Указ. соч. С. 38.

⁶ Михайлов А. А. Маяковский. М. : Мол. гвардия, 1988. С. 251. (ЖЗЛ).

⁷ Маяковский В. Велимир Хлебников // Красная новь. 1922. Июль. С. 303.

⁸ Анненков Ю. Велимир Хлебников // Юрий Анненков. Дневник моих встреч. М. : Худож. литература, 1991. Т. 1. С. 151.

⁹ Степанов Н. Велимир Хлебников. М. : Сов. писатель, 1975. С. 26.

¹⁰ Парнис А. Е. Хлебников и Малевич : в поисках значимых элементов // Мир Велимира Хлебникова. М. : Языки рус. культуры, 2000. С. 176–177.

¹¹ Хлебников В. Собрание произведений Велимира Хлебникова : в 5 т. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1933. Т. 5. С. 233.

¹² Там же. С. 234.

¹³ Там же. С. 222.

Раздел II

О ВЯТКЕ И ВЯТЧАНАХ

Архитектурное наследие здания окружного суда в Сарапуле*

М. В. Курочкин

В основе содержания отдельных памятников архитектуры лежит комплексный труд мастеров-проектировщиков, работавших в разный период формирования их структуры и внешнего облика. Здание окружного суда — одно из самых значительных в застройке центральной Соборной площади Сарапула. За свою историю оно перестраивалось несколько раз, изменяя свой внешний облик и функциональное назначение. Содержательная основа здания в каждый из временных периодов чрезвычайно важна для уяснения специфических особенностей его образной структуры.

История строительства окружного суда несколько раз попадала в поле зрения исследователей архитектуры Удмуртии. Изучение архитектуры здания и его влияния на пространственный строй всей Соборной площади в городе было бы невозможным без привлечения ключевых работ историков, специалистов по данному вопросу: М. Шитовой и О. Дмитриевой¹.

История здания окружного суда начинается с продажи купцом 3-й гильдии Евстратом Татариновым в городскую казну своего жилого дома, расположенного на Вознесенской площади². Его вчерне он сам продал за семь тысяч рублей серебром (24 тысячи ассигнациями)³. Здание не устраивало «своим внешним обликом и планировкой третьего этажа»⁴, поэтому было принято решение «уличную стену разобрать и выложить заново»⁵. Работы по реконструкции здания начались в 1853 г. и проводились в течение почти двух лет. Строительные работы возобновились в 1874 г. по проекту сарапульского архитектора Николая Павловича Акимова, который сохранился в чертежах, «подписанных собственноручно»⁶.

Здание окружного суда доминировало в окружающей застройке северного фронта Вознесенской площади и отличалось своими масштабами. Архитектурный декор выдержан в скромных формах позднего классицизма. Прямоугольный в плане, вытянутый по красной линии, объём симметричен. Центральная часть в пять окон выделена слегка выступающим ризалитом, завершённым ступенчатым высоким аттиком.

Чертёж фасада. ГАКО. Ф. 583. Оп. 496. Д. 11. Дело об устройстве помещения под окружной суд и тюрьмы при нем в городе Саратове, равно и об устройстве тюрьмы при Вятском окружном суде, 1873–1878 гг.

Ризалит подчеркнут контрастным ленточным рустом второго этажа и лопатками в простенках между осями третьего этажа. Прямоугольные проёмы в основном (кроме окон первого этажа) обрамлены рамочными наличниками. Наличники флангов третьего этажа украшены лепными розетками и профилированными сандриками на кронштейнах. Горизонтальное членение развёрнуто: междуэтажными профилированными карнизами, венчающим лепным и тянутым фризом, ленточным рустом первого этажа.

Планировка здания была изначально анфиладная.

В 1908 г. в связи с недостатком административных помещений,

коллегией Саратовского окружного суда было выдвинуто предложение о реконструкции здания, где предлагалось переделать третий этаж и пристроить ризалиты с запада и востока, с выступом за красную линию. Один из проектов предусматривал надстройку центральной части ризалитом с четвёртым этажом. Вынос за красную линию обосновывался зыбкими, насыпными почвами за зданием. В письме также предлагалось «привнести изящный, художественный внешний облик зданию»⁷. За основным зданием был возведён двухэтажный каменный флигель. Вятским губернским правлением была создана специальная архитектурная комиссия, в со-

став которой были приглашены Я. П. Максимович, М. А. Бухгольц и И. А. Чарушин. В 1909 г. здание было основательно реконструировано и полностью изменило как внешний свой облик, так и внутреннюю структуру.

Проект реконструкции строительным отделением Вятского губернского правления был принят 18 октября 1908 г. В протоколе говорится: проект составлен правильно, а сметы признаны верными в сумме, как оказалось, по поверке младшим

архитектором Бухгольц, на расширение здания 66 106 руб. 04 коп., на постройку дома для служащих в сумме 13 370 руб. 83 коп. и на постройку бани и прачечной в сумме 3 653 руб. 20 коп. Подписал губернский архитектор Я. П. Максимович⁸. Здание приобрело современный облик.

П-образный, четырёхэтажный в плане объём, под многоскатной кровлей, фланкирован двумя в три оси в пять осей сильно выступающими ризалитами. Парадный фасад, выходящий на площадь, четвёртого

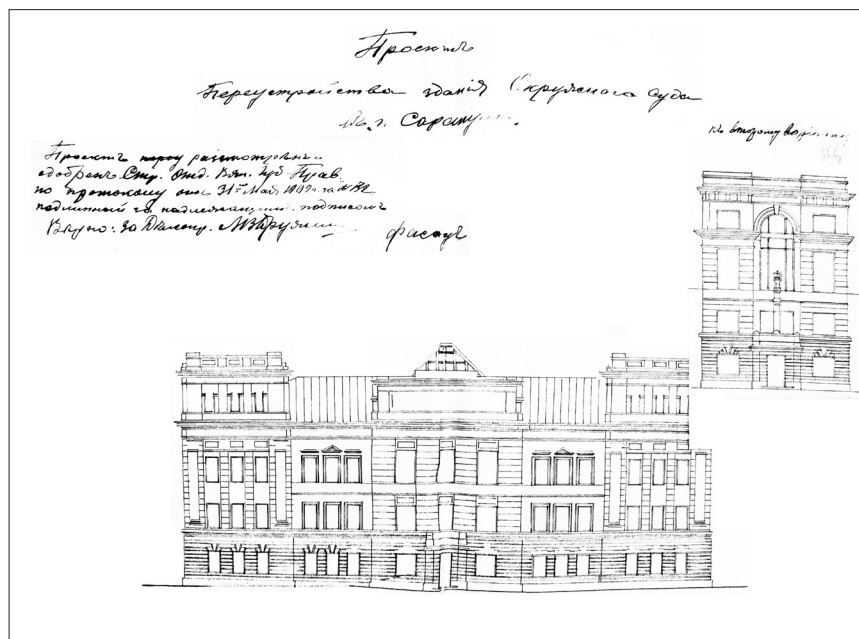

Чертёж фасада. ГАКО. Ф. 583. Оп. 531. Д. 100.

Дело по отношению председателя Сарапульского окружного суда, о командировании в город Сарапул архитектора для осмотра здания суда, составления сметы и планов на предполагаемой постройке при здании суда, 1908–1909 гг.

этажа рустован, центральная часть в пять основных осей обозначена небольшим ризалитом и завершена фигурным аттиком. Атик был позднее реконструирован и дополнен балюстрадой, большим слуховым окном, где вмонтированы часы. Дополняют ритм сдвоенные на втором этаже окна, декоративное убранство насыщено межэтажными поясами тянутого профиля с зубцами и гордками. Два верхних этажа ризалитов подчёркнуты пилястрами дорического ордера, окна верхних этажей подчёркнуты сандриками различной формы. Объём второго и третьего этажа фланкирует ионические полуколонны, завершают объёмы металлические кованые решётки. Здание решено в духе эклектики с элементами классицизма, что подтверждают декоративные элементы, один из которых – массивный балкон третьего этажа здания с ажурной кружевной решёткой. Центральная ось обозначена парадным входом большим арочным окном в два этажа. Парадный вход ведёт в небольшой вестибюль с широкой просторной лестницей. Общая планировка здания коридорная с кабинетами в две стороны, внутри ризалитов размещены дополнительные пожарные эвакуационные лестничные клетки с самостоятельными выходами.

В 1917 г. здание сгорело во время погромов винных лавок, известных как «Сморкаловский мятеж». И только в 1927 г. здание приобрело окончательный вид, дошедший

до наших дней, под руководством сарапульского окружного инженера М. В. Арнштама.

Таким образом, на облик здания окружного суда наложила свой отпечаток летопись отечественной истории архитектуры середины XIX – начала XX вв.

Примечания

* Материалы статьи подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-14-18001 «Творческое наследие архитекторов Вятской губернии на территории Удмуртии в конце XVIII – начале XX вв.» и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-14-18002 «Общественно-культурные сооружения в архитектурном облике городов Удмуртии (конец XVIII – начало XX вв.).».

¹ Шитова М. А. Сарапул как типичный уездный город периода капитализма // Удмуртия : новые исследования : сб. статей. Ижевск, 1991. С. 49 ; Шитова М., Дмитриева О. Купеческий Сарапул // Памятники отечества. 1995. № 1/2. С. 104.

² ГАКО. Ф. 619. Оп. 2. Д. 1970. Дело по отношению Вятского губернского правления о рассмотрении плана на место и дом сарапульского купца Татарина, 1851–1853 гг. С. 12.

³ Блинов Н. Н. Сарапульская старина. Первые пароходы на Каме // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914. С. 162.

⁴ Там же. С. 13–14.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 496. Д. 11. Дело об устройстве помещения под окружной

суд и тюрьмы при нем в городе Сарапуле, равно и об устройстве тюрьмы при Вятском окружном суде, 1873–1878 гг.

⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 531. Д. 100. Дело по отношению председателя Сарапульского окружного суда, о командировании в город Сарапул архитектора для осмотра здания суда, составления сметы и планов на предполагаемой постройке при здании суда, 1908–1909 гг.

⁸ Там же. С. 8.

Учителя А. С. Грина

И. Е. Малкова

В июне 2016 г. Кировский областной музей истории народного образования отметил юбилей: 120 лет назад Саша Гриневский завершил свою учёбу в Вятском городском училище для мальчиков. Расположено оно было в здании, которое сейчас занимает наш музей (ул. Московская, 33).

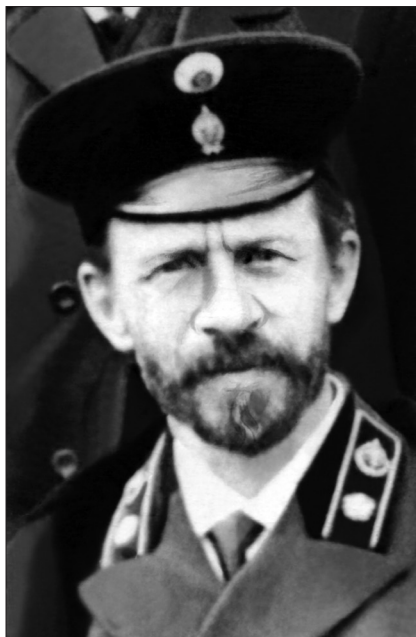
Вятское городское четырёхклассное училище – это единственное учебное заведение, которое окончил А. С. Грин. И хотя Саше не очень нравилось заниматься в училище, всё же здесь разглядели его литературные способности, здесь терпели его озорные выходки и даже позаботились о том, чтобы в аттестате по поведению стояло «хорошо», а не привычное «удовлетворительно».

Кто же педагоги А. Гриневского? Мы привыкли представлять учителя конца XIX века чеховским Беликовым – «человеком в футляре», действующим по инструкции и жи-

вущим по принципу «как бы чего не вышло». Однако Россия «даже в условиях периода консервативной реакции могла похвастаться выдающимися педагогами, причем многие из них трудились не в Москве и Санкт-Петербурге, а в провинции»¹. Архивные материалы и «Автобиографическая повесть» Грина дают некоторое представление об учителях Вятского городского училища. В основном это молодые выпускники Казанского учительского института.

Одна из ярких педагогических личностей училища, о которых рассказывает Александр Степанович в своей повести, – учитель-инспектор И. С. Деренков. Он, как председатель педагогического совета, подписал аттестат Саши Гриневского.

Иван Степанович Деренков (1870–1944) – незаурядная личность. Сын крестьянина, он в 19 лет окончил Казанский учительский институт и, отработав четыре года в Яранском и Нолинском городских училищах, был назначен в Вятское городское четырёхклассное училище учителем-инспектором. В ту пору ему было 24 года. Сохранившиеся в ГАКО материалы свидетельствуют о том, что это очень ответственный человек, «педагог милостью Божией». Анализируя деятельность училища в отчёте за 1894 г., недавно назначенный на должность учитель-инспектор особое внимание уделяет «воспитательному влиянию учащихся на учащихся». Иван Степанович

И. С. Деренков

пишет: «Господствующий в училище воспитательный режим, вместо того чтобы разумно предупреждать ученические шалости... состоял в исключительной обязанности уличать в этих шалостях и наказывать уличенных. А вся обстановка школы не давала решительно ничего такого, что бы отвлекало внимание детей от неизбежного в подобных случаях желания развлечь себя какой-нибудь шалостью»². Педагог мечтает о «той доброй внутренней настроенности детей, которая составляет гордость и достояние всякой более-менее целесообразно поставленной в воспитательном отношении школы...» «Можно ли ожидать больших успе-

хов в прохождении нелегкого сравнительно шестилетнего курса различных наук от детей, в сердце которых училище не позаботилось на первых порах заронить искру любви и доверия к себе, как бы ни были даже при этом верны и целесообразны существующие здесь методы преподавания учебных предметов...»³ «Будь по существующему в училище расписанию уроков положен лишний час, специально предназначенный для воспитания учеников, – утверждает Деренков, – здесь давно все шло бы гладко и безукоризненно»⁴.

Деренков не только критикует, но и внедряет свои замыслы в работу училища. В своей брошюре, написанной к Всемирной Парижской выставке, педагог рассказывает о таких формах воспитательной работы, как активные игры мальчиков на большой перемене, майские загородные прогулки, рождественские литературно-музыкальные вечера.

Уроки музыки в училище появились в 1896 г. только для желающих, потом был создан духовой оркестр, и желающих заниматься музыкой прибавилось (в 1906 г. их было 16). Среди них был, вероятно, и выпускник 1904 г. Аркадий Дубенский, впоследствии окончивший консерваторию (1910), скрипач и композитор.

Один из концертов в училище подробно описан в Приложении к «Вятским губернским ведомостям» (1900. 22 апр.): «14 апреля состоялся литературно-музыкальный вечер в Вятском городском учили-

ще... для учеников и их родственников.

Помещение городского училища снаружи было украшено флагами, а внутри приемная и лестница, ведущая в верхний этаж (в зал), красиво декорированы зеленью с раскиданными в ней фонариками... Программа вечера была составлена очень интересно; чтение учащихся в костюмах и при надлежащих декорациях (“Бежин луг”, “Кочубей в темнице”, “Жена ямщика” и т. д.) чередовалось с хоровым пением (“Встреча весны») из оперы “Снегурочка”, “Хор прялок” из оперы “Моряк-скиталец”, “Как из улицы в конец”, хор грузин из оперы “Демон”) и оркестром... Вечер произвел на нас очень приятное впечатление. Видно было, что учащимися положено много трудов для достижения такого хорошего исполнения, которым отличались все номера программы. Особенно следует поблагодарить И. С. Деренкова, сумевшего привлечь симпатию общества к нашему городскому училищу. Очень недурен был оркестр под управлением Г. Кубланова, особенно если принять во внимание, что участники оркестра учатся самое большое года два, а большинство и меньше. Обращали на себя внимание прекрасные декорации (тюрьма Кочубея, горы Кавказа для “Демона” и др.), нарисованные Н. Н. Румянцевым; не будет преувеличением сказать, что таких декораций мы, вятчане, в нашем театре никогда не видали. В заклю-

чение хором и оркестром исполнен был народный гимн, сопровождаемый “ура” присутствовавших. Желая уважаемому И. С. Деренкову и на будущее время того избытка энергии, который требуется для устройства подобных вечеров, укрепляющих связь школы с семьей».

Именно в годы службы И. С. Деренкова Вятское городское училище для мальчиков участвовало во Всероссийской Нижегородской (1896) и Всемирной Парижской (1900) выставках. Экспозиция училища была отмечена и на Всероссийской выставке – дипломом, и на Всемирной Парижской – серебряной медалью. А сам И. С. Деренков за очерк «Вятское городское четырехклассное училище» награжден бронзовой медалью Всемирной Парижской выставки.

По ходатайству Министерства народного просвещения экспонаты ВГЧУ были пожертвованы Международному педагогическому музею в Париже.

В августе 1898 г. Ивану Степановичу объявлена «благодарность за ведение воспитательной части в Вятском городском училище»⁵.

С 1900/1901 учебного года И. С. Деренков, не оставляя инспекторской службы, вступил в заведование педагогическими курсами для приготовления учителей начальных училищ, утверждён в должности преподавателя методики арифметики и руководителя практическими занятиями по этому предмету⁶.

Медаль Всемирной Парижской выставки 1900 г.

В 1903 г. Деренков получил «благодарность за отличные успехи по русскому языку в IV классе Вятского городского училища»⁷.

Провожая педагога к новому месту службы в Уржум (1904), сослуживцы высоко оценили вятский период его деятельности. В течение 10 лет пребывания в Вятке И. С. Деренков «беззаветно отдавал все свои силы, не щадя здоровья, делу воспитания и образования “малых сил” — детей беднейших граждан г. Вятки, которые питали к нему неизменную признательность за его разумное гуманное руководство. Деренков пользовался в силу своих личных качеств постоянными симпатиями местного общества и городского общественного управления. Отношения И. С. Деренкова к своим сослуживцам, чуждые сухого формализма, носили характер доброжелательства, справедливости, гуманности. Он всегда старался быть добрым товарищем»⁸.

За годы работы в училище, кроме бронзовой медали Всемирной Парижской выставки, И. С. Деренков был удостоен правительственных наград: высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 14 мая 1896 г. за № 32... «пожалован орденом Св. Станислава 3 степени за отлично усердную и полезную службу»⁹, серебряной медалью в память Императора Александра III¹⁰.

Правительственными наградами Деренков был отмечен и позже: в 1905 г. «всемилоостивейше награждён орденом Святой Анны 3-й ст.», орденом Святого Станислава 2-й степени, в 1914 г. «высочайше пожалован орденом Святой Анны 2 степени»¹¹ и светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Дома Романовых».

Дальнейшая судьба И. С. Деренкова привела его в Уржумский уезд, где он служил инспектором народных училищ (под его началом

работали более ста педагогических коллективов уржумских училищ) до 1918 г. В документах ГАКО находим обстоятельный и глубокий анализ деятельности уржумских народных училищ (отчёт о ревизии Уржумского городского трёхклассного училища, проведённой в первой половине 1905–1906 учебного года инспектором Деренковым¹², или отчёт о состоянии начальных народных училищ 1-го района Уржумского уезда за 1914 г.¹³). Документы оформлены чётко, написаны ёмко, со знанием дела, с характеристикой учащихся.

После революции Иван Степанович работал учителем в школе 2-й ступени (неполной средней), и вновь отмечали его увлечённость делом, добросовестность и усердие. В газете «Красный пахарь» Деренков назван в числе «наиболее выдающихся и всю душою преданных делу народного образования работников просвещения, которые, несмотря на материальные лишения, получая мизерное содержание, все же оставались и остаются на своих постах, хотя они и имели полную возможность устроиться где-нибудь лучше»¹⁴. В марте 1918 г. Деренкова избрали во вновь организованный Уржумский совет по народному образованию¹⁵ – это тоже признак глубочайшего уважения коллег к Ивану Степановичу.

Судя по записям в трудовой книжке, Ивана Степановича как учителя ценили не только в школе,

но и в Уржумском педагогическом училище, где он преподавал последние 17 лет (с 1927 г.). В училище ему пять раз объявляли благодарность и семь раз премировали «за высокое качество преподавания порученных ему дисциплин», «за методработу с учительством Уржумского района», «за лучшие показатели в учебно-воспитательной работе», «за образцовую учебно-воспитательную и методическую работу», «за ударную учебную и общественную работу»¹⁶. В декабре 1938 г. нарком просвещения РСФСР предложил тарифицировать Деренкова по первому разряду «как прекрасно владеющего мастерством преподавания». Советских правительственных наград у Ивана Степановича нет.

Общий педагогический стаж И. С. Деренкова составил 55 лет. Работал он честно и самоотверженно до конца своей жизни. В Уржуме помнят имя И. С. Деренкова, его роль в развитии народного образования, высокую культуру и любовь к музыке, помнят музыкальные вечера, которые И. С. Деренков и его жена устраивали вместе с доктором Спасским.

Значительную роль в судьбе А. Грина сыграл его любимый учитель Дмитрий Константинович Петров (1878–?).

«Наш класс вел добрейший человек... впоследствии он стал инспектором Глазовского городского училища», – так писал Грин о своём учителе Дмитрие Константинови-

че Петрове в «Автобиографической повести»¹⁷. Грин называет его «хорошим» учителем, хотя и пишет, что забыл его имя, в другом месте вспоминает его, но путает отчество: «Дмитрий Васильевич» вместо Дмитрий Константинович¹⁸. «Учитель любил меня, но, любя, преследовал строже, чем других, и без стеснения посылал к доске, если замечал, что я хихикаю с кем-нибудь...»¹⁹ Писатель вспоминает, что учитель хвалил его сочинения и даже «читал вслух всему классу как образец»²⁰. Дмитрий Константинович служил в Вятском городском училище с 1890 г. и не довёл класс Грина, так как в 1895 г. был назначен учителем-инспектором Глазовского городского училища и переехал в Глазов. Несмотря на это, Александр помнил своего наставника и был благодарен ему за требовательное и справедливое отношение.

После окончания училища и долгих странствий, в 1900 г., Гриневский по дороге на Урал решил навестить своего любимого учителя в Глазове. Саша «увидел его доброе, усталое лицо, редкие темные баки, всклокоченный хохолок на лбу, синий вицмундир с золотыми пуговицами и почувствовал себя школьником»²¹. Дмитрий Константинович пригласил своего ученика переночевать, жена Петрова Надежда Николаевна приготовила ванну, смену чистого белья. За обедом и вечерним чаем учитель и ученик «много и горячо говорили о жизни, о литературе».

Александр прочёл своему наставнику стихи, которые тот одобрил. На дороге Дмитрий Константинович дал своему бывшему ученику денег («серебряный рубль») и продуктов... «Автобиографическую повесть» А. С. Грин создал в конце жизни, значит, всю жизнь хранил благодарную память о своём учителе.

В Глазове авторитет Д. К. Петрова был велик. Об этом говорит и тот факт, что в конце 1899–1900 годов «обязанности инспектора народных училищ несколько месяцев исполнял учитель-инспектор городского училища Дмитрий Константинович Петров, который за это время немало потрудился для пользы земских народных училищ и заслуживал бы за это особенной благодарности со стороны собрания»²².

Кроме того, Петрова отличала высокая общественная активность: он наблюдал «за правильным производством переписи в Глазове и Глазовском уезде» в сентябре 1896 г., был «ответственным лицом совета городской народной библиотеки-читальни»²³, работал в Глазовском обществе вспомоществования бедным (в «Вятских губернских ведомостях» (1900. № 49–52, 54) помещён отчёт о деятельности Глазовского общества вспомоществования бедным, подписанный казначеем-секретарём Д. К. Петровым).

В 1900–1902 гг. инспектор городского училища Петров весьма успешно совмещал выполнение своих обязанностей с руководством

Учащиеся и преподаватели Глазовской земской начальной школы (не ранее 1905 г.).

В среднем ряду второй слева Дмитрий Константинович Петров, учитель-инспектор Глазовского городского училища, исполнивший обязанности инспектора народных училищ (на груди у него орден Св. Станислава III степени, которым награждались гражданские чины за особые заслуги перед Отечеством).

Из архива Глазовского краеведческого музея

педагогическим советом Глазовской женской гимназии. Его перу принадлежит очерк к юбилею Глазовской женской гимназии, который сохранился в отделе краеведческой литературы Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена.

С 1904 по 1907 г. надворный советник Д. К. Петров служил инспектором народных училищ Глазовского уезда²⁴. Отмечен правительственными наградами: орденами Святого Станислава III степени и Святой Анны III степени, бронзовой медалью «За труды по пер-

вой Всеобщей переписи населения 1897 года» и серебряной медалью в память императора Александра III.

Последнее упоминание имени Д. К. Петрова мы находим в записях «Журнала Глазовского уездного земского собрания XXXXI очередной сессии 1907 г.». Священник Н. Князев, обсуждая вакансию инспектора народных училищ, утверждал, что «гуманное товарищеское отношение г. Петрова подало им (учителям. – И. М.) повод не радеть о своей прямой службе, может быть, его доброта подавала надежду на без-

наказанность поступков»²⁵. Весьма субъективное мнение... К сожалению, никто из присутствующих не возразил. Далее о Дмитрие Константиновиче Петрове ни в ГАКО, ни в вятской печати не найдено никаких сведений...

О некоторых учителях Александр Степанович Грин вспоминает без симпатии. В «Автобиографической повести» есть эпизод с несправедливостью законоучителя. Это реальный случай, который обсуждался на педсовете. Преподаватель Закона Божьего Алексей Константинович Серафимов, выпускник Петербургской духовной семинарии, работал в училище не первый год и был авторитетным учителем. Серафимов действительно поставил неудовлетворительную оценку А. Гриневскому, который посчитал, что батюшка оценил его ответ несправедливо и вместе со своим приятелем, не соблюдая субординацию, написал жалобу на законоучителя не кому-нибудь, а губернскому директору народных училищ А. А. Красеву. Педагогический совет осудил поступок учеников и снизил им оценку по поведению до удовлетворительной.

И ещё одного учителя не любил Саша Гриневский. Это был Алексей Васильевич Панкратьев (1872–1906, в «Автобиографической повести» – Алексей Иванович Терпугов). Может быть, потому что Панкратьев заменил Д. К. Петрова, которого мальчик уважал и любил. Панкратьев, как его рисует А. С. Грин в сво-

А. В. Панкратьев

ей повести, «был крайне желчный, истеричный человек, измученный невралгией и ненавидевший учеников до того, что, забывшись, кричал на них и топал ногами.

Чем-то я провинился во время урока, – кажется, разговаривал.

– Гриневский! – крикнул мне Терпугов. – Помяни мое слово, что не миновать тебе скамьи подсудимых!

Разговаривая с соседом, я в то же время потихоньку ел принесенного с собой на завтрак рябчика. Я встал и запустил рябчиком в Терпугова. Рябчик шлепнулся о вицмундир и упал на пол.

Терпугов оцепенел. Он так побледнел, что и я испугался. Учитель сдавленным голосом приказал мне выйти вон»²⁶.

Таким представлен учитель в автобиографическом повествовании писателя, хотя документальных

подтверждений этому случаю в архиве не найдено.

«Несомненно, к “Автобиографической повести” не следует относиться как к безусловно документальному повествованию. Повесть – художественное произведение. Грин – уже зрелый художник – не просто воссоздал картины своей юности... но дал цвет, запах, воздух эпохи. Как на первый взгляд ни камерна книга, писатель обобщил в ней увиденное им на рубеже двух веков. “Автобиографическая повесть” – книга... беспощадная по отношению к себе, автору и герою, мудро и жестко правдивая и одновременно овеянная вымыслом, тем самым “колдовским враньем”, которое еще Достоевский называл “действительнее самой действительности”», – так считает исследователь творчества А. Грина Владимир Сандлер²⁷.

Возможно, это относится и к образу Терпугова. В 1895 г., когда А. В. Панкратьев вёл класс Саши Гриневского, ему было 24 года, он первый год работал в училище сверхштатным учителем, через год начал преподавать коммерческую бухгалтерию, с 1900 г. вёл ещё и арифметику, и чистописание на педагогических курсах при училище для приготовления учителей начальных классов. Судя по тому, что ему доверяли преподавание не только в училище, но и на педагогических курсах, он, несмотря на молодость, был крепким профессионалом.

В одном А. С. Грин не ошибся: его учитель был серьёзно болен. Панкратьев проработал в училище всего десять лет и в 1906 г. скончался от туберкулёза: «Смерть застала его на одном из камских пароходов, на котором он ехал лечиться... Затхлый воздух, с большим количеством пыли, постоянная работа горлом и нервами – вот условия, при которых учителю приходится работать и которые исподволь подготавливают организм к развитию в нем “учительской” болезни... Кроме того, сознание ответственности профессии заставляет учителя интенсивно работать...»²⁸

Конечно, учителя в жизни и в повести Грина – это не одно и то же. Писатель имеет право на художественный вымысел, но правда жизни у настоящего художника берёт верх.

Подводя итог сказанному об учителях А. Гриневского, можно утверждать: преподаватели Вятского городского четырёхклассного училища были хорошо подготовлены профессионально, добросовестно выполняли свои обязанности, хотя и были по-разному педагогически одарены. Среди них были строгие, внимательные и понимающие учителя, которые, несмотря на Сашин бунтарский характер и отсутствие желания учиться, сделали всё, чтобы он окончил училище и получил аттестат.

Выступая на первом съезде учительниц-семинарок земской учи-

тельской школы, известный педагог Д. И. Тихомиров утверждал: «На счастье школы, в ней никогда не переводились деятели, честно исполняющие добровольно ими принятые на себя обязанности, бескорыстно, для общего блага, служащие святому делу»²⁹. Именно такими и были учителя А. Грина.

Примечания

¹ Куликова С. Г. Учитель глазами русских консерваторов второй половины XIX – начала XX века. Чиновник или мыслитель // Преподавание истории в школе. 2014. № 4. С. 68.

² ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 312. Л. 50.

³ Там же. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 51.

⁵ ГАКО. Ф. 205. Оп. 5. Д. 389. Л. 45.

⁶ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 456. Л. 4.

⁷ ГАКО. Ф. 205. Оп. 5. Д. 389. Л. 46.

⁸ Приложение к «Вятским губернским ведомостям». 1904. 31 июля (№ 91). С. 2.

⁹ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 338. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 456. Л. 4.

¹¹ ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3237. Л. 146.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 2547. Л. 26–30.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 3134.

¹⁴ Красный пахарь. 1923. 28 февр. (№ 16). С. 3.

¹⁵ ГАКО. Ф. 2919. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

¹⁶ Уржумский районный архив. Ф. 186. Оп. 1-л. Д. 133.

¹⁷ Грин А. С. Автобиографическая повесть // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 244.

¹⁸ Там же. С. 322.

¹⁹ Там же. С. 244.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 323.

²² Журнал Глазовского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии утреннего заседания 18 сентября 1900 г. С. 321.

²³ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. С. 74.

²⁴ ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2599.

²⁵ Журнал Глазовского уездного земского собрания XXXXI очередной сессии 1907 г. Вятка, 1908. С. 589–590.

²⁶ Грин А. С. Указ. соч. С. 245.

²⁷ Сандлер В. Вокруг Грина : (жизнь Грина в письмах и документах). Ч. 1 // URL: grin.lit-info.ru/

²⁸ Вятская жизнь. 1906. 4 июня (№ 104). С. 4.

²⁹ Куликова С. Г. Указ. соч. С. 69.

Белорусские ссыльные в Вятском крае: Владимир Дубовка

Т. А. Дворецкая

В 1930 году органами ОГПУ было сфабриковано дело «Союза освобождения Беларуси», по которому было осуждено 86 человек. Почти треть из них отбывала назначенный пятилетний срок ссылки в Кировской области. После окончания срока большинство было повторно арестовано, расстреляно, отправлено в лагерь или новые места ссылки. Это был цвет белорусской интеллигенции: поэты Владимир Дубовка, Никифор Чарнушевич и Владимир Жилка, писатель Максим Горецкий и литературный критик Адам Бабареко (его называли белорусским Белинским), историки Николай Улащик и Владимир Пичета (со-

Владимир Дубовка с женой Марией и сыном Ольгердом

слан по делу историка С. Ф. Платонова) и др.

Владимир Николаевич Дубовка (1900–1976) – белорусский поэт, прозаик, языковед, переводчик, литературный критик. Лауреат литературной премии имени Я. Купалы (1962), член Союза писателей СССР (1958).

Родился в дер. Огородники Виленской губернии (ныне Поставский район Витебской области Республики Беларусь).

В 1921 году работал в Народном комиссариате просвещения РСФСР методистом и инструктором белорусских школ и учился в Высшем литературно-художественном институте имени В. Брюсова. В 1920-е годы – один из ведущих бе-

лорусских поэтов независимой ориентации. Ответственный секретарь представительства БССР при Правительстве СССР. Был лично знаком с В. Маяковским и С. Есениным, участвовал с ними в отдельных литературных встречах и приёмах.

Также работал редактором литературной страницы на белорусском языке в газете «Гудок». В 1926–1930 годах В. Н. Дубовка – редактор «Свода законов и приказов Рабоче-Крестьянского правительства Союза ССР». Несмотря на то, что постоянно жил в Москве, принимал активное участие в белорусском литературном движении: член литературных объединений «Маладняк», «Узвышша», первый редактор журнала «Белорусский пионер». Чтобы

избежать цензуры, некоторые стихи печатал в западном журнале «Белорусская культура».

В 1927 году женился на Марии Петровне Клаус. Мария Петровна поддерживала мужа всю жизнь. Сохранила его архив, написала воспоминания, которые хранятся в Белорусском архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ). Единственный сын Владимира Николаевича и Марии Петровны Ольгерд (1928–1943) трагически погиб: играя, случайно подорвался на mine.

20 июля 1930 года В. Дубовка был арестован ОГПУ СССР в Кремле по делу «Союза освобождения Беларуси», осуждён на пять лет ссылки в Яранск, куда приехала с малолетним сыном и Мария Петровна. Работал в Яранском районном потребительском союзе в должности секретаря. Принудительно переехал в дер. Шешурга, а позже – в Чебоксары.

В июле 1935 года срок ссылки был продлён на два года. В 1937 году В. Дубовка был повторно арестован и осуждён на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Кировской области, Чувашии, на Дальнем Востоке.

16 февраля 1949 года был арестован в третий раз, осуждён на 25 лет заключения. Отбывал наказание сначала в тбилисской тюрьме, потом был этапирован в Красноярский край. Окончательно был реабилитирован 15 ноября 1957 года. Умер в Москве.

В 1973 году вышла книга воспоминаний В. Дубовки «Лепестки» (Уладзімір Дубоўка. Пялёсткі: апаваданні-ўспаміны. Мінск : Мастацкая літаратура, 1973).

Несколько лепестков-рассказов посвящены яранской ссылке писателя, хотя слово «ссылка» не упомянуто ни разу: таковы были условия времени, цензуры и внутреннее состояние автора (Владимир Дубовка пережил не один арест и до конца был психологически настроен на то, что его снова могут забрать). Книга предназначалась «для детей среднего и старшего школьного возраста». Поражает в этих «лепестках» не только мастерство рассказчика, но сила духа, выдержка, неистощимый юмор, не покидавшие автора в самых суровых обстоятельствах жизни. Приводим их в переводе на русский язык.

Доехали в хорошем настроении...

Довелось мне летом 1931-го плыть на небольшом пароходике по реке Вятке от города Котельнича к городу Кукарке. Точнее говоря, восемнадцатого июня, можно сказать – в самый разгар лета. А лето было холодное, а пароходик – примитивный. Кают на нём – никаких. На палубе, открытой со всех сторон, стояли, как в городском саду, деревянные скамейки. Только мы тронулись, как начал дуть со всех сторон северный ветер, даже посинели руки мои. Вижу, что так и замёрзнуть можно легко.

Долго не думая, развязал я свой багаж, достал шубку, валенки, зимнюю шапку и рукавицы. Начинаю всё натягивать на себя. Мой товарищ один, земляк, с которым я ехал, толкает меня в бок.

– Что? – спрашиваю у него.

– Что ты делаешь! – начинает он срамить меня. – Взгляни, люди смеяться начинают над тобой.

А было всех пассажиров, местных людей, человек двадцать.

– Пусть смеются, – отвечаю.

Оделся, воротник поднял, от ветра закрылся и сижу себе в полном удобстве. А мой земляк аж дрожать начал, аж посинел весь. Наконец встал, распаковал свой мешок, достал романовский кожух, зимнюю шапку – и на себя. Я ему, как он мне чуть раньше:

– Что ты делаешь? Люди смеяться будут.

А он:

– Молчи, братец, молчи! Зуб на зуб не попадает, какой там смех...

Подождав немного, все пассажиры, глядя на нас, начали спасаться от холода, доставши всё, что у кого подходящего было. Одна женщина только осталась в блузочке, а у самой аж слёзы на глазах. У неё ничего с собой тёплого не было.

Не говоря лишнего слова, я достал своё суконное одеяло, подаю ей и говорю:

– Накройся, рыбка!

Как она благодарила, как она обрадовалась, накрывшись тем одеялом!

Три картофелинки – два блюда

Меткая шутка, бодрость духа может помочь тогда, когда временная скорбь осеняет человека...

В моей личной жизни бывали моменты очень хорошие, красивые, бывали и очень тяжёлые, горькие. Я как-то привык никогда не танцевать от радости, а присматриваться к ней, может, это не настоящая радость, а какой-либо обман или подделка. Если же являлось к нам горе, я присматривался также, нет ли в нём хорошего хоть немного. Быть не может, так думалось мне, чтобы горе полностью было соткано из одной мрачности и горечи. Хотя одна-две светлые ниточки должны быть в этой ткани.

И находились. Был один такой момент. Прихожу домой, а жена мне тихонько говорит:

– Остались у нас три картофелинки. Больше – ничего.

Сын, маленький мальчик, услышал это и добавляет:

– Одна луковка есть ещё у нас!

Я сразу отвечаю:

– Это же чудо! Белорусы говорят, что горе тогда, когда ни луковки, ни крошить в чём. А у нас теперь будут из всего этого не одно, а два блюда!

И начал сам готовить обед. Слив отвар от картофеля, покрошил луковку – первое блюдо. Съели по картофелине – второе блюдо.

Тогда мой сын, взяв веселый тон, добавил:

– Ещё есть третье блюдо – рот прополоскать...

Так мы пообедали. На второй день с питанием дело уладилось, появились даже и третьи блюда. Так что рот полоскать перешло на четвёртое...

Хорошая книга помогла

Работал я в райпотребсоюзе, – конец июля 1931-го. Со своей новой работой и обязанностями ознакомился быстро. Сижу однажды, работаю. Идёт откуда-то наш председатель. Взглянул я и испугался: нельзя узнать, изменился в лице, взволнованный, очевидно, безмерно. Не поздоровавшись, прошёл к себе в кабинет. А у меня было срочное дело к нему. Захожу. Сидит, молчит, а вид всё такой же – очень беспокойный.

Я молчу о бумаге, с которой пришёл, а спрашиваю:

– Скажите, пожалуйста, какая у вас неприятность случилась? Не смогу ли я хоть чем-нибудь помочь вам?

– А вы не слышали, что вчера произошло?

– Нет, – говорю, – ничего не слышал.

И вот что оказалось. Наш городок был от железнодорожной станции Котельнич в ста сорока километрах. Связь осуществлялась лошадьми. Например, снаряжались триста или четыреста крестьянских подвод. Нагружали их льном, коноплёвым волокном, зерном, одним словом –

всякой сельскохозяйственной продукцией и направляли на станцию Котельнич. Там всё это сгружалось, а вместо сельскохозяйственной грузилась на возы продукция промышленная: железо, стекло, мануфактура. Налегке возы не ходили, привозили товары из магазинов. Но, как назло, промышленность перестала почему-то делать коломазь (колёсную мазь). Коломази не было нигде. На такое большое расстояние, – чуть ли не триста километров, – да с грузом возы ходили на немазанных колесах. Не зря же и поговорка существовала у нас: «Пищат, как немазанные колёса». А когда отчаянно запищали сразу тысяча или полторы тысячи немазанных колес, что тогда? Адский концерт какой-то, сплошная какофония, не хуже, чем некоторые современные музыкальные произведения «попмузыки». Пытались люди делать какую-то свою мазь, – некоторые искали дёготь, некоторые даже маслом мазали, – ни того дёгтя, ни масла на все колеса не хватало. И вот однажды направили в Котельнич аж четыре сотни подвод, а чтобы они не разъехались по своим деревням случайно, один какой-то местный начальник в организованном порядке прогнал возы по центральной улице города на погрузку. Ехал такой обоз очень долго. И все колёса, каждое на свой лад, пищали. Получилась такая страшная музыка, что слышно было даже на окраине города. Разумеется, все руководители района набросились в первую очередь на торговые

организации: «Что вы делаете, почему не можете обеспечить крестьян коломазью?»

Моему председателю определили срок, очень короткий, после которого, если он не даст населению коломазь, — должен поискать себе другую работу.

Послушав про эту печальную и неприятную историю, я подал предложение: послать агентов и закупить коломази, потребовать от высоких торговых организаций. Председатель мне ответил:

— А вы думаете, не посылали? Не писали? Не просили? Даже клячили у тех организаций — ничего не помогает, нигде этой коломази нет.

— Тогда, — говорю, — другое дело. Будем делать её сами!

— А вы умеете делать?

— Не только не умею, но даже не знаю, из чего её делают.

— Так как же?

— Для этого существуют книги. Теперь дадим молнию, — это были такие срочные телеграммы, — в Москву, в «Книга — почтой», и попросим, чтобы они прислали нам соответствующую литературу.

Простое дело? Совсем простое. Но вот представьте себе, что очень часто многие недооценивают роль книги, начинают открывать открытые Америки, вместо того чтобы проверить в соответствующем учебнике: что сделано предшественниками раньше. А тут еще, как на грех, бывает, что и «Книга — почтой» не всегда аккуратно откликается на за-

просы. Из собственной практики последних лет имею факты, что только через пять-шесть месяцев исполнились мои собственные заказы одной провинциальной «Книга — почтой» и то, когда к ним зашёл житель того города и настойчиво попросил выполнить заказанное. Но там — провинциальная организация. А я дал телеграмму в московскую. Можете себе представить, что через двое суток на третьи пришла посылка с книгами! Хотел бы я знать фамилию того добросовестного труженика, его надо было бы отметить для всеобщего сведения! Тот работник буквально спас и нашего председателя, и нашу организацию, и наш конный транспорт. В посылке было шесть книг. Все они — капитальные, фундаментальные учебники и объясняют, как организовать большое коломазное производство, целые заводы. Но одна из них была самая маленькая, с названием, напечатанным на синей обложке белыми буквами: «Как самому простейшим способом изготовить колёсную мазь». Стоила она всего тридцать пять копеек. И эта тоненькая книжечка принесла такую пользу!

Получив с почты пакет с книгами, наскоро пересмотрев его, я сразу пошёл в кабинет к председателю.

— Иван Яковлевич! Пришли книги, начинаем делать коломазь.

Мой начальник взволновался, вскочил, тяпнул все книги, начал их листать. Я показал ему ту, тонюсенькую.

– Какие материалы требуются для мази?

– Вода – во-первых.

– Воды имеем целую реку Яранку.

– Во-вторых, – известь.

– Извести, ронгинской, – там было такое поселение Ронгино, от которого и пошло название извести, – полный состав.

– А еще – павгудрон.

– Этого добра займём на первый раз в МТС. А больше ничего? Ни масла, ни меда, ни яиц? – начал шутить председатель.

– Больше ничего. Для первого раза – бочка, деревянные мешалки.

Вышли всей компанией на двор. Принесли ведро павгудрону, извести. Смешали мешалками воду с павгудроном и начали, помешивая, насыпать в ту эмульсию известь. Буквально через пятнадцать-двадцать медленных минут первый замес был готов.

Сам наш председатель, не доверяя никому, намазал оси и колёса в дрожках, запряг коня и покатил по городу. Вернувшись через несколько минут, веселый, радостный, он издали закричал:

– Батюшки, не пищат!

Что говорить? Рабочий, который присутствовал при первом замесе, был тут же, во дворе, назначен руководителем нового предприятия, ему даны под гарантию – «отвечашь головой!» – книжечка и двое помощников.

Через неделю весь район был обеспечен коломазью, и Яранск на-

чал продавать её в соседние районы, но – что правда, то правда – своего секрета никому не открывал...

Сколько добрых слов послано было по адресу и автора той книжечки, и людей, столь быстро и аккуратно выполнивших заказ на книги!

Встреча с лихими людьми

Осенью 1934-го срочно ехал я из Яранска в Йошкар-Олу. Ехал я с одним земляком. Было у нас два воза, по одному на каждого. При каждой подводе возчик. Но дорога такая тяжёлая, что мощные кони едва тянули почти пустые повозки, на которых были увязаны мелкие ящики. Мы шли обочиной дороги, пешком. Вся наша дорога протяжённостью была восемьдесят четыре километра. А ехали мы двое суток. На середине дороги ночевали.

На другой день, когда стемнело, стали мы приближаться к Йошкар-Оле. Осталось самое гиблое болото, на котором не так давно насыпали высокую дамбу – гать, а перед ней, над болотистой речкой, – длинный деревянный мост поставили. И вот около этого моста и засели лихие люди, чтобы собрать свой кровавый урожай. На наше счастье, из города ехал какой-то человек верхом. Те лихие люди хотели ссадить его, но он успел убежать. Поравнявшись с нами за какой-то километр от моста, этот человек быстро предупредил нас:

– Братки! Осторожно! На мосту лихие люди!

Мы сразу остановились. Возчик мой, человек мощного физического сложения, обнаружил себя таким же мощным трусом. Сразу же расстегнул ремень и сказал, что ему нужно для чего-то задержаться в кустах.

Мой товарищ был не намного смелее моего возчика. Но зато возница моего друга – ну, просто герой. Он только спросил у меня:

– Ты не боишься?

Я ответил честно:

– Никого и ничего!

– Тогда пойдём так. Я, – говорит тот возница, – пойду первый, ты за мной, а наш друг, – кивнул он на моего товарища, – пойдёт за нами.

Тут же он отвязал дорожные топорики – от своего и от моего воза.

Взяли мы с ним по топорiku и потихоньку тронулись. Лошади идут, бредут фактически сами, мы только их понукаем. В то же время всматриваемся, что там впереди. И вот рассмотрели – четыре тени. Стоят с правой стороны, при самом начале моста. А мы как будто ничего не видим, идём и на лошадей:

– Но, конёк, но! Скоро отдохнуть будете... Но!

И вот, когда оставалось метра два до тех призраков-теней, мой напарник бросается в атаку, не дожидаясь нападения. Я за ним. Со всего маха он бьет первого в сторону, сбрасывая с гати. Я таким же образом сшиб второго, и он покатился с десятиметровой высоты. Третий, видимо, нечаян-

но поскользнулся сам, покатился за ними. А четвёртый только ойкнул:

– Их здесь много, проклятых!

Вysкочил на мост и побежал по мосту, только настил гудит. Тем временем лошади наши, не останавливаясь, поднялись на мост сами, колеса загремели по дереву. Тут же появился мой возчик. Закрепив свой ремень на поясе, он сразу начал спрашивать:

– Ну, где они? Дайте мне их в руки!

Невольно мы все в таком страхе начали хохотать. В ночной тишине этот хохот, наверное, был как оружие. Убегая, преступники, безусловно, слышали его и, не зная наших возможностей, да ещё услышав громоподобный зов: «Дайте мне их в руки!» – наверное, надали сильнее.

А у нас – новая задача: что делать дальше? Мой возчик и мой товарищ предлагают здесь остановиться и ждать рассвета. Возчик моего товарища и я предлагаем немедленно ехать дальше. Этот настоящий герой объясняет:

– Мы их, тех людей, раздразили, покидали в болото. Они пойдут, приведут подмогу и погибать нам в этой глуши...

Послушав всю эту беседу, я предложил: свои вещи перекладывать на второй воз, а они пусть остаются здесь до утра или до полудня – как хотят. «Смелчаки» не согласились, и мы немедленно поехали дальше. Приехали в марийскую столицу. Очень успокоились, когда из-за по-

ворота засветились её огни и наши кони пошли по мощёным улицам...

Синеокая врач

Сколько на свете сердечных, добрых людей, которые сочувствуют людскому горю, большое оно или малое, да стремятся помочь, не дожидаясь, когда об этом их просить будут...

По срочному, неотложному делу шёл я однажды от села Шешурги к селу Михайловскому на Вятчине. Тем путём теперь автобусы ходят. Но в то время никакого движения не было. Проедет, бывало, одна повозка – и всё. Приблизительно на середине моей дороги была небольшая деревня. Деревня лесная, очень аккуратная, чистая. Около каждого дома скамейка для отдыха. Окна все крашенные, с красивыми наличниками. Ворота – с резными украшениями разными. Одним словом, очень красивая деревня.

Когда я подходил к этой деревне, у меня неожиданно заболел зуб. Да такая жуткая боль появилась, что я еле на ногах держался, даже в глазах темнело. Вот-вот, казалось мне, упаду в обморок. Что делать? Возвращаться обратно – половина дороги пройдена, такой же отрезок осталось пройти. Да и дело нужно исполнить. А идти никак не могу. Войдя в эту промежуточную деревушку, я сел на скамейку у одного дома, взялся рукой за щеку и только-только не начал вопить.

В этот момент, слышу я, раскрылись рамы над моей головой, – в большинстве там рамки не в навеске, а раздвижные, – и приятным девичьим голосом кто-то спросил:

– Не зубы у тебя болят, человек?

Я не ответил, а только прогудел:

– Му-гу...

– Подожди! Я тебе их сейчас вылечу!

А я немного знал эти деревенские лекарства. Бывает, шутя или ведро воды выльют вот так, для здоровья, или еще какой другой фокус придумают. На всякий случай я отодвинулся на край скамейки и начал настороженно смотреть на то окно.

Вдруг совсем с другой стороны, с улицы, открылась калитка и ко мне подошла красивая, синеокая девушка. Она держала в одной руке нож, а в другой какой-то свежий, хорошо вымытый корень. Сев рядом со мной, она аккуратно отрезала тонюсенький ломтик от этого корня, подала мне и сказала:

– Положи на больной зуб и стисни челюсти.

Я так и сделал. А она тем временем начала рассказывать мне всякие маленькие шуточки из своей жизни. Беседу я поддерживал только своим голосом, чтобы она не подумала, что я какой-то неприветливый. Через короткое время зуб мой совсем успокоился, перестал болеть. Так, как иногда налетит вихрь, снесет, сокрушит всё на своем пути и – нет его, исчез.

Я поблагодарил свою спасительницу и попросил, чтобы она дала мне в дорогу этот корень:

– Если зуб заболит снова, я сразу сниму боль.

Но больше этот зуб у меня никогда ни болел. А зелье то – самый обычный огородный хрен. Если кто надумает лечить свои зубы этим зельем, и оно сразу не поможет, пусть поищет такого синеокого врача. Мне думается, что главная часть лечения была в том, что она своей милой речью «заговорила» мне зубы.

Закаливание терпеливости

Вообще я человек долготерпеливый. Терпение у меня не появилось сразу, как некий материнский дар, при рождении. Оно приходило постепенно, в процессе различных маленьких и больших работ, которые приходилось выполнять в своей жизни. Я никогда не ставил перед собой такую цель: будь долготерпелив. Терпение – это не означает кротость или покорность. Терпение – это мать находчивости, мать творчества. Неправда, что выдающиеся произведения появляются в один миг. Они высказаться могут в один миг, но они росли, зрели в сердце художника, может, не год, а десятилетия. Приведу собственный пример. Пять строк прочитал я в свои молодые годы в одном из сборников Чечота о том, как крестьянский сын в Беларуси нашел

случайно цветок папоротника, и как паны отобрали от него тот цветок, так как он не знал, что является хозяином такого чудесного открытия, а они сразу поняли это. Только к шестидесяти годам написал я свой «Цветок счастья» на те пять строк. Я написал эту сказку за какой-то час. А вынашивал её сорок с лишним лет, не раз вспоминая о ней, возвращаясь к ней, но оставляя её снова на долгие годы. Ромен Роллан, между прочим, говорил: «Эх, пока ты – наковальня, бей, если станешь молотом». Эти слова не нужно, хотя и можно, понимать прямолинейно. В них заложен очень широкий и глубокий смысл. Хорошо они подкрепляют и сказанное мною.

Но вернёмся к терпеливости и к тому, как она появилась у меня, как она стала одним из моих двигателей, оставаясь, – какой парадокс! – сама неподвижной.

Жил я со своей маленькой семьёй в городе Яранске. Работали мы в разных учреждениях: жена в школе, я в потребительской кооперации, фактически секретарём-юрисконсультom, – вёл все судебные-арбитражные дела. Арендовали мы у бывшей купчихи этого города полдома: две комнаты, кухню. Договорились вначале, что весной хозяйка нам даст кусочек огорода на своей усадьбе, чтобы нашему маленькому сыну было где и поработать немного вместе со мной, и полакомиться овощами, не заглядывая в чужие огороды.

Приходит весна, конец марта месяца. Встречаю хозяйку и прошу, чтобы она показала мне и выделила кусочек для огорода.

– Зачем вам огород? Вы оба работаете. Что будет вам нужно из овощей, вы сможете купить у меня...

– Позвольте... Причем здесь «купить» или «продать»? Дело не в том. Я же вам говорил, какое значение имеет это для воспитания моего сына. Я договорился, вы согласились. Какая может быть сейчас речь?

– Я посоветуюсь со своим хозяином...

Через пару дней я напоминаю ей снова о беседе и прошу показать мне место на её огромной усадьбе, – более половины гектара.

– Хорошо, – говорит, – пойдём, покажу...

Идём на огород, и она показывает мне участок, на котором они сами никогда ничего не сажали, так как на этом месте стоял огромный-огромный амбар, в нём они складывали лен и коноплю, которыми торговали. Совсем недавно хозяева этот амбар разобрали, продали, а место из-под него и освободилось. Вижу битое стекло, ржавый хлам, различный щебень.

– Так это же не огород, а порусски говоря – «пустырь», да ещё закиданный хламом...

– Как хотите! Обижайтесь на меня, но другого ничего вам предложить не могу...

Жена моя, когда я ей рассказал, руками замахала:

– Не надо! Зачем такой огород? Мне, – говорит, – дадут вместе с учительским коллективом ...

Это хорошо, а вот при доме...

И начал я выходить в пять часов утра ежедневно на этот огород. Начал собирать весь мусор и выносить его, складывать поленницы у забора. Целую стену, как в крепости, составил и ещё разноцветными битыми стёклами украсил. Если солнышко светит хорошо, то эта стена сверкает, словно специально, для красоты сложенная. А хозяйка-то и не видит, что у неё делается. Когда я всё это подчистил, тогда лопатой перерыл один раз, – огород тем временем подсыхать стал. Подождав, перерыл вторично. Пошли мы с женой, с сыном, разбили грядки и, что можно по времени, – всё посадили: свеклу, морковь, чеснок и подобные прочие растения.

А хозяева наши только ещё начинали думать насчёт своего огорода. Прибежала она как-то в воскресенье к нам, запыхавшись:

– Боже мой, миленькие! Взгляните, что творится на вашем огороде! Да что же это, да когда же это...

И начала литанию читать. Я ей ответил, что камни, стекло, вообще мусор всякий ветром согнало к забору. Сам собой огород вскопался и посеялся...

По прошествии долгого времени посадили и хозяева свой огород. Но что случилось дальше: я иду, топлива – воды не жалею, на каждый квадратный метр – лейку. Она топливо, точно как поп кропилом – берёзо-

вый веник в воду помочит и с веника брызгает.

А лето было жаркое. У нас огурцов как насыпано, а у хозяйки нет. А самое главное – у нас помидоры на ветке краснеют, а у нее только цвести начинают. Приходит хозяйка к нам и говорит:

– Простите, пришла к вам с просьбой. Позвольте хоть пару огурцов для окрошки у вас взять...

Мы ей отвечаем:

– Берите хотя по десятку ежедневно, но скажите, какие же вы огурцы собирались нам продавать, если не хотели нам огорода давать?

...Дождались мы осени. Собрали хороший урожай. Насолили, намаминовали овощей на всю зиму.

Приходит вторая весна. Тяжело поверить, что так может быть, – вот как закалялось моё терпение, – приходит в конце марта наша хозяйка к нам и говорит:

– Хотите – сердитесь же на нас, хотите нет, но мы с мужем посоветовались, подумали и надумали, что этой площадки, которой вы в прошлом году пользовались, мы никак не можем вам дать. Если хотите – можете взять другую, где стоял второй амбар.

Короче говоря, предлагает опять такой же хомут, со сходным, если не больше, запасом мусора, битого кирпича, различного металлолома...

Зубы сжал я, так разгневался. Но тут же вспомнил одно предложение из книг Скорины: «Не поддавайся скорому гневу, ибо гнев в лоне безумного опочивает...»

Жена моя ничего не говорит, только смотрит: хватит ли у меня терпения или одалживать предстоит куда идти.

Подумал я, подумал. После говорю:

– Не очень хороший план вы составили. Ну, поскольку вам, как вы говорите, пахать мешает наш участок, мы с женой соглашаемся взять новую площадку...

Начал я петь снова ту же самую песню, что и в прошлом году. Встаю ежедневно в пять часов. Работаю до завтрака. Выбираю, выношу, складываю щебень под вторую стенку забора. Наложил новую стену, вровень с забором, только осколками украсил других цветов: в основном, от битых разноцветных бутылок. Снова сверкает наш участок, как для какого праздника отделан специально.

Забегая вперед, должен сказать, что праздник мы и справляли осенью, праздник урожая – прекрасного, красивого, плодотворного.

Приходили даже к нам агрономы спрашивать:

– Что вы делаете, почему у вас томаты на стебле краснеют?

Тогда для Вятчины это было чудо. Теперь, спустя сорок лет, – там это обычная вещь. Но скажем о весне. Мы всё посадили в хорошем времени, всё у нас растёт, с грядок вываливается, а у хозяйки, на отобранном у нас куске – полная пустота. Такой пустырь, что даже маленький ребёнок, наш сын, заметил:

– Видимо, они, папа, не умеют работать. Ведь у нас было полно огурцов, а у них нет ни одного...

Может, подумается кому, что я сказки рассказываю, байки баю, но приходит к нам хозяйка и начинает покаянную речь:

– Простите меня, грех попутал, алчность заставила отобрать у вас прошлогодний огород... Бог меня наказал. Ничего у меня не выросло... Позвольте хоть пару огурчиков в крошку взять у вас...

– Да берите хоть десяток, на доброе здоровье кушайте, хватит нам, – отвечает моя жена...

Это ещё не конец. Осенью, не дожидаясь весны, снова идёт к нам хозяйка и начинает свой разговор...

– Совещались мы с мужем, думали и надумали...

Но у меня терпения здесь не хватило, и я ответил, не дослушав её до конца:

– Не говорите ничего, чтобы потом вам не пришлось снова просить прощения. Мы у вас никаким огородом пользоваться не будем, поедем на другую квартиру.

Так и переехали...

**Вятскополянский завод «Молот»
в первые годы своего
существования (1941–1946)
(по документам ГАСПИ КО)**

Л. Г. Попцова

История Вятскополянского завода «Молот» на сегодняшний день

ещё не написана, и отчасти восполнить этот пробел позволяя документы, хранящиеся в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области.

Удалённое расположение Кировской области от линии фронта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. способствовало размещению на её территории предприятий оборонной промышленности. Посёлок (с 1942 г. – город) Вятские Поляны Кировской области стал одним из центров производства стрелкового оружия.

Простота конструкции пистолета-пулемёта Шпагина (ППШ) позволила подключить к его производству в период войны предприятия, никогда не занимавшиеся изготовлением оружия. Так, ППШ делали в г. Ворошиловграде (ныне г. Луганск, Украина) на паровозостроительном заводе, в г. Златоусте Челябинской области на станкостроительном заводе, в г. Тбилиси на инструментальном и паровозостроительном заводах, в г. Москве на заводе счётно-аналитических машин и даже в столице Ирана, Тегеране. Выпускал ППШ и Вятскополянский завод «Молот».

**Строительство завода № 367
Наркомата вооружения СССР
и организация производства
пистолетов-пулемётов
системы Шпагина**

В начале войны в рабочем посёлке Вятские Поляны планировалось

Пистолет-пулемёт системы Шпагина (ППШ)

построить завод № 622 Наркомата вооружения СССР по производству пистолетов-пулемётов системы Шпагина. В августе 1941 года сюда прибыли строители из г. Загорска (ныне г. Сергиев Посад) Московской области во главе с Е. Я. Байером, который был назначен директором строящегося завода. Место строительства было определено на площадях Вятскополянской шпульно-катушечной фабрики¹.

Из-за ухудшения обстановки на фронте в октябре 1941 года было принято решение о размещении на данной площадке в Вятских Полянах эвакуированных заводов № 367 (г. Загорск) и частично № 509 (пос. Лопасня, ныне г. Чехов Московской области) Наркомата вооружения СССР². Эвакуация предприятий проходила в сложных условиях. Первый эшелон со станками и материалами прибыл 25 октября 1941 года³. Монтаж поступившего оборудования затруднялся его некомплектностью, так

как 14 эшелонов ещё задерживались в пути на железной дороге. Не было и обслуживающего станки персонала. Однако уже через пять дней были подготовлены к пуску два цеха, ремонтно-механический и инструментальный, закончилась отделка трёх новых цехов площадью 5 100 кв. метров. Оружие было необходимо на фронте, и срок пуска завода устанавливался Государственным Комитетом Обороны на 5 ноября 1941 года. Основные и вспомогательные цеха были размещены с сохранением структуры завода № 367 и части завода № 509⁴. Первые ППШ с берегов Вятки пошли на фронт в конце ноября, то есть эксплуатационная деятельность завода была начата ещё при незаконченном строительстве. Перерыв в работе завода составил около месяца, а в выпуске готовой продукции – 45 дней.

В небольшой посёлок было эвакуировано огромное количество оборудования и людей. Всего на февраль 1942 года прибыло 445 вагонов:

3 609 человек и 1 017 единиц оборудования⁵. Для скорейшей организации производства потребовались большие людские ресурсы. Численности местного населения и эвакуированных работников было недостаточно.

На стройках оборонной промышленности в тылу страны с началом войны использовалось местное население в порядке трудовой повинности. К строительным работам завода № 622 (позднее – № 367) Наркомата вооружения СССР было привлечено 900 колхозников с подводами из близлежащих районов Кировской области⁶. В строительстве завода участвовали и особые строительные батальоны. Они формировались из военнотрудовых, годных по состоянию здоровья для нестроевой службы в Красной Армии, и политически неблагонадежных (судимых, немецкой национальности, уроженцев западных областей Украины и Белоруссии, республик Прибалтики и др.). С 13 по 16 сентября в Вятских Полянах происходило формирование особого строительного батальона № 973 для строительства завода. В его командный состав (25 человек) вошли инженеры и техники; среди специалистов (968 человек) были каменщики (67), маляры (11), плотники (268), печники (11), штукатуры (9), столяры (18), пильщики (2), слесари (11), жестянщики (10), трактористы (3), кузнецы (23) и служащие других строительных специальностей. 86 из

прибывших бойцов имели судимость. Большая часть батальона до постройки бараков была расквартирована в частном секторе посёлка и частично в неблагоустроенных общежитиях (без электричества и воды). Питание проводилось два раза в сутки (завтрак и обед), хлеб выдавался по 800 граммов в день⁷. Распорядок дня в строительных батальонах был установлен следующий: подъём в 4.30 утра, завтрак; с 6.00 до 12.00 – работа на строительной площадке; с 12.00 до 14.00 – обед, отдых; с 14.00 до 20.00 – вновь работа на строительстве; в 22.00 – отбой на сон. Работа велась в течение всей недели без выходных дней⁸.

К 17 ноября 1941 г. в рабочем посёлке были сформированы строительные рабочие колонны № 973 и № 974 в количестве 979 и 959 человек соответственно, заняты на работе в цехах и строительстве завода № 367. 15 декабря 1941 года в посёлке была сформирована третья колонна № 1568 (1 199 человек⁹).

Для организации производства оружия требовалось в течение 1942 года вновь построить и оборудовать цеха хромирования, литейный, заготовительный и ремонтно-строительный; был разработан и внедрён рациональный маршрут движения деталей оружия внутри цехов завода; были улучшены технологии производства; проведено разделение труда и выделение вспомогательных работ; рабочие места были оснащены дополнитель-

ным инструментом; станки, детали и операции по их обработке были закреплены за определёнными рабочими, а рабочие – за сменами и машинами¹⁰.

Площадь цехов Вятскополянской шпульно-катушечной фабрики на момент организации выпуска ППШ составляла 4 900 кв. метров, недостроенных зданий – 4 870 кв. метров. На май 1942 года общая производственная площадь цехов достигла 17 500 кв. метров¹¹.

Производство ППШ на заводе началось с конца ноября 1941 года. В кратчайшие сроки удалось увеличить темпы производства. Если в декабре 1941 года было выпущено 12 тыс. ППШ¹², то в январе 1942 года – более 18 тыс., в феврале – более 35 тыс., в марте – 32 тыс., в апреле – 38 тыс. Всего за 4 месяца установленный Государственным Комитетом Обороны план выпуска оружия был практически выполнен (при плане в 125 тыс. штук было выпущено 123 370 единиц ППШ)¹³.

Недовыполнение плана было обусловлено рядом причин:

- экстренной эвакуацией предприятий и недостаточным освоением производства на новом месте;

- некачественным металлом и несвоевременным его поступлением металла на завод;

- размещением складов металла, химикатов и реактивов во временных деревянных, холодных и сырых помещениях или под открытым небом, без навесов и площадок;

- недостаточной комплектацией рабочих мест инструментом;

- неудовлетворительным состоянием имеющегося режущего и измерительного инструмента;

- поступлением бракованных деталей для ППШ с других заводов;

- текучкой рабочих кадров и перемещением руководящих кадров с одного участка производства на другой;

- отсутствием железнодорожных подъездных путей к заводу;

- отсутствием постоянных шоссейных дорог на территории завода;

- необеспеченностью завода топливом;

- плохими жилищно-бытовыми условиями работников завода и др.

Отсутствие железнодорожных подъездных путей к заводу затрудняло снабжение производства материалами, сырьём и деталями готовой продукции. Когда в 1941 году площадку шпульной фабрики приспособили под эвакуированный завод № 367, железнодорожная трасса была выбрана неудачно, так как во время паводка с середины апреля до начала июля она заливалась водой. Весь грузопоток материалов, сырья и готовой продукции в 1942 году шёл по шоссейной дороге, которая была разбита¹⁴.

Поступление некачественного металла и несвоевременные поставки деталей оружия с других заводов также снижали производство. Так, из-за недопоставки листового железа в марте 1942 года заготови-

тельный и штамповочный цеха простаивали около 15 смен. Отсутствие укомплектованности инструментом задерживало не только основное производство, но и экспериментальные и рационализаторские работы¹⁵.

С середины первого квартала 1942 года Наркомат вооружения СССР дал распоряжение снабжать завод № 367 бракованными стволами от других систем, что при их обработке значительно снизило темпы производства ПППШ. В сентябре 1942 года на заводе было освоено изготовление ствольных болванок методом глубокого сверления, в октябре 1942 года был пущен в действие станок-автомат, который обеспечивал завод заклёпками¹⁶. Введённые в эксплуатацию кузнечный и литейный цеха дали возможность получать необходимые заготовки для ремонтных и инструментальных цехов. Всё это снизило зависимость завода от иногородних поставок.

Серьёзной проблемой производства стало заиливание воды, поступающей из реки Вятки, что мешало процессу удаления ржавчины с металла. Срочно пришлось строить новый водозабор от железнодорожного моста длиной в два километра¹⁷.

На протяжении всего периода войны существовала также проблема обеспеченности завода для производственных и бытовых нужд топливом (дровами). Так, в 1942 году из 330 тыс. кубометров дров, требовавшихся заводу, было выделено лишь 100 тыс. кубометров. Осталь-

ную часть топлива завод вынужден был пополнять собственными заготовками. В 1942 году при заводе был организован лесной отдел, занимавшийся разделкой и доставкой древесины на завод¹⁸. На 1 января 1943 года в лесном отделе числилось 300 рабочих. Кроме того, на подвозке древесины работали колхозники с лошадьми, мобилизованные по трудгужповинности из Кильмезского, Малмыжского, Шурминского и Вятскополянского районов Кировской области. К заготовке древесины привлекались рабочие и инженерно-технические работники завода в свободное от основной работы время.

В конструкторском бюро завода с ноября 1941 года трудился Г. С. Шпагин, талантливый конструктор, разработчик пистолета-пулемёта, прибывший в эвакуацию из г. Загорска. Он приехал не только организовать и усовершенствовать производство ПППШ образца 1941 года, но и разработать новые виды стрелкового оружия.

В течение 1942–1943 гг. на базе экспериментальных работ, проведённых на заводе под руководством Г. С. Шпагина, были разработаны и внедрены новые технологии, в результате чего уменьшился брак при изготовлении оружия, сокращались затраты металла, улучшалось качество сопряжения деталей узлов ПППШ.

В сентябре 1942 года отдел главного технолога приступил и в течение полутора месяцев закончил

*Георгий Семёнович Шпагин в своём рабочем кабинете завода № 367
в г. Вятские Поляны*

проектирование технологического процесса и инструментальной оснастки нового пистолета-пулемёта с секторным (рожковым) магазином системы Шпагина двух вариантов: пехотного и танкового. Новые образцы стрелкового оружия показали хорошие результаты. В январе 1943 года была закончена опытная партия пистолетов и магазинов и сдана на испытание в армию¹⁹. Секторный магазин, построенный на холодной штамповке, имел преимущество: в производстве он давал экономию затрат материала и времени, в эксплуатации был более удобен, чем барабанный магазин.

По окончании внедрения секторного магазина завод приступил в апреле 1943 года к разработке чер-

тежей технологического процесса и инструментальной оснастки для сигнального пистолета системы Шпагина (СПШ). В июле технология на пистолет была полностью внедрена в производство. СПШ имел 34 детали, из которых 15 изготавливались высокопроизводительным методом холодной штамповки. Разработанная система Шпагина была технологична и не вызвала затруднений в освоении производства. Наблюдалась экономия металла и нормированного времени в сравнении с осветительным пистолетом, изготавливаемым Ижевским заводом²⁰. С 15 января 1944 года завод приступил к разработке технологического процесса СПШ-2, опытная партия которого была выпущена в апреле 1944 года,

а с мая было начато массовое его производство. Форма рукоятки обеспечивала безболезненность отдачи, исключалась возможность выстрела при открытом стволе, лёгкость конструкции сочеталась с прочностью и долговечностью деталей.

Массовый выпуск секторных магазинов начался с марта 1943 года, а СПШ – с июня²¹.

Освоение выпуска ПППШ выявило много талантливых рационализаторов. Уже в 1942 году работники завода были отмечены правительственными наградами. Например, Василий Сергеевич Сидоров, работавший на заводе № 367 со дня его основания, был награждён орденом Красной Звезды за самостоятельную организацию производства ложки оружия (деревянной части ПППШ). Пётр Михайлович Кортышев, ведущий конструктор завода, работавший в экспериментальной мастерской Г. С. Шпагина, был награждён орденом «Знак Почёта» за усовершенствование конструкции ПППШ²². При освоении секторного магазина на заводе было внесено 125 рационализаторских изменений в чертежи²³.

Согласно отчётам о работе завода, на апрель 1944 года на предприятии было внедрено 650 рационализаторских предложений, принёсших годовую экономию на сумму более 9,5 млн руб. В основном рационализаторские предложения были связаны с совмещением операций, переводом их с механической обработки на штамповку, изменением раскроя

и конструкции деталей, использованием отходов, модернизацией инструментов, рациональным использованием топлива.

В процессе производства стрелкового оружия на заводе велись модернизация, планово-предупредительные и капитальные ремонтные работы станочного оборудования. Так, в 1943 году была установлена центрифуга для выпаривания смазочного масла со стружки после обработки деталей на станках, в результате чего завод получал ежемесячно до 7 тонн масла (это составляло 30 % от потребности завода в масле в месяц)²⁴.

Для производства секторного магазина и сигнального пистолета Шпагина требуемые 90 станков были изготовлены вновь или модернизированы из имеющихся станков действующего производства²⁵.

Была проведена перепланировка цехов, в результате чего вся сборка секторного магазина и СПШ была размещена в действующих цехах основного производства. Производство было организовано по принципу поточной линии на механической обработке и сборке узлов с применением конвейера на общей сборке изделий²⁶. Общая длина поточных линий завода к концу 1943 года составляла 1 070 метров, из которых 248 метров были оснащены транспортёрами и конвейерами²⁷. Был разработан механический способ уборки металлоотходов и стружки при помощи подземного транспортёра.

Улучшение технологических процессов, повышение квалификации рабочих, улучшение организации производства, развитие ударничества и стахановского движения, введение премиально-прогрессивной оплаты труда на всех ответственных участках привели к повышению производительности труда.

Вятскополянский завод оказывал существенную помощь ряду заводов, впервые осваивающих производство ПППШ, в технологической разработке и изготовлении специальных инструментов. Заводы в Баку и Тбилиси были полностью обеспечены заготовками²⁸. Для завода «И», расположенного на территории Ирана, был сделан расчёт оборудования и площадей по основному и вспомогательному производству, подсчитана потребляемая мощность, потребность в инструментальной оснастке, намечен план организации и пуска производства, изготовлен комплект штампов, приспособлений, измерительного и режущего инструмента, подобраны образцы деталей на все стадии производства, командированы инженерно-технические работники для обучения рабочих.

За годы Великой Отечественной войны в Вятских Полянах было выпущено более 2 млн пистолетов-пулемётов системы Шпагина и 350 тыс. сигнальных пистолетов Шпагина²⁹. Указом Президиума Верховного Совета СССР за «своевременное выполнение задания правительства по выпуску стрелкового вооружения

для Красной Армии» завод № 367 в 1945 году был награждён орденом Ленина³⁰. Правительственными наградами были отмечены многие работники завода. В числе награждённых орденом Ленина были директор завода В. И. Исаков и конструктор Г. С. Шпагин³¹.

Решение проблем с кадрами

Одной из основных проблем при организации производства ПППШ в Вятских Полянах (конец 1941–1942) являлась проблема с кадрами: их нехватка, текучесть и плохие жилищно-бытовые условия.

По сведениям о прибывших на завод на май 1942 года: 3 095 человек – эвакуированные из города Загорска с завода № 367; 358 – с завода № 509; 129 – с тульских заводов; 2 855 – рабочие стройколонны; 1 300 – молодёжь Кировской области; 147 – женщины (по указу о мобилизации); 352 – ученики школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленного училища (РУ). На май 1942 года на Вятскополянском заводе числилось 7 753 человека. Всего же на 13 мая 1942 года с заводом было связано 26 120 человек (работающие и члены их семей)³².

Всего за 1942 год было принято вновь на завод 3 677 человек: 1 519 – организованным набором, 781 – из школ ФЗО и РУ. Выбыло практически столько же работников – 3 675: 701 – в Красную Армию, 1 566 – самовольно оставили производство,

1 408 – были откомандированы на другие предприятия³³.

Большую часть работников завода составляла молодёжь и вольнонаёмное население области. Навыков работы они не имели. Поэтому стояла первостепенная задача – обучить их. Одной из основных форм работы с кадрами было индивидуальное и бригадное наставничество. Под руководством наиболее опытных и авторитетных работников на заводе было организовано освоение профессий жителями сёл области, привлечённых по трудовой мобилизации. Например, Татьяна Георгиевна Беляева была мобилизована на завод Кировским обкомом ВКП(б) 3 декабря 1941 года в возрасте 19 лет. До войны она работала преподавателем начальной школы в Немском районе Кировской области. Менее чем за год она освоила на заводе сложную специальность стрелка-испытателя стрелкового оружия на автоматике, и в 1942 году была представлена к награждению³⁴.

1943 год характеризовался укреплением кадров на заводе. В сравнение с 1942 годом, в котором состав работников сменился более чем на 50 %, в 1943 году было уволено и принято около 23 %. Количество самовольно оставивших производство снизилось в 2 раза³⁵.

1944 год был стабильным в отношении текучести кадров. На производство было принято 224 человека, уволен 371 человек, из которых 170 – по причине дезертирства до-

мой из-за наличия собственного хозяйства, приносящего основной доход семье работника. Нехватка рабочей силы в 1944 году наблюдалась в основном на заготовке древесины³⁶.

Недостаток рабочей силы на заводе вновь проявился в 1946 году. За 8 месяцев 1946 года с завода было уволено более 1 тыс. человек (в связи с отъездом по месту жительства и другим причинам), а принято 420 человек. Кадровую помощь оказывал районный военкомат, направляя на основное производство демобилизованных из Красной Армии и на вспомогательные работы – военнопленных³⁷.

Организация жилищных условий работников завода

Первоначально условия проживания вновь прибывших работников завода № 367 Наркомата вооружения СССР были крайне неудовлетворительными. Приехавшие в ноябре 1941 года расселялись за счёт уплотнения жильцов рабочего посёлка, переселения учреждений, организаций Вятских Полян в близлежащие населённые пункты и выселения местного населения, не занятого общественно-полезным трудом (кроме семей красноармейцев и персональных пенсионеров)³⁸. Расселение эвакуированных происходило следующим образом: на расстоянии до 1 километра от завода – 818 человек; до 2 километ-

Баракы для рабочих завода № 367 в г. Вятские Поляны

ров – 569 человек; от 3 до 4 километров – 1 754 человек; свыше 5 километров – 466 человек³⁹.

Шпильная фабрика имела 8 жилых домов и 3 барака площадью 3 700 кв. метров⁴⁰. На начало 1942 года завод уже располагал жилым фондом в 12 600 кв. метров, из них 5 400 – собственно заводского, 7 200 – арендованного. Имеющаяся площадь обеспечивала 4 335 человек (60 %). Из-за недостатка жилых площадей 40 % работников вынуждены были размещаться в радиусе до 8 километров от завода⁴¹.

Из отчёта за 1 квартал 1942 года следовало, что 2 800 рабочих проживали в помещениях скученно: в бараках с двойными нарами, где

на одного человека приходилось до 1 кв. метра площади. В бараке площадью 100 кв. метров проживало от 85 до 100 человек. Людей заселяли в недостроенные бараки без крыши и форточек. До июля 1942 года кровли почти всех бараков по существу не имели постоянного покрытия. В 17 из выстроенных жилых бараков не было кирпичных печей для отопления помещений. Из-за этого в конце 1941 – начале 1942 года были зафиксированы случаи заболевания рабочих завода сыпным тифом, гриппом, фурункулезом и другими кожными заболеваниями⁴².

Часть работников завода была размещена по частным квартирам

в порядке уплотнения, где в среднем на человека приходилось 1,25 кв. метра жилой площади. Руководящий состав, инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие были поселены в 5 восьмиквартирных домах. Для удовлетворения потребностей в жилье необходимо было построить для одиночек 10 бараков комнатной системы и для семейных – 20 восьмиквартирных домов⁴³.

На 3 квартал 1942 года в Вятских Полянах для размещения работников завода имелось уже 24 барака и 33 общежития, из которых было капитально отремонтировано 18 бараков (с установкой печей) и 16 общежитий. В 10 бараках была ликвидирована двухъярусная система проживания (которая осталась ещё в 4 бараках), 200 семей, проживавших на расстоянии 6–8 километров, были переселены за счёт уплотнения в город⁴⁴.

К 1 января 1943 года на каждого семейного приходилось уже 4,5 кв. метра жилой площади, на одиноких – 2,5 кв. метра⁴⁵. Постепенное улучшение материально-бытовых условий рабочих сократило время их нетрудоспособности по больничным листам.

В 1943 году объёмы жилищного строительства увеличились. Это было связано с началом работы цеха механического прессования красного кирпича. За год проживание рабочих в бараках с двухъярусной системой нар было полностью заменено

на коечную систему, организовано общежитие стахановцев, 128 семей из 214 переселено в дома завода⁴⁶.

Однако в отчёте за 1946 год вновь говорится о неудовлетворительных жилищных условиях заводчан. Так, в жилой площади нуждалось на начало 1946 года 446 семей. На одного проживающего определялась норма: в общежитии – 3,8 кв. метра, в квартирах – 3,1, в арендованных домах – 3,247. При обследовании одного из общежитий говорилось о плохом санитарном состоянии: «потолки протекали, имелась свалка грязных тряпок за печкой, отсутствовал инвентарь» (в общежитии имелось 10 табуретов на 32 человека), были кучи мусора у бараков, тротуары не были исправными, посёлок не озеленён, уборных при общежитии не было. Строительство 8-квартирного жилого дома в 1946 году не могло завершиться из-за отсутствия стекла.

Организация социально-бытового обслуживания работников завода

Прибывшие в Вятские Поляны рабочие столкнулись с элементарными бытовыми трудностями. В жилых домах посёлка не было ни водопровода, ни канализации⁴⁸.

За ноябрь–декабрь 1941 года для обслуживания работников завода была сделана водозаборная колонка (требовалось ещё 2–3 колонки), проложен водопровод временного характера к барачному посёлку

и столовой, выстроены прачечная и санпропускник с пропускной способностью до 350 человек в сутки. Было начато строительство дезкамеры, которое завершилось в 1942 году. Однако имеющиеся парикмахерские и прачечная посёлка удовлетворяли потребности работников только на 30–40 %. Часть прибывших эвакуированных не имела необходимой одежды и обуви: «работали в цехе буквально босиком, не имели возможности снять после работы свой рабочий костюм»⁴⁹.

В 1942 году существующая столовая шпильной фабрики на 60 мест была расширена до 180 мест; поселковый клуб был переоборудован под заводскую столовую на 400–450 посадочных мест, но это позволяло обслуживать менее половины работников завода⁵⁰.

Для стахановцев (1 500 человек) и руководящего состава (270 человек) в заводской столовой было организовано общественное питание 2 раза в день, усиленное питание для ослабленных работников на 100 человек и ужины на 1 700 человек. Начали работу колбасное производство, 2 пекарни, 2 столовые, 2 ларька⁵¹.

Для обслуживания рабочих завода в 1942 году был организован отдел рабочего снабжения (ОРС). Организация при ОРСе базы сельскохозяйственных продуктов, подсобного и рыболовецкого хозяйства значительно улучшило продовольственное снабжение рабочих⁵².

В марте этого же года было закончено строительство свинарника, коровника, 200 теплиц в подсобном хозяйстве завода, были изысканы семена огородных культур⁵³. Посевная площадь подсобного хозяйства на май 1942 года составила под яровые 295 гектаров. С организацией ОРСа в заводские столовые с 3 квартала 1942 года начали поступать свежие овощи. Для личного огородничества более 1 200 семейных рабочих получили участки.

В 3 квартале 1942 года была расширена имеющаяся баня и пущена в эксплуатацию новая баня-пропускник с пропускной способностью в 500–600 человек в день, обеспечивающая полностью потребности семей работников завода⁵⁴. Было организовано медицинское обслуживание: открыты заводская поликлиника и здравпункт с круглосуточным режимом работы⁵⁵.

Регулярное снабжение рабочих завода промышленными товарами было затруднено из-за удалённости Вятских Полян от областных баз и трудностей транспортировки. ОРСом были организованы в посёлке пошивочная мастерская из 12 человек и сапожная мастерская из 19 мастеров. За июнь–сентябрь 1942 года было отремонтировано 1 440 старых и сшито 200 новых пар обуви. В мастерских при заводских цехах велась текущая починка обуви, силами завода изготавливались ботинки на деревянной подошве и лапти, пошив стёганных фуфаяк

и брюк⁵⁶. Однако этого было недостаточно, ощущалась нехватка зимней одежды и обуви. Из отходов производства с февраля 1942 года был начат выпуск кухонных приборов и посуды. Также было изготовлено 437 лопат, 250 граблей, 110 мотыг для индивидуального огородничества⁵⁷.

Для работников завода на территории барakov были организованы кружки, игры в городки, шашки, волейбольная площадка, проводился показ кинофильмов и др. В заводском клубе также шли киносеансы, чтение лекций, выступление заводской самодеятельности и постановки профессиональных актёров⁵⁸. С марта 1942 года на заводе начали выпускать многотиражную газету «Рабочая трибуна», которая выходила 2 раза в неделю по 2 тыс. экз. Кроме неё во время войны цехами и отделами завода выпускалось более 20 разных стенных газет⁵⁹.

В 1943 году в заводском посёлке был построен постоянный водопровод, проведены санитарные обработки жилья с дезинфекцией, при поликлинике завода оборудован процедурный кабинет. Начал работу туберкулёзный санаторий. На заводе построена душевая. Все проведённые санитарные мероприятия в 1942–1943 годах способствовали ликвидации эпидемических заболеваний работников завода.

В 1943 году все работники завода были обеспечены основными продуктами питания (мясом, крупой

и мукой). Общественное питание в 1943 году было организовано так: 3 раза в день для молодых кадров (1 тыс. человек) и «старшего командного состава» (80 человек); 2 раза в день – для 250 служащих «среднего командного состава» и 1 600 стахановцев; 1 раз в день – для 650 инженерно-технических работников и 3 тыс. человек рабочих и служащих.

В подсобном хозяйстве выращивались и засаливались огурцы, капуста и помидоры, заготавливались грибы, ягоды и щавель. На 1 октября 1943 года были построены квасильно-засолочный пункт и зернохранилище. поголовье крупного рогатого скота в 1943 году составляло 349 голов, свиней – 317 голов, овец – 279 голов, семей пчёл – 190 единиц⁶⁰.

Недостаток в рационе рабочих овощей, мяса и жиров в течение 1944–1945 годов также восполнялся продуктами подсобного хозяйства завода. Благодаря этому работники завода за годы войны оказали помощь семенным картофелем ленинградским, куйбышевским, казанским и чкаловским (ныне. г. Оренбург) заводам Наркомата вооружения СССР⁶¹.

В 1944 году была открыта аптека. В том же году на заводе начали работу драматический, музыкальный и хоровой кружки, в августе был проведён шахматно-шашечный турнир. В зимний сезон у работников завода была возможность ка-

таться на коньках и лыжах. В связи с отдалённостью Вятских Полян от областного центра был организован завоз кинолент из Казанского кинопроката⁶².

На 1945 год в Вятских Полянах имелись: туберкулёзный санаторий, дезкамера, поликлиника, детский комбинат, прачечная, почтовое отделение, три помещения столовой, гончарная мастерская, овощехранилище, магазин-склад, коровник, теплятник, теплицы и производственные мастерские⁶³.

На сентябрь 1945 года числились кружки: хоровой, духовой, художественного чтения, вокальный, драматический, пляски, джазовый, физкультурно-акробатический и западных танцев⁶⁴. На летний сезон 1946 года организована лодочная станция, закуплено 15 байдарок и 15 лодочных моторов, в 4 километрах от города на берегу реки Вятки был открыт Дом отдыха на 50 человек. В августе того же года заработала вновь построенная заводская столовая на 500 мест. Была освобождена часть клуба, которую планировали отремонтировать, чтобы организовать в ней библиотеку, читальный, зрительный и танцевальный залы, а также комнаты для игр и кружков.

В 1946 году в Вятских Полянах были завершены работы по планировке и выравниванию земли под стадион, основные работы по строительству которого планировалось завершить в 1947 году⁶⁵.

Организация работы с детьми и молодёжью на заводе

Руководство завода проявляло большую заботу о детях рабочих и служащих. В 1942 году были оборудованы детский сад на 150 детей и ясли на 100 детей⁶⁶. Всем детям дошкольного возраста работников завода в 1942 году была выдана обувь⁶⁷. В 1944 году была открыта столовая для детей военнослужащих на 30 человек. В 1945 году была оборудована комната для матери и ребёнка для кормления грудных детей, построены изолятор и прачечная при детском саде⁶⁸.

На 1 января 1942 года из общего числа работников 23 % были несовершеннолетними (311 – подростков в возрасте до 16 лет, 910 – от 16 до 18 лет), поэтому на заводе была организована работа с подростками и молодёжью⁶⁹.

Выпускники школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ в 1942–1945 гг. были поселены в благоустроенные общежития, в которых также разместили работников, выделенных общественными организациями для воспитательной работы. Молодые кадры были обеспечены постельными принадлежностями, инвентарём, одеждой и обувью, поставлены на питание на полный пансион 3 раза в день⁷⁰. К 1943 году для молодых рабочих было организовано уже шесть общежитий, к которым были прикреплены освобождённые вос-

питатели, следившие за поведением подростков, обеспечением нуждающихся в одежде и обуви и их бытовым обслуживанием. Для молодёжи показывали кинофильмы, устраивали чтение газет и художественной литературы⁷¹. При молодёжных общежитиях было открыто два красных уголка, здравпункт, изолятор и камера хранения⁷².

В цехах было организовано наставничество молодых специалистов, к которым были прикреплены квалифицированные работники. Молодые рабочие осваивали несколько операций, в случае необходимости их могли перебросить с одного участка на другой.

В летние периоды работали пионерские лагеря. В 1942 году в них отдохнуло 300 детей, 1943 году – 530, 1944 году – 630, 1945 году – 555⁷³. Работающие подростки в 1944–1945 годах получили очередной отпуск летом и провели его в пионерских лагерях завода⁷⁴. В связи с нехваткой кадров в 1946 году с октября при заводе была открыта школа ФЗО на 200 человек⁷⁵.

* * *

Заводчане преодолели все трудности военного времени, связанные с эвакуацией заводов и организацией производства на новом месте, набором и подготовкой рабочих кадров, удовлетворением бытовых и культурных нужд работающих, материально-техническим снабжением завода.

Завод № 367 за 1941–1946 годы стал крупным промышленным предприятием. В его цехах был выпущен каждый второй пистолет-пулемёт системы Шпагина, ставший символом Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Предприятие способствовало развитию посёлка, ставшего в 1942 году городом. В 2015 году вклад его жителей в Победу был отмечен присвоением городу высокого звания «Город трудовой славы».

Примечания

¹ Строительство шпульно-катушечной фабрики в посёлке Вятские Поляны Кировской области было начато в 1936 г., со второй половины 1937 г. был организован выпуск продукции. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 397. Л. 64; Гумеров К. Не стареет душой ветеран // Вятскополянская правда. 2014. 22 янв.

² ГАСПИ КО. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 1. Л. 53. Производственные площади эвакуированного завода № 367 Наркомата вооружения СССР г. Загорска были включены в состав площадей завода № 569 Наркомата боеприпасов СССР (ныне электромеханический завод «Звезда», г. Сергиев Посад Московской области), выпускавшего в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. противотанковые, ручные гранаты и пиротехнические средства.

³ Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.

⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 224. Л. 129.

⁵ Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 37. Л. 78.

⁶ Там же. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 35. Л. 22.

⁷ Там же. Ф. П-5971. Оп. 20. Д. 3. Л. 192–193.

- ⁸ Там же. Л. 282.
⁹ Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 15. Л. 118–123.
¹⁰ Там же. Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 59. Л. 7, 9 об.
¹¹ Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 63.
¹² Там же. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 35. Л. 36.
¹³ Там же. Л. 44.
¹⁴ Там же. Л. 79.
¹⁵ Там же. Л. 37.
¹⁶ Там же. Л. 55, 84, 90.
¹⁷ Там же. Л. 45, 61.
¹⁸ Там же. Л. 81 об., 116.
¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 50. Л. 69.
²⁰ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 93.
²¹ Там же. Оп. 10. Д. 50. Л. 9 об., 72.
²² Там же. Оп. 8. Д. 76. Л. 53, 59.
²³ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 98.
²⁴ Там же. Л. 100.
²⁵ Там же. Л. 95.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Д. 50. Л. 10.
²⁸ Там же. Д. 59. Л. 96.
²⁹ Там же. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 168. Л. 1.
³⁰ Там же. Ф. П-1290. Оп. 11. Д. 44. Л. 26.
³¹ Там же. Д. 77. Л. 26.
³² Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 50, 57.
³³ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 8.
³⁴ Там же. Оп. 8. Д. 76. Л. 71. Вид на-
грады в документе не указан.
³⁵ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 64.
³⁶ Там же. Оп. 10. Д. 50. Л. 33 об., 148.
³⁷ Там же. Оп. 12. Д. 295. Л. 60, 60 об.
³⁸ Там же. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 1. Л. 53.
³⁹ Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 37. Л. 78.
⁴⁰ Там же. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 35. Л. 63.
⁴¹ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 10 об.
⁴² Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 39, 40, 48, 80.
⁴³ Там же. Л. 57, 58.
⁴⁴ Там же. Л. 93, 93 об.
⁴⁵ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 10 об.
⁴⁶ Там же. Л. 70, 116.
⁴⁷ Там же. Оп. 12. Д. 295. Л. 37.
⁴⁸ Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 42.
⁴⁹ Там же. Л. 58, 64, 82.
⁵⁰ Там же. Л. 42, 63.
⁵¹ Там же. Л. 59, 63, 94 об.
⁵² Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 59, Оп. 9. Д. 59. Л. 10 об.
⁵³ Там же. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 52. Л. 32, 33.
⁵⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 35. Л. 93.
⁵⁵ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 10 об.
⁵⁶ Там же. Л. 20 об.
⁵⁷ Там же. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 52. Л. 32; Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 59. Л. 21.
⁵⁸ Там же. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 52. Л. 140; Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 59. Л. 10 об.
⁵⁹ Там же. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 168. Л. 27; Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 35. Л. 33.
⁶⁰ Там же. Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 59. Л. 70–73, 116.
⁶¹ Там же. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 168. Л. 1 об.
⁶² Там же. Ф. П-1290. Оп. 10. Д. 50. Л. 176–176 об.
⁶³ Там же. Оп. 11. Д. 44. Л. 7–8.
⁶⁴ Там же. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 168. Л. 30.
⁶⁵ Там же. Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 295. Л. 62 об., 63.
⁶⁶ Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 64.
⁶⁷ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 110.
⁶⁸ Там же. Оп. 10. Д. 50. Л. 148, 176.
⁶⁹ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 8 об.
⁷⁰ Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 93.
⁷¹ Там же. Оп. 10. Д. 50. Л. 17.
⁷² Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 70.
⁷³ Там же. Л. 110.
⁷⁴ Там же. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 168. Л. 33.
⁷⁵ Там же. Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 295. Л. 60 об.

**Повседневная жизнь
эвакогоспиталя № 3165
в годы Великой
Отечественной войны**
(пос. Ленинское Шабалинского
района Кировской области)

Е. В. Емишанова

Анализируя ход боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны нельзя забывать тот факт, что одну из основных ролей в Победе советского народа сыграла военно-санитарная служба Красной Армии. Нельзя забывать о каждодневном подвиге медицинских работников всех рангов, спасавших жизни советских раненых бойцов в тылу. Лечебная работа госпиталей изучена достаточно хорошо на всех уровнях, и этой проблеме посвящено значительное число научных работ. Однако до сих пор слабо освещена тема организации досуга выздоравливающих солдат. Ей уделялось мало внимания по причине недооценки её значения для реабилитации и последующей адаптации солдат к мирной жизни.

Рассмотрим эту проблему на примере работы эвакогоспиталя № 3165, действовавшего в годы войны в посёлке Ленинское Шабалинского района.

Наиболее важным аспектом повседневной жизни госпиталя являлась шефская работа. С момента развёртывания за ним сразу были закреплены шефствующие органи-

зации, учреждения и колхозы района. Первым упоминанием о помощи колхозников раненым в госпитале является заметка «Подарки бойцам Красной Армии», опубликованная 29 августа 1941 г. в районной газете «Красный льновод»¹. Шефская работа заключалась в сборе подарков, чаще всего приуроченных к праздничным датам (образование РККА, 1 Мая, 8 Марта, День Октябрьской революции). Колхозы посылали в основном аграрную продукцию, но имелись и подарки, сделанные вручную: вышитые носовые платки, кисеты для табака и пр. Подарком была и самая обычная бумага, а также почтовые конверты для написания и отправки писем домой.

Организации направляли своих сотрудников и для оказания помощи медицинскому персоналу. Они помогали бойцам в написании писем родным и близким, заготовке дров для отопления и даже собирали у населения посуду и постельное бельё. Вместе с тем существовал и механизм обратной связи раненых бойцов со своими шефами. Так, в газете «Красный льновод» от 11 марта 1942 г. имеется письменное обращение к трудящимся района, в котором солдаты проявляли инициативу и ставили своего рода задачи шефам². Хотя из стиля обращения очевидно, что оно составлено политработниками из числа раненых, это не умаляет его важности для исследователей. Подобные открытые письма-обращения к колхозникам

и служащим района мы наблюдаем в местной прессе до самого конца войны.

Эвакогоспитали не были обузой для шефствующих над ними организаций: выздоравливающие оказывали помощь колхозам в уборке урожая. Госпиталем активно проводилась культурно-массовая и просветительская работа, а его самостоятельные коллективы давали концерты и проводили лекции по медицинской тематике для колхозников.

Организация досуга проходила сразу по нескольким направлениям, таким как работа госпитальной библиотеки, художественной самодеятельности, партийной и комсомольской организации, а также политическая работа среди медперсонала и раненых.

Библиотека при госпитале была создана практически сразу после его организации в посёлке Ленинское. Её главными функциями стали поддержание морально-патриотического духа солдат, повышение образовательного уровня медперсонала и больных. Первоначально в библиотеке госпиталя имелось 1 200 книг, которые распределялись по следующим разделам:

- 1) общественно-политическая жизнь – 432 экз.;
- 2) художественная литература – 620 экз.;
- 3) военно-медицинская литература – 148 экз.

Помимо этого госпиталь получал 80 экз. газет.

80 % раненых и больных являлись читателями библиотеки. Наибольшим спросом пользовалась военная и медицинская литература. К сожалению, обеспеченность книгами была крайне неудовлетворительной, особенно не хватало газет – «Красная звезда» (6 экз.) и «Красный воин» (13 экз.). Ситуация с подпиской на периодические издания на языках народов Советского Союза (газеты союзных республик) была критической, так как госпиталь получал их не больше 2–3 экз. Помимо газет выписывались и журналы: «Большевик», «Спутник агитатора» и «Пропагандист» (по 1 экз.).

Для медперсонала был организован кружок по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)». Занятия проводились регулярно комиссаром госпиталя³.

В комплектовании библиотеки участвовало и население посёлка Ленинское, о чём свидетельствует объявление о сборе книг в подарок бойцам. Его дала в газету «Красный льновод» заведующая районной библиотекой Н. Александрова⁴. Интересно отметить, что в данном объявлении нет прямого указания на то, что собранные книги пойдут в фонд госпиталя, что вызвано, по всей вероятности, засекреченностью сведений о нахождении эвакуационных госпиталей. Таким образом, к 1943 г. в госпитальной библиотеке имелось уже 1 370 книг:

- 1) художественная литература – 303 экз.;

2) политическая литература – 700 экз.;

3) военная литература – 165 экз.;

4) медицинская литература – 124 экз.;

5) техническая литература – 78 экз.

Охват раненых услугами госпитальной библиотеки вырос до 90 %. Несмотря на достигнутый прогресс, значительное число книг к этому времени пришло в негодность в связи с частым использованием, а их ассортимент оставлял желать лучшего⁵.

Организация художественной самодеятельности в госпитале началась с 1942 г. Для руководства ею были приглашены кадры, имеющие соответствующее образование. Для пациентов ставились пьесы, которые, за неимением специального помещения, демонстрировались в коридорах корпусов госпиталя. Для тяжелораненых ставились специальные звуковые спектакли, которые читались прямо в палатах. В художественной самодеятельности активно принимал участие и медперсонал, в частности, политрук госпиталя Шепитько, а затем сменивший его Чиров, которые пели в госпитальном хоре. В спектаклях участвовали и некоторые медсёстры. Несмотря на нехватку реквизита и подходящих помещений, ставились не только пьесы русских и советских драматургов, но и мировых классиков. Большим успехом пользовались пьесы А. П. Че-

хова «Медведь» и «Предложение», постановка поэмы А. С. Пушкина «Цыганы», а также выступления коллектива русской песни и пляски⁶.

Со своей программой госпитальная труппа выступала и для местного населения.

В госпитале были созданы партийная и комсомольская организации. Партийная организация оказывала помощь комитету комсомола и местному. Молодые коммунисты принимали активное участие в партийно-политической работе. За год дважды на собраниях обсуждались вопросы о работе комсомола, а также вопросы хозяйственного характера, например, подготовка зданий госпиталя к зиме⁷.

Хотя комсомольцы принимали активное участие в общественной и культурно-массовой работе, часто этого было недостаточно. В силу этого партийной организацией был принят ряд мер по оптимизации работы комсомола, главным образом за счёт принятия в свои ряды новых людей.

Начиная с 1941 г. вся политико-массовая работа была направлена на укрепление морального духа и воинской дисциплины находившихся на излечении воинов и всего обслуживающего персонала.

Политический аппарат состоял из комиссара, пропагандиста и библиотекаря. Политико-воспитательная работа проводилась по специальным ежемесячным планам, которые утверждались начальником госпиталя.

Было организовано заслушивание докладов на политические, междуна-родные и исторические темы. Один раз в неделю пропагандистом или замполитом проводилась политинформация в каждом отделении госпиталя. В хирургическом отделе-нии 1-го корпуса политинформа-ция проводилась и в палатах. В конце каждого месяца – международный обзор⁸.

Помимо этого, комиссаром, про-пагандистом и агитаторами про-водилась индивидуальная работа с каждым больным, особенно с теми, у которых наметились упаднические настроения. Во многом благодаря такой работе среди пациентов улуч-шалась психологическая обстановка.

В дни революционных праздни-ков проводились специальные засе-дания работников эвакогоспиталей. Особенно торжественно были от-мечены 25-я годовщина Октябрь-ской революции, День Сталинской Конституции и 25-летие советской власти на Украине.

Таким образом, раненые бойцы были в курсе всех внутривосполити-ческих и международных событий. Лекции, доклады и беседы про-водились политическим аппара-том госпиталя, пропагандистами РК ВКП(б), врачами и начальст-вующим составом из числа ран-больных.

Большое значение в проведении политико-пропагандистской работы имело издание стенгазеты. Несмот-ря на постоянный дефицит бумаги,

по отделениям два раза в месяц вы-пускались боевые листки⁹.

Для культурного отдыха раненых был организован просмотр кино-фильмов (2–3 раза в месяц), а по-скольку госпиталь своей установки не имел, выздоравливающих везли в поселковой кинотеатр. Суммарно за 1945 г. было организовано 92 ки-носеанса. В газете «Красный льно-вод» (от 12 апреля 1945 года) печата-лись объявления: «Кино 12 апреля. Новый звуковой художественный фильм “В шесть часов вечера после войны”»¹⁰. Также были организова-ны выступления струнного оркестра, игры на спортивной площадке (во-лейбол, городки), настольные игры (шашки, шахматы, домино).

Иногда отдых бойцов омрачал-ся досадными мелочами. 15 марта 1945 г. в газете «Красный льновод» была помещена жалоба раненого А. А. Маслова, в которой он жа-луется на нежелание сотрудников радиоузла отремонтировать сломан-ный репродуктор в IV отделении госпиталя¹¹. Репродукторы на все военные годы были единственным средством трансляции радиопередач («Последние известия», «Письма на фронт», «Письма с фронтов Отече-ственной войны», «Литературный дневник» и пр.), а также песен и сво-док с фронтов от Совинформбюро. На данную жалобу отреагировали достаточно быстро, и репродуктор был заменён новым.

В госпиталь приходили с кон-цертами художественной самодея-

тельности учащиеся Ленинской школы и воспитанники интернатов. В газете «Красный льновод» от 1 марта 1945 года опубликована заметка начальника госпиталя по политической части А. П. Тюленева, в которой говорится: «...особенно тепло были встречены бойцами выступления детей – воспитанников Соловетского интерната. Пятишестилетние малыши хорошо исполняли песни о Родине, стихотворения о героях Отечественной войны. Очень понравились больным танцевальные номера в исполнении маленьких танцоров...»¹²

Даже после Победы госпиталь продолжал работу в штатном режиме. Большое внимание уделялось адаптации раненых к мирной жизни, были организованы курсы счётных работников. О их проведении мы узнаём из заметки бухгалтера госпиталя А. Шеляпина в газете «Красный льновод» от 31 мая 1945 года¹³. С помощью организации курсов бойцы получали гражданские специальности.

Таким образом, эвакуогоспиталь № 3165 уделял внимание не только излечению раненых бойцов, но и организации их досуга, воспитательной работе. Большую помощь в этом деле госпиталю оказывали шефские

организации. Не будет преувеличением тот факт, что на период Великой Отечественной войны эвакуогоспитали Кировской области смогли стать своего рода очагами культуры и просвещения для тех населённых пунктов, где они разместились.

Примечания

¹ Дёмин И. Подарки бойцам Красной Армии // Красный льновод. 1941. № 105 (1505). С. 2.

² Будем работать без усталы на дело обороны // Красный льновод. 1942. № 31 (1581). С. 2.

³ ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 281. Л. 47 об.

⁴ Александрова Н. Книжки – подарок бойцам Красной Армии // Красный льновод. 1941. 9 окт. (№ 121). С. 2.

⁵ ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 281. Л. 52.

⁶ Там же. Л. 46, 46 об.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ Там же. Л. 47 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Красный льновод. 1945. № 15 (1822). С. 2.

¹¹ Маслов А. А. Репродуктор не работает // Красный льновод. 1945. № 11 (1818). С. 2.

¹² Тюнев. Забота о воинах Красной Армии // Красный льновод. 1945. № 9 (1816). С. 2.

¹³ Шеляпин А. Курсы счётных работников // Красный льновод. 1945. № 23 (1830). С. 2.

Раздел III

ПОРТРЕТЫ. СУДЬБЫ

Просветитель удмуртов вятский педагог К. А. Андреев

К 160-летию со дня рождения

В. Б. Помелов

Во второй половине XIX в. потребности социально-экономического развития России, стимулированные освобождением крестьянства от крепостной зависимости, открытием земских учреждений и, как следствие, бурным развитием капитализма, вызвали к жизни необходимость получения хотя бы начального образования у значительно большей, нежели прежде, части населения Российской империи. Потребность в получении образования всё настойчивее стала ощущаться и среди той части населения страны, о просвещении которой прежде вовсе не принято было и думать. Речь идёт о нерусском населении России.

Ветер перемен дошёл и до Вятской губернии, являвшейся в то время одним из крупнейших регионов страны. Особенностью национального состава населения Вятской губернии было то, что его значительную часть составляли как раз «малые» народы – удмурты, татары, марийцы, чуваша, бесермяне, тептяри и др. В 1871 г. здесь про-

живали представители семнадцати национальностей общей численностью 2 394 196 человек, из которых 476 334 (19,9 %) были представителями национальных меньшинств. В этот период удмурты составляли 11–12 %, марийцы – 4–5 %, татары – 3–4 %, коми-пермяки – 0,3–0,4 %, башкиры – 0,3 %, бесермяне – 0,2–0,3 %, другие народы – до 0,1 %. В Вятской губернии проживало до 85 % всех удмуртов, 20 % татар, 40 % марийцев¹.

Таким образом, самым крупным этносом, издревле населявшим Вятский край, были удмурты, до 1932 г. именовавшиеся вотяками. К концу XIX в. их проживало в губернии около 440 тыс. человек.

В массе своей удмуртский народ был неграмотным, что и неудивительно. Удмуртский язык достаточно сложен для усвоения, поэтому учителя и ученики часто не понимали друг друга.

Начальные практические шаги по созданию системы просвещения для «малых» народов Среднего Поволжья начали осуществляться с конца 1860-х гг. Первая школа для удмуртов в Вятской губернии была открыта в селе Елово (Елеево) Глазовского уезда в 1869 г.² В 1879 г. во всех ти-

пах школ в Вятской губернии обучалось немногим более двух тысяч удмуртов. Грамотность у них была вдвое ниже, чем у русского населения. Один учащийся-«инородец» приходился на 182 жителя, в то время как у русских – один на 62³.

Удмуртские национальные школы, хотя и содержались несколькими ведомствами (Министерство государственных имуществ, Святейший Синод, православное миссионерское общество, инородческая миссия), были немногочисленны и бедны в материальном отношении, методический уровень преподавания в них оставался низким. Переводчики учебных пособий нередко жаловались на то, что «при грубости и бедности вотского языка, в котором нет слов для выражения отвлеченных понятий», невозможно передавать высокие истины христианского учения. «Вятские епархиальные ведомости» сообщали: «В Глазовском уезде один священник читал вотякам Евангелие на вотском языке. Вотяки слушали, да и говорят: “Ты, бачко, лучше уж по-русски читай”. Вотяки сами говорят: “На нашем языке чего скажешь, то ли дело по-русски”»⁴.

В указанный период на всю огромную Вятскую губернию насчитывалось около 70 учителей-удмуртов и четыре священника-удмурта, что было поистине каплей в море⁵. Учителями во многих национальных удмуртских школах были, помимо русских, крещёные «инородцы» – выпускники Казанской учительской

семинарии, Симбирской центральной чувашской школы, Уфимской марийской школы и Бирской инородческой учительской школы. Но марийские, чувашские и татарские учителя, как и русские, нередко натывались на тот же языковой барьер.

Мешала полноценному образованию и даже общению учеников и учителей разница в особенностях национальных культур и национальных менталитетах, а также традиционные причины: нехватка средств, оборудования и учебников, отсутствие серьёзной поддержки со стороны властей, предвзятое отношение к просвещению «малых народов» со стороны националистических кругов, постоянная борьба религий (христианства и ислама) за умы и души удмуртского народа, в тот период ещё крепко державшегося за свои языческие верования.

В национальные учительские школы удмуртов принимали неохотно. Так, в Казанскую учительскую семинарию ежегодно поступали 20–30 удмуртов, но фактически принимали из них всего от трёх до пяти человек. К 1890 году эту семинарию окончили всего лишь 26 удмуртов.

Между тем основная часть удмуртского населения проживала именно в Вятской губернии. Здесь особенно была нужна удмуртская учительская школа, тем более что другие народы Среднего Поволжья уже имели в то время свои национальные центральные школы повышенного типа, готовившие кадры

национальной интеллигенции – учителей и священников. Неудивительно, что идея создания удмуртской учительской школы возникла именно в Вятской губернии.

Большую активность и настойчивость в деле открытия такой школы проявил выдающийся просветитель поволжских народов Николай Иванович Ильминский. В ходатайстве на имя управляющего Казанским учебным округом (1888) он предлагал открыть учительскую школу в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии на базе существовавшей с 1881 г. начальной удмуртской школы. «Пусть эти учителя, – писал он, – будут сначала плохо знающими по-русски, но добрыми людьми и истинными христианами; они принесут делу такую пользу, какую несомненно принесли учителя братских школ, хотя они и обвинялись иногда даже в малограмотности»⁶.

В стремлении решить вопрос об открытии удмуртской учительской школы Ильминскому пришлось даже жаловаться видному церковному и педагогическому деятелю, обер-прокурору Священного Синода Константину Петровичу Победоносцеву на действия директора народных училищ Вятской губернии Александра Алексеевича Красева (1844–1921), возражавшего, по словам Ильминского, против открытия школы. Следует заметить, что Красев был одним из выдающихся местных деятелей просвещения, который за

годы руководства делом народного образования в Вятской губернии (1888–1902) сумел поднять уровень школ и других учебных заведений на такую значительную высоту, что на Всемирной выставке в Париже (1900) Вятская губерния была удостоена нескольких золотых медалей за успехи в деле просвещения, в том числе в деле просвещения «инородцев».

Причина, по которой Красев поначалу не соглашался с открытием удмуртской школы в селе Старый Карлыган, заключалась в том, что, по его мнению, в Уржумском уезде был невысокий процент удмуртского населения (всего 0,17 %). В то же время, он был вынужден признать, что «район влияния школы... распространяется на другие селения, отстоящие от Карлыгана»⁷.

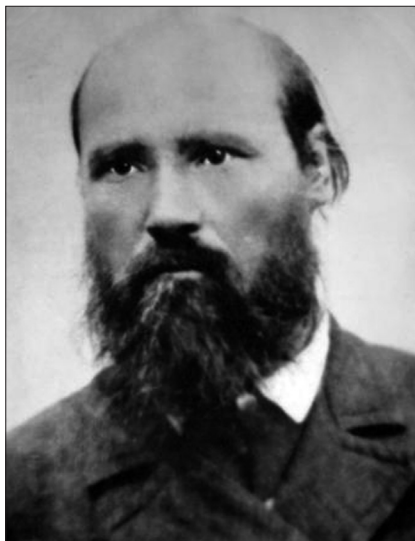
Н. И. Ильминский считал неверным мнение Красева о том, что удмуртская учительская школа должна непременно размещаться в крупном торговом селе или городе. Он отмечал, что удмурты – народ скромный, застенчивый, в массе своей они избегают тесного общения с «иноплеменниками», а потому в большом населённом пункте им будет неуютно. Кроме того, отмечал Ильминский, «зародыш такой школы уже сложился и существует. В ней уже и учитель (К. А. Андреев) трудится без определенного денежного вознаграждения... и его семейные позволяют ему употреблять свое время и свой труд на обучение детей, вместо какого-ни-

будь прибыльного ремесла. А вотяки не только его деревни, но и других селений, нескольких соседственных приходов расположились уже к его школе и охотно отдают в оную своих детей»⁸.

На содержание Карлыганской центральной удмуртской школы были выделены средства из фонда незадолго до этого закрытого Вятского губернского земского училища «по подготовке учителей и распространению сельскохозяйственных и технических знаний».

Самый известный удмуртский просветитель Кузьма (Козьма) Андреевич Андреев (1857–1940) родился в семье почитавшегося в округе удмуртского жреца в селе Старый Карлыган Хлебниковской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне это село Большой Карлыган Мари-Турекского района Республики Марий Эл).

К. А. Андреев окончил Старо-Цыпчинскую русскую школу грамоты и Сардабашскую крещено-татарскую школу. Некоторое время был бродячим учителем: учил удмуртов грамоте и проповедовал христианское учение, переходя из села в село. Затем он получил назначение учителем в Карлыганскую школу, официальное открытие которой состоялось 10 октября 1883 г. Ему были присвоены звания священника и учителя начальной школы. Одновременно он занимался миссионерской деятельностью: читал книги удмуртам в деревнях, обучал их гра-

К. А. Андреев

моте, проповедовал христианское вероучение, боролся с проявлениями языческой религии.

В 1896 г. Андреев был назначен помощником губернского епархиального миссионера, которым был Павел Петрович Глезденёв. Эту обязанность Кузьма Андреевич исполнял в течение двадцати лет, вплоть до Октябрьской революции. Как помощник Глезденёва Андреев часто выезжал в Вятку и Казань, где активно участвовал в работе переводческой комиссии, существовавшей при миссионерских обществах и занимавшейся подготовкой к изданию и изданием книг для нерусских народов Поволжья. Здесь его работа состояла в переводе азбук и других учебных пособий на удмуртский язык (он также свободно владел та-

тарским и марийским языками⁹). Эти книги использовались в учебном процессе в Карлыганской школе, в которой он продолжал работать.

Поначалу К. А. Андреев недостаточно хорошо владел русским литературным языком; он ведь не получил в молодости полноценного образования. В связи с этим директор Казанской учительской семинарии Николай Александрович Бобровников писал директору народных училищ Вятской губернии: «Кузьме Андрееву нужно дополнить свое образование и выучиться несколько говорить по-русски. В Карлыгане это сделать невозможно»¹⁰.

Н. А. Бобровников считал, что жизнь в Казани в течение одного-двух месяцев в год и переводческая работа помогут Андрееву улучшить своё образование. При этом он ссылался на примеры таких удмуртских просветителей-самоучек, как Т. Яковлев и В. Тимофеев, которые получили развитие благодаря общению с Н. И. Ильминским. Бобровников помогал К. А. Андрееву решать вопрос с командировками в Казань, благодаря чему он имел возможность общаться с видными учёными-просветителями и миссионерами. Но на первый план по своей значимости Бобровников всё-таки ставил миссионерскую и учительскую, а не переводческую деятельность Андреева.

Определяя характер работы Карлыганской школы, Н. И. Ильминский указывал: «В Карлыганской школе религиозное обучение и вос-

питание должны иметь не только главное и преобладающее, но, так сказать, всеобъемлющее место и значение. И должно оно производиться лицом от всей глубины души верующим и преданным, имеющим дар слова убедительного, пламенного, ревность к христианскому просвещению. Такие свойства вместе со здравым смыслом и христианскими понятиями несомненно присущи К. Андрееву, который уже около десяти лет трудится на этом благом поприще»¹¹.

Посетивший в те годы школу инспектор народных училищ писал в отчёте: «Мною подробно осмотрено Карлыганское вотское двухклассное училище. Учащихся в училище 120, все вотяки... Задача школы – дать образование детям исключительно инородцев-вотяков, а вместе с тем из этой школы выходят молодые, способные быть учителями в инородческих школах грамоты... В Казанскую учительскую инородческую школу за короткое время своего существования Карлыганское училище уже немало дало дельных учителей – просветителей-инородцев, почему и обратило на себя внимание руководства учебного округа»¹².

Педагогическая работа в школе сочеталась у К. А. Андреева с миссионерством. Он писал в одном из отчётов: «Я ездил к бывшим ученикам Карлыганской школы. Жил между ними неделю. Между тем я успел хорошо познакомиться с вотяками, которые очень полюбили меня и при-

глашали в гости чай пить. Всюду, куда приглашали, я читал вотские книги и молитвы на вотском языке. Это им очень понравилось. Между собой они порядочно распространяли про меня, что я хорошо читаю и говорю по-вотски нравоучения»¹³.

Училище, открытое в 1890 г. на основании «Временного положения о центральной вотской Карлыганской министерства народного просвещения школе», было организовано на базе ранее существовавшей частной начальной миссионерской школы по образцу уже существовавших к тому времени в России центральных национальных училищ и преследовало целью подготовку учителей для удмуртских школ. Постепенно она стала трёх-, а потом и четырёхгодичной школой. В программу обучения входили: Закон Божий и церковно-славянское чтение, вотский язык, русский язык, арифметика и начала геометрии, природоведение, пение и музыка, педагогика и методика первоначального обучения. В училище принимались лучшие выпускники начальных школ в возрасте не моложе двенадцати лет. При училище был интернат. Учащиеся проходили педагогическую практику в начальных вотских школах. В училище был создан педагогический совет. Для оказания помощи в решении хозяйственных вопросов образован попечительский совет.

В 1890 г. Вятская духовная консистория дала своё согласие на по-

стройку школы и церкви при ней. В том же году Министерство народного просвещения выделило 1 132 руб. 50 коп. на строительство и содержание Карлыганской школы. Предполагалось полностью закончить её строительство в 1894 г. В вышеуказанном «Временном положении...» отмечалось, что в полном составе школа откроется после окончания постройки здания школы и церкви при ней¹⁴.

При выборе территории для школы учитывалось, что село Старый Карлыган и 25 ближайших к нему селений заселены исключительно «инородцами», преимущественно удмуртами. Для школы было отведено удобное место на возвышенности. Проект был разработан окружным архитектором таким образом, чтобы школа служила одновременно и церковью. Поэтому в постройку входило помещение алтаря. Церковь при школе расписывалась палехским художником. Строительство требовало по смете 6 038 руб., что значительно превышало выделенные средства. Поэтому для экономии средств учителям недоплачивали зарплату¹⁵.

Материальное положение училища все годы его работы было тяжёлым. Кузьма Андреев и второй учитель, выпускник Казанской учительской семинарии Пётр Васильев, длительное время не получали зарплаты (если не считать единовременного пособия, вытребованного Ильминским после его обращения

в Святейший Синод), хотя предполагалось в первый год официально-го открытия школы (1890) выдать Андрееву 200 руб., а Васильеву – 100 руб. Через три года планировалось поднять годовую зарплату до 300 руб. и 240 руб. соответственно. Однако в полном объёме жалование не платилось.

Неудивительно, что из школы неоднократно поступали жалобы учителей на невыплату жалования «в течение трех месяцев» и от учеников, которым поначалу негде было жить, и они жили прямо в доме Андреева¹⁶. В 1891 г. школу посетил Н. А. Бобровников. В школе учились 67 человек (57 мальчиков и 10 девочек), из них 52 удмуртской национальности. Среди учащихся свирепствовали тиф, скарлатина, голод. Школа то открывалась, то закрывалась. Инспектор народных училищ Вятской губернии, посетивший школу, писал в своем отчёте: «В Карлыганской школе учащиеся голодают. Надо бы открыть столовую, но на это у меня нет средств. Не знаю, как и чем помочь Карлыганской школе»¹⁷.

Материальное положение школы усугублялось тем, что её благосостояние зависело, в основном, от помощи частных лиц. Уже в первые годы своей работы училище получило тяжёлый удар в связи с банкротством его мецената, почётного блюстителя казанского купца Анисимова. На его средства содержались в училище 22 ученика, из которых 13 оканчивали курс обучения

и готовились к экзаменам на звание учителя. Но все они, с горечью отмечал инспектор народных училищ, вынуждены были оставить училище, хотя большинство из них отличались способностями и успехами в учёбе.

Инспектор просил министерство ассигновать хотя бы 100 рублей на поддержку десяти наиболее бедных учащихся. Но эта просьба не была услышана, и училище продолжало существовать исключительно благодаря энтузиазму учителей и сборам «сельского общества». Несмотря на трудности, школа постепенно приобретала авторитет и вскоре стала известна за пределами уезда. Её выпускники успешно выдерживали экзамены на звание учителя в Казанской учительской семинарии, представлявшей собой своего рода высшее учебное заведение по подготовке учителей для «кинородческих» школ. Некоторые из карлыганских выпускников затем продолжали обучение в этой семинарии.

Первый выпуск учеников школы был представлен к испытаниям на получение звания учителя в Казанскую учительскую семинарию в 1893 г. в составе 16 человек. Все успешно выдержали экзамены, но «по малолетству» получение звания учителя пятерым выпускникам было отложено. Попечитель Казанского учебного округа, присутствовавший на экзамене, отмечал хорошую подготовленность учеников. По его словам, «две ученицы превосход-

но читали по-церковнославянски. Одна из учениц написала под диктовку на классной доске несколько предложений без единой ошибки и сделала правильный грамматический разбор написанных предложений»¹⁸.

Успешная деятельность училища дала основание дирекции народных училищ Вятской губернии присвоить ему в 1895 г. звание «Центральное». И оно действительно оправдывало это название, поскольку являлось методическим центром для учителей-удмуртов всей Вятской и соседних с ней губерний. После окончания школы многие молодые учителя посещали Карлыганскую школу, где для них устраивались краткосрочные педагогические курсы. Для этого собиралась группа курсантов из 30 человек, приглашались преподаватели из Казани.

Как помощник миссионера Кузьма Андреевич Андреев часто бывал в школах с многонациональным составом учащихся в Вятской и соседних с ней губерниях, в частности, в Осинском и Красноуфимском уездах, где обучение велось по системе Н. И. Ильминского. В отчётах инспектору он отмечал, что в тех школах, где образование вотяков занимаются выпускники Карлыганской школы, обучение поставлено удовлетворительно. К таковым он относил удмуртские школы Малмыжского и Елабужского уездов, Базезинскую школу Глазовского уезда Вятской губернии и др.

Новым явлением для того времени было появление первых учительниц-женщин. Существовавшая в тот период общественная мораль не одобряла какую бы то ни было общественную деятельность женщин, причём среди нерусского населения России и особенно в районах распространения исламской религии это неодобрение фактически носило характер запрета. Вот почему педагогическая деятельность первых учительниц-удмурток была сродни едва ли не подвигу. Неоднократно отмечались случаи, когда родные и близкие отрекались от женщины, решившей стать учительницей. Первые выпускницы Карлыганского училища отмечались епархиальными священниками как способные наставницы молодёжи.

Карлыганская центральная удмуртская школа оставила яркий след в истории просвещения в Вятской губернии. Её деятельность положительным образом сказывалась на общеобразовательном и методическом уровне учителей-удмуртов. Применение в процессе обучения грамоте натурального и переводного методов и принципа наглядности, отсутствие наказаний и другие прогрессивные моменты в деятельности этого училища сделали его центром подготовки поначалу очень немногочисленной удмуртской интеллигенции. Среди её выпускников поэтесса Ашальчи Оки (Лина Григорьевна Векшина), известный педагог Григорий Медведев, про-

фессор Удмуртского государственного университета М. П. Прокопьев и другие известные люди¹⁹.

К. А. Андреев скончался в посёлке Можга Удмуртской АССР 16 мая 1940 г. Память о замечательном просветителе сохраняется в народе. В 1996 г. его имя было присвоено Карлыганской школе; здесь же проводятся традиционные Андреевские чтения.

Примечания

¹ Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – 1917 г. : моногр. Киров, 1998. С. 58.

² Луппов П. Н. Христианство среди вотяков со времени первых исторических событий о них до XIX в. СПб., 1899. С. 1

³ Фролова Г. Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск, 1971. С. 58.

⁴ По поводу мултанского дела // Вятские губернские ведомости. 1896. № 37. С. 6.

⁵ Помелов В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции: на примере Вятского края: монография. Саарбрюккен, 2013. С. 171.

⁶ Ильминский Н. И. Письма. Казань, 1898. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Ильминский Н. И. К истории просвещения вотяков Вятской губернии // Вятские епархиальные ведомости. 1898. № 8. С. 433.

⁹ Помелов В. Б. Просветительская деятельность вятского епархиального

миссионера П. П. Глезденёва // Вятский исторический сборник. Год 2015-й : труды науч.-исслед. Центра регионоведения / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 2015. С. 169–182.

¹⁰ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 2120. Л. 25.

¹¹ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 2018. Л. 20.

¹² Фролова Г. Д. История школы в Удмуртской АССР : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1967. С. 127.

¹³ Чичерина С. В. Положение просвещения у приволжских инородцев. СПб., 1906. С. 606.

¹⁴ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 2018. Л. 20.

¹⁵ Там же. Д. 2185. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 2248.

¹⁷ Там же. Д. 2120. Л. 48.

¹⁸ Там же. Д. 2249. Л. 18.

¹⁹ Карлыганская школа // Удмуртский календарь на 1966 г. Ижевск, 1965. С. 45–46.

Не сдувайте пыль веков...

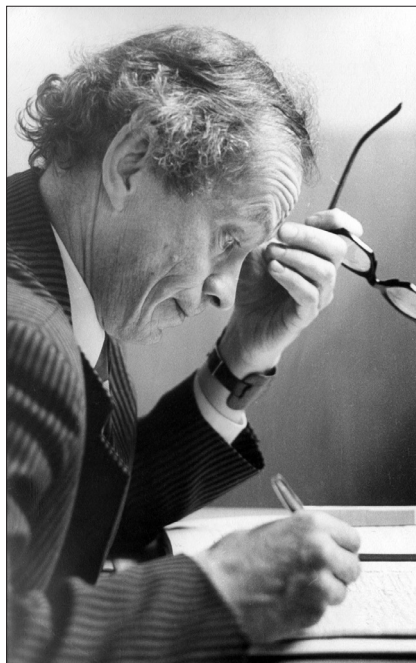
К 85-летию Б. В. Садырина

В. Г. Ануфриева

«Не сдувайте пыль веков...» — любит повторять Борис Васильевич Садырин, известный Кировский краевед и писатель.

Многие современные квартиры обезличены... А в жилище Садырина любой предмет не случаен, не дань моды или обычая. Всё здесь говорит об увлечениях, пристрастиях, взглядах хозяина. На двери — плакат с надписью: «Я люблю тебя, Россия!»

— С митинга на Театральной площади принёс, — заметил Борис

За работой. Б. В. Садырин

Васильевич, – очень он мне приглянулся.

Картины на стенах, сувениры, книги на полках так или иначе связаны с его краеведческими интересами. И, конечно, в центре великий русский певец Фёдор Шаляпин работы кировских художников и фотографов, подаренные друзьями... Между портретами Ленина и Сталина – балалайка.

– Мама очень любила на ней играть, – вспоминает он. – А почему вожди рядом? Их «объединил» Шаляпин. Ленин помог артисту, когда костюмы и декорации из Большого и Мариинского театров хотели от-

править в провинцию, где они бы и сгинули понапрасну. А Сталин приглашал его обратно на родину, пообещав вернуть дом и дачу, на что свободолюбивый певец ответил посланцам вожда: «...А душу можете вернуть?» Портрет Сталина у меня на стене ещё и потому, что советский народ с ним победил фашизм.

Круг краеведческих интересов Б. В. Садырина широк: литературное краеведение, история вятской фотографии, устное народное творчество, Шаляпин... Но главной линией через всю жизнь прошла тема войны.

– День Победы. Котельнич. Мне 12 лет. Помню, как шли колонны с флагами и транспорантами по улице Советской на Верхнюю площадь... Был солнечный день. Народ ликовал. А я стоял и смотрел... И у меня вместе с радостью – непоправимое горе, недетская тоска... Я страшно горевал, что отца нет с нами. Мама переживала, верила, что жив, ждала... Прошли годы, она отдала мне отцовские письма с наказом сберечь, и я их хранил, перечитывал и всё больше задумывался: что значит «пропал без вести»? Всё равно должен остаться какой-то след... Очень помогли мне в поисках книги, одна из них – «О войне без прикрас» Владимира Руткевича. Я прослеживал боевой путь 377-й стрелковой дивизии, в которой служили и автор книги, и мой отец-артиллерист 933-го артполка. На других фронтах воевали и пятеро его братьев: Михаил, Сергей, Вик-

тор, Павел, Александр. Их светлой памяти и 65-летию Победы я и посвятил свою книгу «Мои родные Садырины». Меня радует, что семь лет прошло с выхода книги, а нет-нет да и появляются письма с откликами. Пишут родственники погибших фронтовиков из Кировской области, Москвы, Перми, Воронежа... Просят помочь отыскать близких. Книга работает! Многие интересуются темой войны. Я почувствовал ещё раз силу русского духа, простого русского солдата, когда увидел, какими дорогами шёл отец, какими словами писал о ратном подвиге. И была в то время святая вера в Победу, солидарность в борьбе с фашизмом всех советских людей: русских, белорусов, украинцев... А сейчас вновь выползла неизвестно откуда нацистская нечисть, и, видно, одолеть её не скоро... Беспамятство – смерть для человека.

Поэтому, когда работал над книгой «Мои родные Садырины», решил, что надо сделать и нашу родословную роспись. Обратился к работникам областного архива, помогли. Они же и Шаляпинское родословие составили, что в книге «Фёдор Шаляпин и Вятская земля». Это уникальный материал.

Вспомнил Борис Васильевич и об истоках своего увлечения краеведением.

– В годы войны я учился в котельничской школе. Однажды пришла в класс новая учительница географии Валентина Петровна Бородина и спросила: «Ребята, а вы

хорошо знаете ваш город? Я вам советую почитать книгу Николая Васенёва «На берегах Вятки», а летом побывать в заречных дубовых рощах, посмотреть на высокий берег, на котором стоит ваш город, и написать о нём». Спустя годы меня по-настоящему захватили краеведение, история и литература, этнография... После окончания историко-филологического факультета Кировского пединститута работал в библиотеке имени Герцена... Вот наша любимая Герценка и помогла мне встать на краеведческий путь...

В 1950-е годы директором библиотеки была Клавдия Михайловна Войханская, а заместителем по науке – Анатолий Николаевич Ванеев. Он-то и дал мне первый импульс, подкинув интересную тему. Был такой врач-просветитель Савватий Иванович Сычугов... Я и увлёкся: прочитал его книгу «Записки бурсака», поехал в командировку в Верховинский район, где он в своё время работал, встретился с людьми, которые его помнили, говорили, что изумительный был человек... С этого момента и началась моя любовь к краеведению.

Творчеством писателей-земляков Борис Васильевич увлёкся в 70-е годы, когда вёл литературно-краеведческий кружок в Центре детского и юношеского туризма и экскурсий. Встречались с кружковцами такие известные писатели, как Борис Порфирьев, Леонид Дьяков, Овидий Любиков, Павел Ма-

ракулин, Герман Нагаев... Выезжали ребята и в Ленинград на встречу с котельничанином-ленинградцем Леонидом Рахмановым (фильм «Депутат Балтики» создан по его сценарию, им же написана пьеса «Беспокойная старость»). А также – на встречу с писателем-фронтовиком Леонидом Хаустовым.

В Ленинграде Борис Васильевич подружился с Тимофеем Сергеевичем Лобовиковым, сыном известного фотохудожника. В дар Кировскому краеведческому музею им передана уникальная подборка фоторабот Сергея Александровича Лобовикова.

– К сожалению, я не довёл до конца начатое, – вздыхает Борис Васильевич. – Была задумка создать фотомузей. Николай Шилов бросил клич: «Создайте музей фото!» Мне поручили изучать, собирать фотографии, встречаться с мастерами... А это непросто. Аркадий Васильевич Шишкин, фотолетописец советской деревни, к примеру, в Москве жил. Как-то уже после смерти фотографа позвонила мне его вдова: «Он вам просил передать...» Приехал, а фотографии огромных размеров в рамках... Довёз до вокзала на грузовике, загрузил целый тамбур. Звоню директору музея, чтобы встретили, и слышу: «Я вам запрещаю привозить эти фото!» С трудом тогда уладили дело.

Помню к Алексею Михайловичу Перевошикову ездил, гонорар за подборку фотографий «От весны до весны» отвозил. Он удивился

и говорит: «Липа, а куда мне эти деньги? Вот если бы раньше, когда я зарабатывал съёмками в детских садах на поездки с художниками по стране...» Гениальный фотограф, он учил меня в шутку: «Борис Васильевич, слушайте всех, но делайте по-своему, если убеждены. Надо спорить, драться, но только зонтиками...»

Уже весь диван завален книгами, папками с документами, фотоальбомами... И с каждым из этих сокровищ у Садырина связан какой-либо случай, история...

– Вот альбом Николая Шилова «Вятка – любовь моя», – продолжает Борис Васильевич. – Он появился на свет благодаря Николаю Петровичу Киселёву, руководителю ассоциации «Аэлига». Поехали мы с ним в Котельнич с этим подарком. А когда вручили, Коля заплакал... Столько лет он ходил по чиновникам от образования, культуры, все говорили, что это очень нужно для школы, и разводили руками: нет денег...

А вот ещё один чудо-альбом «Сергей Лобовиков», изданный в Германии. С дарственной надписью: «Дорогому Борису Васильевичу с благодарностью и любовью от потомков С. А. Лобовикова». Среди фотографий, рассказывающих о труде и быте вятских крестьян, портрет отца Шалапина, Ивана Яковлевича. Певцу передали его родные из Вятки. И когда он работал над образом Ивана Грозного, использовал черты внешнего облика отца.

Всё богатство краеведа, все его находки, архивные документы хранятся в ГАСПИ КО, в фонде Садырина. Здесь всё, что собрано, и многое из этого собранного живёт и работает.

– Книгой «Павел Александрович Садырин: личность и судьба российского либерала», написанной в соавторстве с доктором исторических наук Владимиром Ивановичем Бакулиным, заинтересовался Госбанк, – рассказал Борис Васильевич. – Недавно от департамента сотрудничества банка пришло письмо с просьбой выслать хотя бы электронный вариант. Дело в том, что Павел Александрович, депутат Первой Государственной думы, в 1920-е годы был членом правления Госбанка, работал председателем Сельскосоюза страны. Его подпись на денежных купюрах тех лет...

Борис Васильевич достаёт семейные реликвии (ведь он троюродный внучатый племянник Павла Александровича): визитная карточка депутата, вот он на фото среди вятских членов Первой Госдумы, вот документ о том, что он приговорён к расстрелу в 38-м году...

– Сколько собирать-то пришлось разных документов, сколько потрачено сил, энергии, – призадумался, вспоминая, Борис Васильевич.

Особая «песня» – Шалапинская тема... Больше полувека он по крупицам собирал всё, что касалось истории жизни и творчества гения с вятскими корнями. Подготовил

к изданию вместе с коллегами несколько книг о Шалапине, в том числе: «Фёдор Иванович Шалапин и Вятская земля», «Фёдор Шалапин: “Вот тебе и вятский мужичонко...”», а статей в сборниках, журналах и газетах и не сосчитать. А самая главная его радость – открытие в Кирове памятника Шалапину и Шалапинской гостиной.

– В 2001 году с помощью Евгения Деришева, в бытность его заместителем главы департамента культуры, удалось заложить камень под будущий памятник. А потом 13 лет мы, шалапинисты – Татьяна Ивановна Кармазина, Галина Васильевна Грачёва, Тамара Константиновна Николаева, Евгений Дмитриевич Гречухин – ходили по чиновничьим кабинетам...

– Многие чиновники стальному перу подобны... За свою жизнь я не раз сталкивался с этими стальными перьями. Они не стираются. Они пишут и пишут: «Мы не можем, у нас денег нет...»

И вот в марте 2014 пришёл я в очередной раз к губернатору Никите Юрьевичу Белых...

– Борис Васильевич, не волнуйтесь! Памятник Шалапину откроем нынче, в День романтики...

Вместе с активными шалапинистами: Алексеем Николаевичем Зориным и Сергеем Фёдоровичем Голушковым – мы обратились в Кировскую городскую думу и добились присвоения Вятскому оркестру народных инструментов имени Шала-

пина. А в июне 2012 года, к 140-летию певца, в библиотеке № 18 открылась Шляпинская гостиная. Неслучайно именно там, ведь библиотека носит имя Алексея Максимовича Горького, а они с Шляпиным были большими друзьями. Писатель восхищался величием таланта «вятского мужика» и с гордостью говорил, что «такие люди, как он, являются для того, чтобы напомнить всем нам – вот как силен, красив, талантлив русский народ!»

В гостиную я передал всё шляпинское богатство, около 1 000 экспонатов: книги, пластинки, открытки, медали, документы... Почти 60 лет собирал... Это мой подарок городу.

На всю жизнь запомнил я слова литератора Чельшева и старался следовать им: «Никогда ничего не выкидывайте, если мешает, отложите в сторонку, перевяжите веревочкой, и пусть хранится до лучших времен. А то сдуете пыль веков, и от веков ничего не останется...»

«Внучка» Садырина...

Шляпинская гостиная, или как он её называет в шутку – «внучка», особа притягательная. Здесь домашнему уютно, всё стилизовано под старину: круглый стол, фортепьяно, патефон – подарок кировчанина Владимира Смердова... (Благодаря ему приобретены также два портрета Ф. И. Шляпина – работы кировского художника Виктора Ка-

шина.) И, конечно, оригинальный макет памятника великому артисту: он как будто присел ненадолго на скамеечке перед выступлением... (Подарок скульптора из Санкт-Петербурга, нашего земляка Романа Ручкина.) На стенах также портреты Шляпина. Один из них подарен дочерью народного художника СССР Н. Н. Жукова, авторы других – кировские художники Александр Набиулин и Виктор Кашин.

Здесь проходят литературно-музыкальные краеведческие вечера, как бы в гостях у Шляпина. «Хозяйка» гостиной Ангелина Владимировна Ситникова рассказала, что один из самых важных и любимых гостей – Борис Васильевич Садырин.

– Недаром его называют одним из глубоких исследователей связей Фёдора Ивановича Шляпина с вятской землёй, – заметила она. – Тот заряд, который он направляет на пропаганду творчества Шляпина, его вятских корней, настолько мощный, что «сподвигает» и других на это дело. Он хочет, чтобы все тоже увлеклись этим, прониклись величием нашего земляка. А это во многом зависит от успешной реализации творческой программы «Шляпинское наследие».

Вместе с Натальей Ивановной Смирновой, исполняющей обязанности директора библиотеки, мы листаем фотоальбом, читаем отзывы посетителей гостиной:

– Было душевно, с разговорами об искусстве, времени, Вятке и о ве-

личии Шаяпина (Надежда Перминова, Людмила Суворова).

– Сегодня мы были в гостях у шаяпинцев, слушали чудного, удивительного, талантливого Бориса Васильевича Садырина. Спасибо ему огромное за глубокий, сердечный рассказ о Шаяпине. Борис Васильевич уже 60 лет «нервно дышит» творчеством великого певца, изучает и пропагандирует его (гости клуба «Очарование»).

– Оказавшись здесь, попадаешь в прекрасную атмосферу любви и творчества, которая пронизывает всю жизнь Бориса Васильевича Садырина. Его главная тема – жизнь и творчество Шаяпина, начиная с истоков, с вятских корней певца. Не может не заражать эта глубокая любовь к русской земле и лучшим её представителям, таким, как Шаяпин, прославившим Россию. Спасибо огромное за эту память и подвижничество! Желаю Шаяпинской гостининой успехов в очень важной деятельности, а, главное, здоровья Борису Васильевичу (музыковед Бронштейн).

– «Орлятам» есть чему поучиться у великого певца. И не только пению, а и целеустремлённости гения (хор юношей «Орлята»).

И таких отзывов десятки... В свою очередь хочется пожелать «хозяевам» гостининой новых успехов в реализации интереснейшей творческой программы «Шаяпинское наследие».

Самый главный движитель...

Виктор Фёдорович Борискин, скульптор, автор памятника Шаяпину:

– Мне пришлось очень тесно работать с Борисом Васильевичем Садыриным, председателем Вятского Шаяпинского общества, при возведении памятника. Его участие в этом неоценимо, он был главным двигателем процесса. И в основном благодаря его усилиям памятник Шаяпину стоит на Вятской земле. Хотя и не достроенный до конца. По проекту рядом с монументом должна быть декоративная композиция: персонажи его ролей – Иван Грозный, Борис Годунов, Сусанин, Дон Кихот... Надеюсь, что со временем так и будет.

Владимир Константинович Семибратов, краевед, кандидат культурологии, писатель:

– Борис Васильевич – первый мой Кировский знакомый. В 1977 году школьником я приехал на станцию юных туристов, где Садырин тогда работал методистом. Благодаря ему и увлёкся краеведением. Борис Васильевич давал мне рекомендации для поступления в институт. Это мой первый наставник... Краевед с большой буквы, подвижник, энтузиаст, бесребреник и щедрый человек.

Татьяна Ивановна Кармазина, председатель совета КГОО «Жители блокадного Ленинграда», заместитель председателя Вятского Шаяпинского общества:

– На заседание шалапинистов впервые привела меня Тамара Константиновна Николаева, и там я познакомилась с Борисом Васильевичем, вошла в состав общества и в течение трёх лет даже была его председателем. Мы вместе с Борисом Васильевичем ездили в командировки в Москву, Санкт-Петербург, на встречу с родственниками Шалапина. Так, познакомились с Леонидом Степановичем Шалапиным, родная сестра которого живёт в Кирово-Чепецке. Он подарил нам несколько семейных фотографий и приезжал в Киров на открытие памятника. Безусловно, это произошло только благодаря настойчивости Садырина, его пробивной силе. Если цель поставит, обязательно своего добьётся. Он – наш самый главный движитель! Хотя по характеру – человек не простой: вспыльчив, может и обидеть, а одумавшись – может извиниться. Но бывает, остаётся с кем-то неприимимым до конца.

Твори добро, пока жив

В. Ю. Шеин

Может, с этого небольшого стихотворения, опубликованного в районной газете «Кировская искра» в 1967 году, начался путь в большое творчество Светланы Сырневой. В то время это была всего лишь ученица третьего класса Лебедевской восьмилетней школы Уржумского района.

Советской Армии

Армия Советская всех сильней.
Мы гордимся очень армией своей.
Воины умелые, ловкие и смелые
Защитники страны, своей любимой,
Родине,
Великой клятве воинской всегда
верны.
Стоят на страже Родины
сорок девять лет.
Прими, родная Армия, горячий наш
привет!

Эта же тема славы, мощи, силы, но, как мне кажется, с некоторым ироническим оттенком будет присутствовать и в другом, более позднем стихотворении С. Сырневой «Прописи», которое, я считаю, стало в её творчестве программным, знаковым. Написанное в 1987 году про то же время, оно также славит Родину.

Прописи

Помню, осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
и богатая самая».
В пешех далях – деревья корявые,
дождь то в щёку, то в спину.
И в мои сапожки дырявые
заливается глина.
Образ детства навеки –
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грацином помёте.
Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина – самая светлая».
Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,

и опустится небо мутное
к нам в дошатый гремучий кузов.
И споёт во все хилые рёбра
октябратский мой класс бритолобий:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина самая добрая».
Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!
Ты горька, как осина,
но превыше и лести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

Две разделённые революцией эпохи сошлись в образе той сельской церкви: «...цепь великая распалась, в оба края вдарив». Одни люди верили в Бога и строили её, отдавая, быть может, последние гроши. Другие, жившие через несколько поколений, с утвердившейся новой идеологией рушили вековые устои веры, оскверняли храмы и воздвигли вместо спиленных с куполов крестов пятиконечные звёзды. Один строй сменял другой.

Начало настоящего, взрослого творчества Сырневой приходится тоже на перелом — на середину восьмидесятых — начало девяностых. В её стихах на первое место выступает образ родины. Той маленькой, где она родилась, росла и начинала творить. Она пишет правдиво, так как есть, не скрывая серости и убогости нашей жизни. Но вместе с этим не впадает в пессимизм. А страна в это время всё ещё строила социализм, шла к коммунизму. Народ перевыполнял планы, возво-

дил дома и мосты, покорял космос. Но это там, где-то далеко-далеко. У нас же в вятской глубинке «церкви серый остов», «пустые деревни», «трактор в трясине да избы убоги», «безлюдье полей», «на семь вёрст по округе сорняк», «хромые деревья в пыли и немые деревни в печали». Всё это покорно и медленно тонет, чтоб «без остатка уйти в глубину». А где же светлые дали, розовый свет зари?

Как вам досталось, родные мои:
холод, болезни детей, нищета.
Только и было, что ноша семьи,
только и было — и жизнь прожитая!

Это древнейших времён ремесло —
дыры латать у скупого огня —
к вам от родителей ваших пришло,
а через вас просочилось в меня.

Её творчество сравнивают с поэтами Некрасовской школы. Она также откровенно повествует о доле народной. Она никого не обвиняет в этом, а всё в стихах пропускает через себя, через личные переживания, через личное видение трудной и порой беспроглядной жизни где-то в далёкой от столиц, но близкой нашему сердцу вятской глубинке. Ей это знакомо с детства по стихам Некрасова, её любимого поэта, произведения которого она помнит наизусть до сих пор. Позднее были Н. Заболоцкий, Н. Рубцов, С. Есенин, А. Блок, Ю. Кузнецов и другие.

Простые люди, привыкшие на селе всю свою жизнь работать от

темна до темна, забываются только на короткий миг, «гранёный стакан наполняя до края», они довольны, что хотя бы на праздник надевают платье, которое лежало в комодке лет семь и давно уже вышло из моды, рады тому, «что не в ватнике, и не в извечном рабочем халатике».

Всё это было, есть и, возможно, ещё будет. Но неужели ничего исправить нельзя, изменить?

...вправо посмотришь –
увидишь Сибирь,
влево заглянешь – узрешь Москву.

Не приведи же Господь никому
так вот стоять посредине широт,
словно кухарке в огромном доме,
вверенном ей при побеге господ.

Ещё со школьной скамьи те, кто постарше, помнят слова вождя мирового пролетариата, что каждая кухарка должна уметь управлять государством. Знать не получается, не научили! Так что же ей делать? Быть может, подойдёт тот ответ, который даёт Сырнева?

Что тебе плакать? Живи, как жила:
двери закрой да растапливай печь.

Так значит, на самом деле ничего нельзя изменить? Так и живи. Так и мы будем жить.

На заставке её стихов, помещённых в сборнике «Вечерний альбом» (1990), картинка, которая иллюстрирует и отражает их невесёлое содержание. Женщина в бесцветном плат-

ке и исконных для сельского жителя ватнике и сапогах одиноко стоит на краю деревни. А кругом лишь осенняя стылость и пустота, грязно-серая злая трава на заляпанном луже лужке, хмурое небо нависло над полем, а дальше, как в дымке, дома. Невесёлая жизнь на селе. Только пёс, подчиняясь судьбе, прижимается боком к коленям хозяйки своей. Что там дальше, ужель только вакуум беспросветности жизни твоей?..

Сможет ли русский человек сам справиться с этой бедой или кто-то поможет ему? Тогда кто? И когда это будет? Терпи, да и воздастся тебе...

Но, какая бы она ни была, с беспросветной, убогой жизнью, с дорожными колеями по колено, с нерадостным, небогатым детством, всё равно она остаётся Родиной, которую любишь, которой гордишься. Рано или поздно народ России всё равно придёт к вере, к той истинной, не в грядущий коммунизм...

Светлана Сырнева – патриот своего края, и она верит в светлое будущее, с оптимизмом смотрит вперёд. Ещё в 2002 году она писала:

Мы, Россия, ещё поживём!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.

Но тогда, в пору «Прописей», тридцать лет назад, поэту лучше было молчать, лишний раз не высываться со своими нерадостными мыслями вслух, ведь страна всё ещё

шла к коммунизму, и не распался пока Советский Союз...

В час немного отчаянья
места глаголу нет:
скорбный удел молчания –
доля твоя, поэт.

В те годы публиковалась она не часто.

Детские впечатления. Наверное, они самые яркие, самые незабываемые. Да, та осенняя дорога, сначала от Лебедёвского до Буйского, а затем и до Уржума, по которой они с мамой не раз добирались до районного центра, навсегда запечатлелась в её памяти. Ещё не раз Светлана Анатольевна будет обращаться в своём творчестве к тому трудному, но вместе с тем очень памяtnому времени. Возможно, уже тогда в ней пробуждался будущий философ...

«Прописи». Это стихотворение, навеянное детскими воспоминаниями, отделяет от того, одного из первых, ровно двадцать лет. Огромный промежуток! А может быть, она «заболела» стихотворным творчеством ещё раньше?

Маленькая Света-первоклашка хорошо училась. Она и не могла быть среди отстающих, боялась подвести родителей-учителей. К школе она уже прилично считала и читала. Вот только писала печатными буквами. Но и письмо вскоре хорошо освоила. А чтобы дочка держала спину

прямо, не портила осанку, мама привязывала её косищу к спинке стула. Сурово, но очень действенно. До сих пор почерк Светланы аккуратный, буква к буквке, не испорченный ни возрастом, ни работой.

Её первая школа была не в районном центре, а в сельской глубинке. В ней из-за нехватки учеников малыши из нескольких классов обучались вместе. Поэтому девочке, обладавшей прекрасной памятью, поневоле приходилось постигать программу старших ребят. Сделав своё задание, первоклашка тянула руку, чтобы ответить и их урок.

В школу Света всегда ходила с большим желанием. Всё она успевала, была прилежной и усидчивой, старательной, и учёба давалась ей легко. Вместо воспитателей в детском саду с ней дома занималась подготовкой к школе бабушка. Особенно девочка любила стихи. Она не только отлично их запоминала, но и пыталась сочинять собственные. И это в семь неполных лет!

Мама Светланы София Александровна – учительница русского языка и литературы, вспоминала о том времени!: «Свои стихи она декламировала в концертах, выступала с ними на смотрах художественной самодеятельности, чем и привлекла внимание самодеятельных поэтов из соседнего села Буйское Бориса Ивановича Мартынова и Александра Дмитриевича Ширяева. Они и посоветовали нам послать эти стихи в районную газету

“Кировская искра”. Так, в 1967 году на страницах уржумской “районки” появилось первое стихотворение Светланы Сырневой под названием “Зима”. Света получила за него свой первый гонорар – 3 рубля». Но, мне кажется, не деньги были главным для девочки, а самоутверждение, то, что её творчество признали взрослые, более опытные поэты, что она принята в их негласное братство.

Так рождалась поэтесса Светлана Сырнева, новая звезда отечественной поэзии. Вот это произведение, опубликованное в праздничном номере газеты за 1 января 1967 года. Светлане – 9 лет.

Наступление зимы

Пушистый беленький снежок
Уже засыпал весь лужок,
Поля деревья и кусты.
На лыжи встали я и ты.
А речка льдом покрылась вся,
По ней бегут коньки, скользя.
Мороз трещит сильнее, сильнее.
Зиму встречаем у дверей.

Как-то один человек, сейчас живущий в Кирове, сказал о своей малой родине: «Уржум – это большая деревня, все всё в ней друг про друга знают». Возможно, это выражение немного грубовато, но в целом суть схвачена правильно. Да, люди здесь, в вятской глубинке, встречаются друг с другом чаще, чем в областном центре. Тем более люди творческие, одарённые. Их тянет объединить свои интересы и увлечения.

Евгений Петрович Замятин – в те годы ответственный секретарь районной газеты, уже состоявшийся журналист и поэт-сатирик, выпустивший несколько сборников своих стихов и басен, печатавшийся в «Литературной газете», журналах «Крокодил» и «Сибирские огни». И Светлана Сырнева – маленькая, застенчивая девочка из Богом забытой деревушки. Но Замятин сумел увидеть, почувствовать в ней тот незаурядный, самобытный талант, который с годами вырос в настоящее творчество.

Быть может, он заметил её на районном конкурсе художественной самодеятельности, где Светлана читала свои стихи. Дом культуры для неё, сельской девчушки, никуда до этого не выезжавшей из деревни, показался настоящим дворцом. Высокие потолки, красивые люстры, большой зрительный зал и много-много людей – всё это было ей в новинку.

Выйдя на сцену, она была ослеплена огнями рампы. Девочка не видела реакции на лицах зрителей и декламировала, не зная, нравятся им её стихи или нет. Но когда зрительный зал взорвался аплодисментами, она поняла, что это была её первая победа. Жюри конкурса предоставило ей право представлять Уржумский район в области. Это стало настоящим успехом маленькой Светланы. К сожалению, весной дорога раскисла, и добраться даже до районного центра стало проб-

лемой. Но девочка не пала духом. Мама говорила, что ещё будут конкурсы, будут удачи и новые победы. И она оказалась права...

Своё знакомство с Евгением Петровичем Светлана помнит смутно. Была мала, да и волновалась, как-никак первая встреча с поэтом. Она вместе с мамой шла коридором по красным ковровым дорожкам. Кабинет ответственного секретаря с высокими потолками и большущими окнами показался ей громадным. Здесь трудился Замятин. Он пригласил гостей выпить чаю, но те по скромности отказались. А потом пошёл разговор о Светлане, о её стихах.

Став стихотворным наставником и учителем Светланы, Евгений Петрович заинтересованно следил за её творческим ростом и всемерно помогал этому. Их встречи стали частыми. Критика его была доброжелательной, а отношение к девочке по-отцовски тёплым.

Софья Александровна считает, что без помощи и поддержки таких людей, как Замятин, Мартынов, Ширяев, её дочь не смогла бы стать известным поэтом. Они, несмотря на её детский возраст, относились к ней как к своему маленькому товарищу по перу. И это было очень важно для Светланы. С годами её стихи становились более совершенными, приобретали отточенность и нужную форму.

В начале-середине восьмидесятых годов прошлого века в редак-

Светлана Сырнева. 1974 г.

ции районной газеты «Кировская искра» подобрался хороший, очень работоспособный и, даже можно сказать, молодой творческий коллектив. Светлана Сырнева, Владимир Ветлужских, Людмила Алябышева, Марина Бегунова, Валентина Маканова. Нам было по 25–30 лет, ну плюс-минус года два-три. Поэтому хотелось в чём-то проявить себя.

Ветлужских уже тогда серьёзно занимался краеведением. Сырнева — поэзией. Правда, солидные стихи она нам вслух не читала, наверное, скромничала. А вот сатирические вирши были очень весёлые. До сих

пор помню «Поэму про колорадского жука». Но это, скорее всего, были просто опыты, чтобы лишний раз поработать над рифмой, да и душой отдохнуть над этими, как мы их называли, «перлами». Остальные тоже пробовали зарекомендовать себя в чём-то. Было даже коллективное творчество. Правда, не для публикации в средствах массовой информации. И стихи, и прозу подписывали псевдонимом В. Кряжевских. То ли он, то ли она, не поймёшь. Даже выпускали стенные газеты, которые развешивали в кабинетах и коридорах редакции. Всё это стало уже историей.

Когда я в 1983 году пришёл в редакцию, Сырнева была уже заведующей отделом писем. Жила Светлана Анатольевна через дорогу от редакции в маленькой квартире на втором этаже. А на выходные, если получалось, уезжала в деревню Русское Тимкино, где её ждали мама, сестра и дочка Ксюша. Если не подворачивалось попутного транспорта или рейсовый автобус не ходил, тогда шла она домой пешком. Обычно путь лежал напрямки через лес, луга и поля. В дороге и складывались слова в строчки, а строчки в стихотворения. Не раз и не два переделывала она неудачные места, шлифовала рифму. Так и рождались новые произведения.

В 1984 году, после отъезда В. И. Помещикова в Киров, Светлану Сырневу назначают редактором районной газеты. К сожалению,

и она в мае 1985 года уехала в областную центр.

Работа для неё была, наверное, приложением к творчеству, ведь надо же где-то зарабатывать деньги, чтобы кормить семью. Такова банальная проза жизни. Хотя, на какой бы должности она ни служила, везде проявляла себя только как грамотный, ответственный, хороший, знающий специалист.

В редакции она не только готовила к печати в газете письма нештатных авторов, но и писала очерки, зарисовки о заслуженных людях города и района, искала другую информацию, например, из учреждений культуры, здравоохранения, образования, помогала местным самодеятельным поэтам правильно слагать стихи. Учила и меня, ещё начинающего журналиста, премудростям этой работы.

Кто она, член Союза писателей России с 1991 года, известная не только в Кировской области, но и в России поэтесса Светлана Сырнева?

Во-первых, это автор поэтических сборников (последние из которых издавались с завидным постоянством раз в два года) «Ночной грузовик» (1989), «Сто стихотворений» (1994), «Страна равнин» (1998), «Сорок стихотворений» (2004), «Новые стихи» (2006), «Избранные стихи» (2008), вышедших в Кирове. Более объёмная книга «Белая дудка» (2010) включает в себя лучшие стихотворения за последние почти 35 лет и роман в стихах «Глаголев».

Очень хорошо оформленный стихотворный сборник «Ночь ледохода» (2013) выпущен в московском издательстве. Её стихи печатались в различных коллективных сборниках и солидных российских журналах.

Долгие годы она была секретарём Кировского отделения Союза писателей России, затем (с 2013 года) некоторое время возглавляла его. Сейчас она – секретарь Союза писателей России.

Во-вторых, наша уважаемая землячка – лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник» за 1991 год, ежегодной литературной премии имени Н. А. Заболоцкого, учреждённой администрацией Уржумского района (1995), и Всероссийской ежегодной литературной премии имени Н. А. Заболоцкого (2006), Всероссийской литературной премии «Традиция» Союза писателей России за 1996 год, Малой литературной премии России за 1997 год, Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка», Всероссийской премии имени поэта Константина Бальмонта (2007) и ещё многих. За исследование традиций русской классики награждена юбилейной золотой медалью «К 200-летию А. С. Пушкина».

В-третьих. Детство, юношество и зрелые годы прошли у Светланы Анатольевны на уржумской земле. Именно здесь она написала свои первые стихотворения. Отсюда, как со стартовой площадки, ушла в большое творчество. Мы по праву

гордимся нашей замечательной землячкой.

Родилась Светлана в деревне Русское Тимкино Уржумского района в учительской семье. Вместе с родителями переезжала из одной деревни в другую. Училась в Лебедёвской, Русско-Тимкинской, Шурминской школах. Потом окончила педагогический институт, год преподавала русский язык и литературу в средней школе села Петровского Уржумского района. Затем – районная газета «Кировская искра»: корреспондент, заведующая отделом, главный редактор. Судьба иногда безжалостно обращалась с ней. Где только она ни работала. Приходилось становиться то корректором, то лифтьёром, то занимала должности в различных пресс-службах, была даже работником областной администрации, но не ответственным, а всего лишь техническим. Работа бывает разная. На иной как бы отдыхаешь (не физически, конечно), она в радость, приносит удовлетворение. На другой так за день наработаешься, что дома только отдых и никакие стихи не пишутся.

Девяностые годы прошлого века. Кризис власти, кризис идеологии, всеобщее безденежье и почти пустые полки в магазинах. Народу не до книг, не до стихов, какие бы они хорошие не были.

Издательства снимают с печати уже готовые заказы. Про то, чтобы взять новые, речи вообще не идёт.

Страна со скрипом въезжает в рынок. И несмотря на все трудности существования, Светлана продолжает писать. Причём писать очень плодотворно. Благодаря поддержке меценатов продолжает издавать хотя бы маленькие книги.

Опубликовать свои стихи в областных газетах девятикласснице Шурминской школы Сырневой было сложно. Подборку её произведений, посчитав не совершенными, вернули из литературного клуба «Молодость», которому газета «Комсомольское племя» периодически предоставляла свои страницы. Посчитали, что школьнице ещё рано печататься рядом со взрослыми. Вот как вспоминает о том времени сама Светлана Анатольевна²:

«Я четыре дня не ела, не спала и ходила по школе, натываясь на стены. Мне казалось, что жизнь для меня уже кончилась».

В один из таких дней я обнаружила своего отца Анатолия Петровича Градобоева за непривычным занятием: он листал мою заветную папку с подборками поэтов «Молодости».

– Светланка, – сказал он, – ты пишешь не хуже, а лучше их! Ты просто ещё очень молода, у тебя мало жизненного опыта. Ты сейчас – как молодой Джек Лондон, которого выгоняли из всех редакций. Это не у тебя трафарет, а у них – трафарет, ты в их схему не вписываешься. Посмотри, что о них сказано: рабочий, трактористка, агроном. Напиши,

что ты – доярка, измени имя, место жительства. И помани моё слово: они тебя влёт напечатают!

– Они уже дали понять, что у меня нет таланта, – ответили я. – Если нет таланта, ничего не поможет.

– А ты попробуй, – настаивал папа. – Рисни!

Так возникла 17-летняя работница Уржумского плодосовхоза Светлана Градобоева, пославшая в «Комсомольское племя» свои стихи, и вскоре уже пожинавшая бремя славы в своём плодосовхозе, потому что газета незамедлительно опубликовала её бесхитростную подборку».

Вот так пробивалась в большую творческую жизнь наша землячка.

Мало кто даже из уржумцев знает, что Светлана Сырнева из семьи священнослужителей. Дед её Александр Арсеньевич Сырнев служил регентом церковного хора в Опарино, затем в селе Верхоишеть бывшего Татауровского, а ныне Нолинского района. Об этом «В двадцатом веке» пишет мама поэтессы С. А. Сырнева. Священнослужители Сырневы жили в Нолинском, Уржумском, Яранском и некоторых других уездах Вятской губернии. Многие из тех, кто носил священнический сан, в годы гонений были расстреляны или сосланы и погибли в лагерях. Позднее Светлана узнала, что был расстрелян и старший брат её отца, священник отец Георгий.

В 1929 году храм, где служил А. А. Сырнев, закрыли, и отец Алек-

сандр был объявлен лишенцем. «Деду пришлось податься “в бега”». Но бабушка и дети не отреклись от него, – рассказывает Светлана Анатольевна. – Многие священнослужители стали жертвами обстоятельств в ту трагическую эпоху».

К сожалению, священника Верхоишетской церкви отца Николая (Фролова), с семьёй которого дружили Сырневы, выселили из его жилья, отобрав дом. Пришлось тому ютиться в баньке. Сын его Вениамин публично отрёкся от отца, о чём было сообщено в районной газете, и уехал в Ленинград. Рано овдовевший, отец Николай в одиночку воспитывал своих детей. Потерявший всё в годы репрессий, он глубоко страдал и вскоре умер...

Эта трагическая история и навеяла тему стихотворения С. Сырневой.

Сельский вечер, звон пасхальный,
бабушка степенный.
Мальчик с пряничком сусальным
жмётся у колена.

Бабушка – душа святая:
мухи не обидит.
Сын запомнил, подрастая,
что Господь – всё видит.

Но воздыбилось, взломалось
в грохоте и жаре,
цепь великая распалась,
в оба края вдалив.

«Расскажи-ка долгополый,
ты какого классу?
Нет дороги к комсомолу
с тятенькиной рясой».

И отец промолвил сыну:
«Бог нас не осудит.
Отрекись, пойдёшь с повинной –
легче в жизни будет».

Сын отрёкся, и про это
с должным лаконизмом
напечатала газета
«Путь социализма».

Как он жил и где скитался
в ногу с лютым веком?
Утверждают, что остался
честным человеком.

И пока он строил, драил
и эпоху нянчал,
поп-отшельник тихо таял,
выселенный в баньку.

Сын, в воздвигнутом тобою –
места нет для плача.
Обнимись с своей судьбою,
боль от мира пряча!

И в немолчной этой боли
не устань молиться,
чтоб Господь с отцом позволил
ТАМ соединиться.

Он почёл бы Божьей карой
то, что ныне стало:
ни села, ни церкви старой –
всё с землёй сровняло.

Год за годом только звёзды
сеют свет в пустыне,
словно выкачали воздух.
«Отче!» – «Где ты, Сыне?»

Только травы молча множат
семена на вынос.
Отче, где ты? Где ты, Боже?
Боже, рассуди нас!

1987

Творчество её знакомо и любимо многими. Порой и прозой-то так не скажешь, а она стихами. Да так иногда «завернёт», что хочется плакать.

Поэзию Светланы Сырневой относят к отечественной неореалистической школе. Современники называют её «выдающимся русским поэтом» (Правда. 2008). О её творчестве с восхищением отзываются поэты и критики: «Серьёзный поэт, переживающий каждое слово стиха. Поэзия без пустот. Без истерического самообнажения. С крепкой, плотной образностью. Словом, истинный поэт» (русский поэт Юрий Кузнецов в предисловии к сборнику «Сто стихотворений», 1994 год); «Стихи Сырневой по праву принадлежат к высшему, что создано в наше время» (из предисловия профессора Московского литературного института В. П. Смирнова к сборнику «Избранные стихи», 2008 год).

В предисловии к сборнику стихов Светланы Сырневой «Белая дудка» Вячеслав Лютый пишет³:

«Среди современных поэтов, хранящих верность национальной почве, имя Светланы Сырневой обладает некоей отдельностью. Причиной тому – сложность восприятия её стихотворений как целостного художественного мира, в противоположность широко распространённому в поэзии образному пунктиру мира нынешнего. У Сырневой взаимопроникновение пейзажа, людской доли, личного жизненного пути и глубоко экзистенциального, невыразимого

до конца собственного сердечного переживания доведено, кажется, до крайней степени. Переводя взгляд с одного поэтического предмета на другой, почти невозможно определить, где кончается контур первого и начинаются пределы второго. И поэтому, говоря о сырневских стихах, так трудно выделить в них какую-то одну мысль или одно чувство: узнавая в них только себя, читатель забывает обо всём остальном...

В старые времена разбойник порою становился монахом, а чуть позже – иной революционер превращался в глубоко верующего монархиста. Перейдя от жестокой схватки к тихой, уединённой молитве, борец за правду земную, за справедливость и честь все силы свои оставшиеся направил на христианское терпение, на молитвенное слово, которым только и спасётся Русь – и уже теперь он понимает её именно как Святую Русь. Эти переливы национального характера закономерны, если видеть в русском человеке душу, облечённую промыслительным поручением. И тогда наш традиционный вопрос: а зачем? – который повергает в смятение иноплеменный ум, вдруг оказывается главным и в частной жизни, и в государственной, и тем более – в жизни творческой».

Для неё всегда святыми оставались три родных человека: мама, дочка, сестра. И в Русском Тимкине, и в Кирове ей часто приходилось расставаться с ними. Порой на день, а иногда и на неделю.

Город для мирного детства,
город для тихой старости.
А между детством и старостью
ничего не осталось.

Поздно кончится детство,
рано начнётся старость –
вытеснят детство и старость
жизнь, о которой мечталось.

Город вечной усталости
многих, кто в накипь бился
и наконец смирился
ради детства и старости.

Утро Уржума

Скользят облака над полями,
синее в озёрах вода.
Что стало, что сделалось с нами
за долгие наши года!

Хрустальное жизни начало,
тебя мне уже не вернуть!
Но в детстве душа моя знала
единственно правильный путь.

Так в полдень из глуби колодца
небесные звезды видны.
А счастье с рожденья дается,
искать мы его не должны.

Добыть бы из грязи и шума
тот призрачный миг молодой,
где чистое утро Уржума
стоит над проточной водой,

где только лишь начата повесть
сердечных волнений и смут,
где глупые правда и совесть
с дороги сойти не дают.

Светлана Сырнева всегда будет
искать вдохновения в нашей вят-
ской природе. Ведь здесь «небо ти-

хое в цвет померанца», «роща стоит,
как храм в тысячу белых колонн»,
«грозных рябин загорелись кост-
ры», «плавилось солнце большим
леденцом». Всё это наше, вятское
сумела подсмотреть поэтесса и за-
печатлеть в своём творчестве.

Тихая, спокойная, покорная ро-
дина. В стихах Сырневой внутрен-
нее переживание человека, готового
сродниться с этой самой природой,
стать ей травинкой, веточкой, ве-
терком.

Оседала студёная ночь
серебром на бегущих конях.
Это слёзы застыли в глазах,
это я пролетаю в саниях

Ненадолго нам детство дано,
нет свободы, есть счастье одно:
с этой зимней дороги свернуть –
или сгинуть в снегах – всё равно!

Всё мне чудится беглый мотив
несворотной дороги земной.
И созвездья, на небе застыв,
судьбоносно висят надо мной.

Белый пар отстаёт, словно дым,
не задевши алмазную высь.
О, как чудно, как весело им,
как они с моей жизнью срослись!

Так беспечно я верить могла,
что не будет ни боли, ни зла,
и дорога моя пролегла
в дальний дом, где достанет тепла.

И скрипели ступеньки крыльца,
и визжала высокая дверь.
Этой жизни не будет конца,
а другая – бессильна теперь.

Всё познавшее сердце! Молчи,
оглянувшись далёко назад.
Я заснула. Я сплю на печи.
И созвездья меня сторожат.

1996

А ещё в её стихах – одиночество, грусть. Друг ушёл, покинул героиню её произведений. И воротится к ней или нет, неизвестно. Вот стоит она, ждёт у окна, может кто-то придёт, обогреет замёрзшую душу. Но «осклизнет под рукой переплетённые рамы» или «рука примерзает к стеклу». Долго ждала. Но никто не пришёл.

В стихотворном романе Сырневой неприкаянный в жизни Глаголев спрашивает у Бога:

...зачем же Ты дал мне так много,
и как в себе это носить?
...зачем не имея ни в чём неуспеха,
я сам себе нынче укор и помеха,
и нет мне покоя нигде?

Это чувство знакомо и близко поэте. То же одиночество и только труд поэтический становится отдушиной, только в нём можно излить свои чувства, выговориться. «А мне оставаться с собой да с заботой... с непрерывной работой – и в этом усладу искать». Нет, не кончается творческий поиск Светланы Сырневой, впереди ещё много «перемен, удивлений, встреч».

Примечания

¹ В двадцатом веке : воспоминания участницы обороны и блокады Ленинграда / С. А. Сырнева. Киров : О-Краткое, 2010.

² Золотая книга «Молодости» : (сборник воспоминаний к 50-летию клуба). Киров, 2013.

³ Белая дудка / Светлана Сырнева. Киров : О-Краткое, 2010.

К 95-летию О. А. МОРАЛЁВА

Путь композитора Олега Аркадьевича Моралёва

А. В. Моралёва

Глава первая: Я стремлюсь

Семья и школа

Олег Аркадьевич Моралёв родился в Вятке (ныне Киров). Отец, Аркадий Константинович, окончил Санкт-Петербургский политехнический институт, служил главным ин-

женером на энергокомбинате, переводил техническую литературу с английского, немецкого и французского языков, изучая энергетические новинки. Мама, Мария Александровна (урождённая Торопова), слушательница Бестужевских курсов, посвятила себя семье, воспитанию двух сыновей. Олег был младшим.

При рождении третьего ребёнка мама умерла. Олег переживал эту утрату долго и болезненно. Со вре-

*Родители Аркадий Константинович
и Мария Александровна Моралёвы. 1926 г.*

Коля и Лёка (Олег). 1926 г.

менем папа женился во второй раз, в семье появились ещё один брат и любимая сестрёнка Ира.

Любовь и стремление к музыке у Олега проявились рано, чему способствовали семейные традиции, домашняя атмосфера, которая во многом создавалась музыкой. Дед, Константин Андреевич Моралёв, чиновник в г. Орлове Вятской губернии, устраивал музыкальные вечера, организовал оркестр народных инструментов, в котором играли девять его детей. Увлечение музыкой передавалось из поколения в поколение: Аркадий Константинович в Петербурге пел в Украинском хоре, а Вера Константиновна (тётя Вера) хорошо играла на гитаре, сочиняла музыку и впоследствии присылала племяннику на оценку свои сочинения.

Первой учительницей музыки Олега Аркадьевича стала М. И. Мышкина, старейшая вятская пианистка, выпускница Лейпцигской консерватории, преподававшая в Первой Вятской музыкальной школе (школе-филармонии). После окончания Великой Отечественной войны, которая на семь лет прервала музыкальное образование Олега Аркадьевича, он восстанавливал потерянную форму под руководством Марии Ивановны. До самой смерти М. И. Мышкиной О. А. Моралёв поддерживал с ней тёплые дружеские отношения.

Огневые сороковые

В 40-е годы О. А. Моралёва призывали в Красную Армию. Он был

направлен на Дальний Восток в стрелковый полк, где начал службу курсантом радиотелеграфа. В начале Великой Отечественной был переведён в Биробиджан, в авиавизию начальником радиостанции средней мощности. В 1945 году воевал в Маньчжурии против Японии и был награждён орденом Славы III степени и медалью «За победу над Японией». Впоследствии получил орден Отечественной войны II степени и несколько юбилейных медалей. Демобилизовался в марте 1947 года в звании старшины и вернулся в родной Киров.

Возвращение солдата описала в своих воспоминаниях сестра композитора Ирина Аркадьевна Масленникова: «Я гуляла во дворе, когда появился молодой подтянутый солдат, одетый с иголочки, и стал стучать в заколоченное окно рядом с дверью. “Лё-ка-а!” Я повисла на нём. Так брат и внёс меня вместе с рюкзаком. Когда пришли родители, начались бесконечные расспросы, раздача подарков. Он никого не забыл. Мне достались школьные японские тетради. Папа и Женя заинтересовались боевыми наградами – орденом Славы и медалью “За победу над Японией”.

В каждый свой приезд Лёка играл с малышняй. Оденется, например, Бармалеем. На голове – козынка набекрень, в руке – кухонный нож, в зубах – горящий уголёк. Издаёт разбойничий вопль – и за нами!»

О. А. Моралёв в солдатской форме

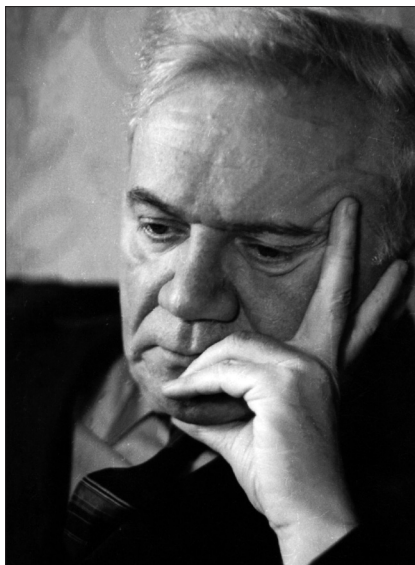
После демобилизации О. А. Моралёв несколько месяцев работал бойцом ВОХР на заводе № 537 в Кирове. Но мечта о музыке не оставляла его, и под руководством М. И. Мышкиной он усиленно готовился продолжить музыкальное образование в Москве.

Годы учения

В 1947 году О. А. Моралёв поступил в музыкальное училище при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, в котором проучился три года. В 1950 году Олег Аркадьевич поступил в консерваторию, которую окончил с отличием в 1955 году. Его учителями были столпы музыкаль-

ной науки – профессора И. В. Способин, С. С. Скребков, А. И. Кандинский, Б. М. Ярустовский.

Все восемь лет учения Олега Моралёва (училище и консерватория) прошли в классе народного артиста России, профессора Евгения Кирилловича Голубева (1910–1988), ученика Н. Я. Мясковского, унаследовавшего «по прямой» лучшие традиции русской композиторской школы, восходящие к А. К. Лядову и Н. А. Римскому-Корсакову. По предложению С. С. Прокофьева имя Е. К. Голубева было занесено на мраморную доску отличия Московской консерватории, в которой он преподавал с 1937 года, а в 1947 г. получил учёное звание профессора. Педагог от бога – его класс всегда был переполнен. Среди его учеников по классу композиции можно назвать К. Баташова, Ю. Воронцова, А. Головина, А. Коблякова, И. Красильникова, Т. Николаева, А. Санько, А. Шнитке... По классу полифонии у Евгения Кирилловича занимались Р. Леденёв, К. Молчанов, А. Пахмутова, К. Хачатурян, Б. Чайковский, Р. Щедрин... Несмотря на постоянную педагогическую занятость, Е. К. Голубев умел находить время для творчества. Оставив огромное творческое наследие, он явил живой пример высокого служения искусству для своих учеников. Им создано более ста произведений в разных жанрах: 8 симфоний, 2 оратории, балет «Одиссей» по Гомеру, 6 инструментальных концертов, 24 струнных квартета, 2 квинтета

Е. К. Голубев

Группа студентов с Моралёвым (второй слева) и Щедриным (второй справа). 1955 г.

(фортепианный и арфовый), 14 сонат, хоры, романсы, пьесы для разных инструментов. Кроме того, не меньший интерес вызывает сохранившаяся рукопись его литературного труда – эссе-мемуары «Алогизмы», где он вспоминает о музыкантах, с которыми ему довелось работать.

Для Олега Аркадьевича Е. К. Голубев был не только наставником по композиции, но другом и учителем в самом широком жизненном смысле. В дальнейшем, после окончания консерватории, он постоянно поддерживал отношения с Евгением Кирилловичем и с его супругой Татьяной Владимировной и был одним из тех его учеников, кто провожал Учителя в последний путь.

На одном курсе с О. Моралёвым учились Р. Щедрин и А. Флярковский, близкими «одноклассниками» были В. Тормис (Эстония), Г. Жубанова (Казахстан), Л. Туманян, А. Пахмутова, А. Шнитке...

На протяжении многих лет Олег Моралёв сохранял дружеские отношения с Р. Щедриным, который высоко ценил его композиторский талант и оказывал ему поддержку.

Глава вторая: Её песни

Воспоминания о друге и муже

Москва

Жизнь нашего поколения тесно связана с Великой Отечественной войной. Все события моей жизни этого времени являются как бы предисловием нашей встречи с Олегом

Аркадьевичем. Небольшой город Кольчугино Владимирской области. Война. Эвакуация в Казахстан в город Балхаш Карагандинской области. Работа с 15 лет на военном заводе, школа рабочей молодёжи. И вот близится конец войны – 9 мая – Победа! Все счастливы и полны надежд. Еду в Алма-Ату, чтобы поступить в музыкальное училище на вокальное отделение. Невозможно было избежать послевоенных трудностей, и в результате, потеряв голос, с мечтой стать певицей пришлось расстаться. Прочувшись в музыкальном училище три года, вернулась на родину (в г. Кольчугино). Обстоятельства сложились так, что в 1950 году я оказалась студенткой станкоиндустриального института в Москве. Кроме занятий в институте – походы в театры, на выставки и тому подобное (для студентов распространяли дешёвые билеты)...

Вот на одном из концертов в Большом зале консерватории я встретила подругу по алма-атинскому музыкальному училищу Анну Протасову. Когда-то жили в одной комнате общежития и вместе переносили трудности быта. Она уже училась в Московской консерватории на вокальном отделении, редкий голос – контральто. Приняла её в свой класс супруга знаменитого баса, народного артиста СССР Ивана Петрова. Вот Анна и познакомилась со Олегом Моралёвым, приехав с ним на мой день рождения 21 сентября 1952 года (это нача-

День знакомства с супругой. Олег Аркадьевич второй справа, рядом с ним Агнесса Викторовна. 1952 г.

ло 3 курса). Они дружили: она пела его романсы. Собрались мои друзья, в вестибюле были танцы. Мы танцевали с Олегом и, кажется, понаравились друг другу. На следующий вечер он приехал опять, и с тех пор мы стали встречаться.

И вот конец 3 курса. В конце июня Олег предложил мне выйти за него замуж. Была весёлая студенческая свадьба, и на каникулы мы отправились в Архангельскую область, куда переехали на житьё к моему брату мои родители. Маленький городок, кругом тайга, два небольших озера, речка Кулой, один велосипед на двоих, грибы, ягоды, ночёвки в шалаше на берегу реки... К сентябрю вернулись в Москву.

Напряжённая, интересная студенческая жизнь продолжалась уже вдвоём. Поселились в двухместной комнате в нашем общежитии. Из консерватории привезли пианино, и всё устроилось. Олег помогал мне справляться с чертежами, я его подкармливала. Он был отличником и получал Ждановскую стипендию. По вечерам бывали в театрах, на концертах, иногда выбирались на каток в парк имени Горького.

Из выдающихся событий вспоминается первое исполнение Седьмой симфонии С. С. Прокофьева в Колонном зале Дома Союзов, где присутствовал сам композитор. Это появление Прокофьева на публике было, кажется, последним... Позднее

посчастливилось побывать на выставке картин Дрезденской галереи и на выставке скульптур Степана Эрзя. Вспоминается дипломный концерт А. Пахмутовой, она заканчивала консерваторию на год раньше Олега Аркадьевича. Ездили в Клин, в музей П. И. Чайковского... И вот, наконец, мы – дипломники. У Олега – диплом с отличием, на дипломном концерте были исполнены Фортепианный концерт (одночастный), Кантата о Ленине (в пяти частях), Первая симфония в четырёх частях. Примечательно, что симфонию исполнял Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения, дирижировал Е. Светланов, бывший тогда дирижёром-ассистентом этого оркестра.

Моралёву Министерство обороны предложило поехать в Лиепаю руководить музыкальным центром (там базировался Прибалтийский Военно-Морской Флот), но он отказался, так как решил заняться, наряду с творчеством, педагогической работой. Он списался с музыкальным училищем им. П. И. Чайковского г. Свердловска (центр высокой музыкальной культуры) и получил приглашение. У меня перспективы были более определённые. По распределению я попала на знаменитый свердловский Уралмашзавод, «завод заводов», как его называли, инженером-конструктором, к тому же обещали комнату. Большинство семей СССР в городах в то время жили в коммунальных квартирах,

и обещание комнаты было приятным событием.

Свердловск

И вот – Свердловск. База – Уралмаш, тогда гигантский район-посёлок, стоящий несколько особняком от центра Свердловска. Поражал масштаб завода. Он был построен в начале 1930-х годов и создавал оборудование для заводов не только СССР, но и Китая, Индии, Финляндии, Кореи и стран народной демократии (Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, ГДР). Приехало много молодых специалистов из Москвы (половина нашей группы), Челябинска, Горького, Минска и других городов. Всем дать жильё сразу было невозможно. Нас с Олегом Аркадьевичем поселили в разных бараках-общежитиях, меня – в женском, его – в мужском. Так мы жили около двух месяцев. Затем поселили в более благоустроенное общежитие: две молодые семьи в одной комнате (с нами жила молодая семья из Минска). Жили дружно, примерно с полгода. Затем получили обещанную комнату... Соседями нашими по квартире стали две многодетные семьи (в каждой – по четверо детей). Здесь у нас родилась старшая дочка. Вся страна жила трудно, стеснённо, но с большой надеждой на лучшее будущее и потому не унывала. Забегу несколько вперёд. Через два года директор Уралмашзавода, узнав о жилищных условиях композитора

Моралёва, выделили из своего фонда две комнаты в четырёхкомнатной квартире. Условия для творчества улучшились, а в 1962 году Олег Аркадьевич получил прекрасную трёхкомнатную квартиру в новом доме возле оперного театра.

Жили с подъёмом, весело. Театры, концертные залы заполнялись так, что не всегда можно было достать билеты... На выходные дни семьями и компаниями выезжали на электричках на природу – вокруг Свердловска потрясающей красоты пейзажи: горы, озёра, леса, пруды.

По приезду в Свердловск (ныне г. Екатеринбург), в Уральском отделении Союза композиторов встал

вопрос о вступлении Олега Аркадьевича в Союз композиторов, и в том же 1955 году он был принят. В 1957 году он избирается в члены правления организации и приглашается на работу в Уральскую консерваторию на кафедру теории музыки и композиции. Вскоре поступает в аспирантуру по специальности «Сочинение». Его руководитель, профессор В. Н. Трамбицкий, вернувшийся в Ленинградскую консерваторию из эвакуации в Свердловск, приезжал консультировать Олега Аркадьевича.

В 1961 году состоялся пленум Уральского отделения Союза композиторов, на который приехал

На лыжах с детьми. Свердловск

Д. Д. Шостакович, бывший в то время председателем Союза композиторов РСФСР. Были перевыборы председателя Уральского отделения. Дмитрий Дмитриевич порекомендовал на этот пост Олега Аркадьевича, и он был избран. К этому времени число членов Уральского отделения Союза композиторов приближалось к тридцати. Многие активно сочиняли музыку. Каждую пятницу были собрания, где в основном шли обсуждения произведений, решались вопросы с исполнением и т. д.

Несмотря на некоторые бытовые трудности, в этот период Олегом Аркадьевичем были написаны крупные произведения: Первый струнный квартет, виолончельный концерт, симфоническая поэма «Подвиг», Второй фортепианный концерт, «Лирическая поэма» для симфонического оркестра, Сюита для деревянных духовых с симфоническим оркестром, ряд более мелких произведений. Всё это было исполнено прекрасными музыкантами. Это симфонический оркестр филармонии, Марк Паверман (основной дирижёр произведений Олега Аркадьевича), дирижёры А. Фридлендер, Н. Чунихин, пианист И. Зетель, виолончелист Герц Цомык, скрипачи Л. Мирчин и Л. Тышков, альтист Г. Теря, флейтист А. Иванников, гобоист Б. Сайгин и др. (к сожалению, в настоящее время не знаю их званий). Всем им – низкий поклон. В других городах (в основном в Москве и Ленинграде) дирижировали

произведениями Олега Аркадьевича (по сохранившимся афишам) К. И. Элиасберг, А. П. Стасевич, А. Гаук, А. Жюрайтис.

Из фонда Всесоюзного радио периодически приезжала бригада и записывала в свой фонд произведения уральских композиторов. Почти все крупные сочинения Олега Аркадьевича (кроме «Лирической поэмы») были записаны и хранились в фонде.

В 1965 году Олег Аркадьевич избирается депутатом Свердловского областного Совета депутатов. На мой взгляд, это была для него перегрузка. Стало ухудшаться здоровье. Сделали операцию, которая мало помогла. Начались осложнения. Были осложнения со здоровьем и у старшей дочери. Врачи настойчиво рекомендовали сменить климат. Стали думать – куда? Решили связаться с консерваторией г. Горького (ныне Нижний Новгород). В мае 1968 года на очередном пленуме Союза композиторов в Москве Олег Аркадьевич встретился со своим товарищем по музыкальному училищу при консерватории, саратовским композитором В. В. Ковалёвым. Поделился с ним своим намерением. А он сообщил новость Б. А. Сосновцеву, который в то время возглавлял Саратовское отделение Союза композиторов и заведовал кафедрой теории музыки. И Сосновцев пригласил Моралёва в Саратовскую консерваторию. И более того, предложил поехать с ним посмотреть Саратов. Город

понравился, и вопрос был решён. От предложенной трёхкомнатной квартиры Олег Аркадьевич отказался, решив поменять свою свердловскую. Это дало возможность Борису Андреевичу пригласить в Саратовскую консерваторию композитора из Казани А. А. Бренинга. У нас в это время было отчаянное материальное положение, и Борис Андреевич помог нам с переездом.

Глава третья: Река раскинулась

Саратов

Окончательно переехали в Саратов летом 1969 года. В Саратовской консерватории уже работали бывшие свердловчане, члены Союза композиторов Б. Г. Манжора и Л. Л. Христиансен. Ещё раньше из Свердловска переехал С. С. Бендицкий, и вот теперь – О. А. Моралёв. Хочу отметить, что из Свердловской консерватории Олега Аркадьевича отпускали неохотно и целый год ждали, что мы вернёмся. Но прекрасный климат Саратова сделал своё дело, и всё устроилось.

После Свердловска Саратов показался нам курортным городом: много солнца, фруктов, овощей; под окнами плещется Волга (свердловскую квартиру поменяли на квартиру на Набережной Космонавтов). Олег Аркадьевич родился и вырос на реке Вятке в г. Кирове и теперь как бы окунулся в родную стихию. Здоровье постепенно улучшалось.

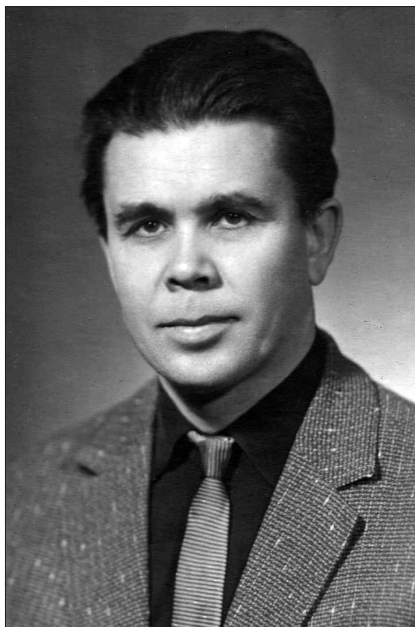
Некоторое время спустя обзавёлся тихоходной лодкой, и мы наслаждались красотами волжской природы. Однажды ему удалось сплавить с товарищем (В. И. Семёновым – хирургом-ортопедом) даже до Балакова. Всё это благотворно отразилось на творчестве и здоровье.

Начался новый период в творчестве композитора. Стали появляться произведения, в которых зазвучала и «волжская» тема. В 1974 году написано оригинальное произведение «Прелюдия и фанфары» для 9 труб и ударных в честь строителей Заволжских каналов, в котором сочетаются народные песни с новыми тембровыми находками. Премьера состоялась в 1974 году на пленуме Саратовского отделения Союза композиторов РСФСР под руководством заслуженного деятеля искусств, профессора А. Д. Селянина. Под его же руководством это произведение и Второй квинтет для медных инструментов исполнялись в пяти городах США (в Штатах Флорида, Тенесси, Джорджия), а также звучало на Четвёртом съезде Союза композиторов РСФСР и на Шестом съезде Союза композиторов СССР в Москве. В 1976 году написана оригинальная пьеса для 4 труб и челесты «Владимирские рожки», музыка близка народным мотивам рожечников средней полосы России. Премьерой в 1976 году тоже руководил А. Д. Селянин. Исполнялось это произведение и в Голландии. Обе пьесы изданы.

Один за другим пишутся вокальные циклы. В 1973 году написан вокально-поэтический цикл «Смерть солдата» на стихи Э. Межелайтиса (перевод Риммы Казаковой) для баритона и фортепиано. Первыми исполнителями цикла были дипломант Всесоюзных конкурсов, солист Саратовской филармонии П. А. Крашенинников (баритон) и заслуженный артист России, профессор Саратовской консерватории Н. С. Бендицкий (фортепиано). В Ленинграде, на конкурсе вокальных циклов (1982) свердловские музыканты В. Петров (баритон, в то время студент Свердловской консерватории) и Е. Арефьева (фортепиано), исполняя цикл «Смерть солдата», заняли второе место. Они же исполнили его на пленуме правления Союза композиторов РСФСР 15 мая 1985 года в Свердловске. Цикл издан.

Вокальный цикл «Три настроения» на стихи Э. Межелайтиса (1975) дважды (1978, 1987) исполнялся на пленумах Союза композиторов РСФСР в Ленинграде народным артистом России, ныне солистом Мариинского театра С. Алексашкиным (баритон) и Н. С. Бендицким. Там же был записан в фонд Всесоюзного радио.

Третий вокальный цикл «Перечитывая А. Блока» (1977) состоит из 13 романсов: 8 – для баритона, 3 – для сопрано, и 2 – дуэты. Исполняется чаще всего частями. Исполнители: П. А. Крашенинников, В. Жмурко, С. Алексашкин (бари-

Олег Аркадьевич Моралёв. 1985 г.

тоны); народная артистка России С. Костина (сопрано); концертмейстер – Н. С. Бендицкий. Издано восемь романсов.

По просьбе тромбониста, дипломанта международного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года, А. К. Капелина, в 1975 году написан Концерт для тромбона и симфонического оркестра и. Он был виртуозно исполнен А. К. Капелиным. Концерт издан.

В 1972 году написана хоровая поэма «Чёрный человек» по одноимённой поэме С. Есенина. Она долго не исполнялась (возможно, по цензурным соображениям). Впервые прозвучала в исполнении Театра хо-

ровой музыки под руководством заслуженного деятеля искусств РФ, профессора Л. А. Лицовой на фестивале в Саратове в декабре 2001 года и имела большой успех.

Симфоническим оркестром Саратовской филармонии под управлением дирижёров В. Жордания и Г. Проваторова дважды в Саратове исполнена Вторая симфония «Сибирское сказание», созданная в 1971 году. Написаны 4 кантаты, в том числе кантата для детского хора «Тетрадные листочки». Написан Концерт для трубы и симфонического оркестра (1972). Основной исполнитель партии трубы – заслуженный артист России А. Иванов. В 1980 году заслуженный деятель искусств, профессор Л. Л. Христиансен предложил Олегу Аркадьевичу обработать народную песню о Степане Разине, записанную в Саратовской области. Получилась оригинальная пьеса-фантазия «Вы пойдёте-ка, ребята» для народного голоса и оркестра народных инструментов. Пьеса исполнялась С. Пановой и народной артисткой России Е. Сапоговой. Оркестром руководили В. Кукушкин и Е. Рябов. Создан ряд произведений для оркестра народных инструментов.

Филармонический квартет «Моцарт» под руководством заслуженного артиста России, профессора В. В. Шувалова исполнил Второй струнный квартет, написанный в 1979 году. Перечисленные произведения звучали не только в Саратове,

но и в других городах на фестивалях, пленумах, съездах Союза композиторов РСФСР и СССР. Некоторые записаны в фонд Всесоюзного радио и изданы.

В 1970-х годах Олег Аркадьевич сотрудничает с театрами Саратова. Для кукольного театра «Теремок» написана музыка к спектаклям «Голубой щенок» и «Алёнушка и солдат». В драмтеатре (это было время, когда зрителей покоряли своим искусством О. Янковский, А. Михайлов, Р. Белякова, В. Ермакова, когда начинали свою карьеру В. Федотова, М. Иванов и др.) режиссёр Я. А. Рубин предложил Олегу Аркадьевичу написать музыку к спектаклям «Идиот» по Достоевскому (1971), «Таланты и поклонники» (1973) и «Горячее сердце» (1979) по А. Островскому. Спектакли имели успех. Спектакль «Идиот» был показан, совместно с другими спектаклями Саратовской драмы, в Вахтанговском театре в Москве в 1978 году (с А. Михайловым в главной роли) и был положительно отмечен критикой (Огонёк. 1978. № 29).

В 1984 году была закончена Третья симфония для скрипки и симфонического оркестра «К Родине». В газете «Саратовские вести – суббота» (2000. № 42), в рубрике «1990 XX век – хроники» напечатано: «23 мая. На днях в Колонном зале Дома Союзов в рамках празднования 55-летия Победы состоялась премьера Третьей симфонии “К Родине” О. Моралёва». Это не со-

всем точно. Премьера состоялась ещё в 1985 году в Саратове и уже была записана в фонд Всесоюзного радио, дирижировал народный артист России Мурат Аннамамедов. Бессменный исполнитель партии скрипки – заслуженный артист России С. Н. Терехов.

В 1985 году по инициативе фаготиста, заслуженного артиста России Ю. Скворцова О. Моралёвым была написана «Серенада-каприччио» для фагота, флейты и симфонического оркестра. Она с блеском исполнена Ю. Скворцовым (фагот), профессором Е. Балашовым (флейта) и симфоническим оркестром Саратовской филармонии.

В 1990 году создана пьеса «Монологи, сцены и дуэты» для альты, скрипки и струнного оркестра. Премьера состоялась в 70-летний юбилей Олега Аркадьевича в 1992 году, и в дальнейшем партии альты и скрипки исполняли профессора СГК А. Б. Григорьев (альт) и заслуженный артист России В. В. Шувалов (скрипка).

В 1997 году активное участие в организации 75-летнего юбилея Олега Аркадьевича принимал только что избранный председателем Саратовского отделения Союза композиторов России, народный артист России, композитор Е. М. Бикташев. Исполнялись: Третья симфония, Концерт для трубы и симфонического оркестра и Второй фортепианный концерт с бессменным исполнителем партии фортепиано, народным

артистом России, профессором А. М. Таракановым. Дирижировал московский дирижёр, дипломант международного конкурса А. Ходорченков.

Первое исполнение Третьего струнного квартета (1996) состоялось в октябре 2001 года незадолго до кончины Олега Аркадьевича. Квартет был очень тепло принят слушателями. А концерт для симфонического оркестра «Астраханские напевы» (1989) прозвучал уже без него в декабре 2005 года на фестивале Союза композиторов России в Саратове.

Из песен можно отметить: «Утро встаёт» – песня-марш, исполнялась на торжественных мероприятиях; «Саратовская гармошка» – несколько лет была в репертуаре мужской капеллы завода «Техстекло» (руководитель – В. Датский); «Гадкий утёнок» – в репертуаре детской студии «Мечта» (руководитель – В. А. укушкина), исполнялась и исполняется детскими хорами в других городах России. Эти три песни на стихи саратовского поэта М. Чернышова и «Солдатская душа» на стихи Н. Палькина были в репертуаре заслуженной артистки России Е. Сапоговой.

В 1990-е годы О. Моралёв возвращается к замыслу оперы по первой главе повести «Крепость» романа А. Черкасова «Хмель». Замысел возник ещё в Свердловске. Были встречи и переписка с автором. Но обстоятельства, а затем болезнь и смерть

А. Черкасова отодвинули задуманное. Теперь Олег Аркадьевич написал сценарий сам. Но полностью написать музыку (клавир) не хватило сил и времени. Последняя картина осталась не написанной.

Сотрудничество с замечательными музыкантами, симфоническим оркестром Саратовской областной филармонии им. А. Г. Шнитке, режиссёрами театра «Теремок», академического драматического театра, поэтами помогло Олегу Аркадьевичу исполнить почти все произведения, которых около ста. Всем – большая благодарность и низкий поклон.

В консерватории первое время Олег Аркадьевич вёл только теоретические дисциплины, студенты-композиторы появились у него не сразу. Первым был В. Мишле, затем – К. Акимов, П. Морозов, В. Королевский. По просьбе Е. В. Гохман, Олег Аркадьевич принял в свой класс талантливых композиторов Н. Победину и Н. Маслову. Позднее появился Н. Рымарев. Последний его ученик-композитор, Е. Мякотин, заканчивал курс, когда Олег Аркадьевич уже болел, и иногда уроки проходили у нас дома. В. Мишле, В. Королевский, Е. Мякотин работают в Саратовской консерватории, П. Морозов – в Волгограде, Н. Маслова, К. Акимов, Н. Рымарев – в Москве. Н. Победина живёт за рубежом. Все они – очень талантливые люди, я желаю им успеха, удачи и счастья на нелёгком пути служения музыке.

Наряду с творчеством и работой в консерватории Олег Аркадьевич постепенно включался в работу Саратовской композиторской организации. По численности она была несколько меньше Свердловской. Возглавлял её в то время Б. А. Состровцев, а Б. Г. Манжора был ответственным секретарём.

Приближался очередной пленум и пере выборы руководства (1972). К нам домой приехал М. Н. Симанский с предложением Олегу Аркадьевичу стать ответственным секретарём, а он станет председателем. Олег Аркадьевич согласился. На пленум приехали представители центрального руководства Союза композиторов (Николаев, Бузовкин и др.) с предложением на должность председателя выбрать О. А. Моралёва, но он уже был связан словом и не стал менять решение. Ответственным секретарём пришлось поработать двенадцать лет. На исполняющем эту должность лежала вся организационная работа, которая проходила в тесном контакте с филармонией, Управлением культуры области, исполнительскими силами консерватории. Как много внимания уделяло в то время руководство страны развитию культуры, я знаю не понаслышке (два раза мне выпало побывать на съездах Союза композиторов СССР и РСФСР в Кремлёвском Дворце Съездов и в Колонном зале Дома Союзов). Об этом свидетельствовало присутствие на съездах членов политбюро,

а в 1985 году присутствовал только что избранный Генеральным секретарём КПСС М. С. Горбачёв.

Концертная деятельность композиторской организации Саратова была налажена должным образом. Выезжали на фестивали, пленумы, иные мероприятия в другие города (Москву, Ленинград, Куйбышев, Ставрополь, Волгоград, Саранск, Чебоксары и др.). Но особенно плавно произведений саратовских композиторов звучали дома, в саратовских залах.

В 1983 году на очередном пленуме Олега Аркадьевича выбрали председателем композиторской организации Саратова, но обком КПСС не утвердил решение собрания, потому что Моралёв «неумело» покритиковал работу некоторых партийных товарищей, хотя сам не был членом партии. Но в 1987 году снова был избран. Из наиболее заметных событий за время двухгодичного пребывания его председателем можно считать визит саратовцев в Харьков с концертами и приглашение бригады Всесоюзного радио для записи в фонд лучших произведений саратовских композиторов.

Последняя глава

К сожалению, здоровье снова стало давать сбои, и Олег Аркадьевич, порекомендовав на председательскую должность молодого композитора Ю. В. Массина, оставил её по собственному желанию

в 1989 году. Но работа в консерватории продолжалась. В это время Олег Аркадьевич уже имел звание заслуженного деятеля искусств РСФСР (1983) и должность профессора (1986).

С лодкой пришлось расстаться. Но взамен я приобрела на своё имя «домик в деревне» в Саратовской губернии – в Петровском районе, в селе Большая Камышинка. Прекрасная природа с лесом, родниками, прудами, чернозёмом, грибами и ягодами, с почти сохранившимися барскими постройками. Там же имела дом семья члена Союза писателей, писателя-журналиста Б. М. Арсениевича, который пытался заинтересовать саратовское руководство освоить такое природное богатство и создать там Дом творчества для писателей. К сожалению, это были «лихие девяностые годы». Всё было напрасно, и деревня к настоящему времени тихо умерла.

Каким Олег Аркадьевич был в семье? С самого начала нашей совместной жизни (как-то само собой сложилось) бытовые заботы распределялись по интересам и силам, и конфликтов не было никогда. Он всегда меня удивлял и радовал своей целеустремлённостью, безразличием ко всему суетному. Таким он оставался до конца. В какие-то моменты это создавало трудности, но соответствовало моим убеждениям и взглядам и не мешало нашему согласию. И отцом для двух наших дочерей был хорошим (может

быть, несколько мягковатым, на мой взгляд).

Когда наступали периоды творчества, я старалась если не помогать, то хотя бы не мешать, понимая, что в этом весь смысл его жизни, да и моей тоже, в какой-то мере.

24 января 2002 года Олега Аркадьевича Моралёва не стало. На его памятнике написано: «Мир обеднел». Человечество обеднело ещё на одного прекрасного человека. Олег Аркадьевич придерживался убеждения, что творчество композитора может быть оценено только после его ухода и не особенно заботился об оценке современников. Возможно, это ошибочное убеждение, но он так считал.

15 ноября 2002 года состоялся концерт памяти Олега Аркадьевича Моралёва. Были исполнены Третья симфония «К Родине», «Монологи, сцены и дуэты» для альтя, скрипки и струнного оркестра, Концерт для тромбона и симфонического оркестра. Исполнители: заслуженный артист РФ С. Н. Терехов (скрипка); профессор СГК А. Б. Григорьев (альт); заслуженный артист РФ, профессор СГК В. В. Шувалов (скрипка); О. Абрамов (тромбон); симфонический оркестр Саратовской филармонии, дирижёр А. А. Фельдман (Калининград).

Коснусь немного последнего времени. При жизни Олег Аркадьевич мало был творчески связан со своей родиной, г. Кировом (г. Вяткой). Но последние несколько лет

обстановка меняется. Кировчане постепенно знакомятся с творчеством своего земляка. Знакомству с произведениями О. Моралёва способствует и деятельность его сестры, Ирины Аркадьевны Масленниковой, которая активно сотрудничала с дирижёром симфонического оркестра Кировской филармонии, заслуженным деятелем искусств РФ В. А. Раевским, с коллективами музыкального колледжа им. И. В. Казенина, музыкальных школ, с детскими хорами, с Вятским Шаляпинским обществом. Я помогаю ей нотным материалом, а она присылает записи концертов и рецензии крупных музыкальных деятелей г. Кирова, опубликованные в прессе.

Саратовские музыканты также внесли свой вклад и поспособствовали знакомству кировчан с земляком. Профессор Саратовской консерватории А. Б. Григорьев и лауреат международного конкурса Т. Авазова вместе с оркестром Кировской филармонии и дирижёром В. А. Раевским сыграли сольные партии в сочинении О. Моралёва «Монологи, сцены и дуэты» для скрипки, альтя и струнного оркестра в январе 2009 года. Стараниями В. А. Раевского и симфонического оркестра в 2010 году состоялось исполнение симфонической поэмы «Подвиг», посвящённой Н. Кузнецову, легендарному разведчику.

С 2008 года кировчане благодаря энтузиазму В. Семишкура (руководителя духового оркестра

музыкального колледжа), С. Воробьёвой (руководителя образцового детского хора «Младешенька») и многих других слышали более мелкие произведения Олега Аркадьевича, в том числе и две кантаты: «Если мы войну забудем» на слова Р. Рождественского, «Тетрадные листочки» на слова М. Чернышева (саратовского поэта) для детского хора. Обе кантаты исполнялись с сопровождением духового оркестра. 18 апреля 2011 года в большом зале библиотеки им. А. И. Герцена состоялся музыкальный вечер из сочинений О. Моралёва (учредителем выступило Вятское Шалаяпинское общество).

После этого у меня укрепляется надежда, что люди, для которых Олег Аркадьевич создавал свои произведения, поймут и примут его музыку.

*(Публикуется под редакцией
Н. В. Королевской)*

О МУЗЫКЕ. Между Вечностью и Временем

Н. В. Королевская

В творчестве каждого композитора есть свои сокровенные страницы, окружённые атмосферой исповедальности. Как правило, это один и тот же «перекрёсток» экзистенциальных проблем, постоянных размышлений и переживаний, обнаруживающих себя через повторяющиеся идеи, мотивы, образы,

общность средств их музыкально-художественного воплощения. Только благодаря повторяемости от произведения к произведению одного и того же «сюжета» можно узнать о том, что волновало Олега Аркадьевича Моралёва, который был довольно закрытым человеком, не допускавшим даже самых близких в потайные уголки своей творческой «мастерской». В тех произведениях, где глубинные магистрали его духовной жизни проступали наиболее отчётливо, он достигал высочайших художественных прозрений, – в поэме для смешанного хора и баритона «Чёрный человек» на стихи С. Есенина (1972), вокальном цикле «Перечитывая А. Блока» для сопрано, баритона и фортепиано (1977), «Монологам, сценах и дуэтах» для скрипки, альты и струнного оркестра (1988).

Музыкальные откровения Моралёва связаны, прежде всего, с темой любви. В его «мирах любви» (М. Волошин) неизменно присутствуют два измерения – мужское и женское. В вокальном цикле «Перечитывая А. Блока» образная персонификация связана с распределением романсов между двумя голосами – сопрано и баритоном, чередование которых напоминает классический оперный ансамбль, с венчающим его дуэтом согласия. Модель оперного дуэта, как выражение идеи любви, своеобразно претворена в «Монологам, сценах и дуэтах», где «персонажами» становятся солирующие инструменты

с соответствующими им темами-«портретами» в «выходных ариях»-монологам (сурово-мужественными ритмоинтонациями альтовой партии и пластично-певучими линиями партии скрипки), за которыми следуют ещё четыре дуэта, символизирующие путь обретения счастья.

Но кто она, возлюбленная лирического героя О. Моралёва?

В блоковском цикле Она присутствует сразу в двух ипостасях. Внутренний мир героя раздваивается в различном постижении женственности, при соприкосновении с которой возникает и мысль о служении, и чувство любви. Она является то в возвышенном ореоле хоральной фактуры («...девушка, которой я служу»), то в задушевной, нежно-лирической «ауре» романса («розовая девушка»). Символическая возлюбленная обретает черты Вселенной и Руси в образах олицетворённых стихий – Метелей («Её песни»), Стремнин («Свирель»), Реки («Река раскинулась»), соединяя космическое и национальное (весна озвучена свирельными наигрышами, картина речного простора воссоздана средствами русской эпической стилистики). На вершине разлива жизни Она становится Русью-женой («О, Русь моя, жена моя! До боли нам ясен долгий путь...»), увлекая героя на стезю служения, осуществления своего предназначения (не Она ли обретает жизнь во Второй и Третьей симфониях О. Моралёва – «Сибирском сказании» и «К Родине»?); Земная воз-

любленная героя навсегда остаётся в его сердце – и в цикле «Перечитывая А. Блока», и в «Монологам...» её образ неизменно связан с усилением проникновенности лирических высказываний, с характерными для них мелодиями бесконечного развёртывания.

Двоемирие лирического героя О. Моралёва исполнено драматизма – линии жизни Поэта и Простого человека (по А. Блоку) трагически не совпадают: повенчанный с Русью оказывается «заложником вечности», влюблённый в «розовую девушку» – «пленником времени». Не случайно в «Монологам, сценах и дуэтах», самом интимно-исповедальном произведении О. А. Моралёва, где воссоздан только лирический образ возлюбленной, герой существует лишь в измерении времени, которое строго отмерено между «сценами» жизни (скерцо-марш, центральный эпизод) и смерти (траурный марш в коде).

«Ты – вечности заложник / У времени в плену» – эта пастернаковская формула, не просто допускающая мирное сосуществование времён в континууме одного сознания, но соединяющая их в неразрывном единстве, у О. Моралёва означает непримиримый конфликт: герой словно оказывается распят на «кресте» временных координат. Время шаг за шагом обкрадывает его, делает Нищим, отнимая у него будущее и иллюзию вечности. Напряжённый конфликт разрешается экзистенци-

альной катастрофой в финальном (на исходе жизненного пути) диалоге Поэта и Нищего, приводя к слиянию ипостасей героя.

Но наиболее пронзительно трагическое двоемирие лирического героя О. Моралёва воплощено в поэме «Чёрный человек», которая словно укрупняет разговор Нищего и Поэта в масштабах целого сочинения и более отчётливо персонифицирует его: голос Поэта, словно слитый с «вечной возлюбленной» Русью-женой (голос из хора и хор в целом), выявляется в многоголосной распетой фактуре с ярко выраженной русской интонацией; монологи Чёрного человека (два соло баритона «Был он изящен, к тому ж поэт...», «Ах, люблю я поэтов...») в оправе гомофонно-гармонической фактуры подчёркнуто шлягерной природы (распетой тенорами и басами на «ум-па-па») источают глумливый смысл.

Развязка конфликта двоемирия, сближающая оторванные друг от друга ипостаси героя, в поэме столь же трагична. Обнаруживая «разбитое зеркало» и «себя одного», она приводит к страшному открытию: Чёрный человек, с его дьявольским «издевательским смехом» (авторская ремарка), вырывающим из груди героя крик отчаяния и боли, превращается в зловещую фигуру вестника смерти, уже не из есенинского – из моцартовского мира. Поразительно совпадение экстремальной точки события, уничтожающей раздвоенность со-

знания героя в «есенинском» и «блоковском» опусах: схожие по смыслу слова (в поэме «Я в цилиндре стою. / Никого со мной нет. / Я один... / И разбитое зеркало» и в цикле «И правда, ну, задал задачу / Гляжу – близ меня никого...») произносятся без пения, в интонационном вакууме – в звенящей пустоте одиночества. Тема смерти, обнаруживающая себя в завершающих разделах произведений, с суровой однозначностью уничтожает малейшие иллюзии: концепт вечности терпит поражение во всех трёх произведениях, все три финала – столкновение с последней экзистенциальной правдой, не оставляющей человеку надежды.

О таких трагических произведениях, как «Перечитывая А. Блока», «Чёрный человек», «Монологи, сцены и дуэты», принято говорить, что они написаны кровью сердца. В каждом из них Олег Аркадьевич очень близко подходил к краю «бездны» и бесстрашно (ведь он был бойцом) заглядывал в глаза «этому подлинному и лучшему другу человека», как называл смерть В. А. Моцарт. «Гральной скорбей несём по миру мы, / Изгнанники, скитальцы и поэты» – эти слова М. Волошина можно отнести и к Олегу Аркадьевичу Моралёву. «Пленник времени», он с моцартовской пронзительностью сумел передать в своей музыке ощущение быстротечности и конечности жизни. Ту боль, которая не оставляла его, он, «заложник вечности», сумел превратить в подлинные шедевры.

**О. А. Моралёв о вокальном цикле
«Перечитывая А. Блока»**
(Из сценария радиопередачи)

Поэзия Блока представляется мне одним из самых своеобразных явлений в русской литературе. Меня больше всего, пожалуй, волнует особое, неповторимое сочетание лирических и трагических мотивов в их соединении с острым, гуманистическим восприятием социальной действительности. И ещё один синтез так захватил меня. Удивительная, чарующая музыкальность его стихов, звучащих всегда неповторимо, нестандартно. Это – с одной стороны. А с другой – тонкая интеллектуальная атмосфера, окутывающая эту несравненную поэтичность. И ещё. Когда я вслушиваюсь в стихи Блока, часто замечаю, ощущаю в них звуки природы. И тут уж музыканту устоять трудно, даже невозможно.

...Думаю, вряд ли я буду оригинален, если скажу, что Блок относится к числу тех, кого мы читаем в жизни не раз. И каждый раз, обращаясь к его поэзии в разные периоды жизни, находишь новые и новые грани. Поэт поворачивается к тебе иной своей стороной, соответственно возрасту и жизненному опыту. Когда-то очень давно, когда я ещё учился в музыкальном училище, я пробовал писать на его стихи. Но теперь вижу, что в том возрасте это было напрасно, да и попросту нельзя. И вот не так давно, вновь взяв в руки томик стихов Блока, мне

показалось, что для меня время пришло. В который раз перечитывая его произведения, на данном этапе я почувствовал способность положить некоторые из них на музыку.

13 романсов, из которых состоит цикл, прослеживают героя от юности до зрелых лет. Это вовсе не значит, что я попытался пересказать в музыке биографию Блока. Я выбрал стихи, особенно близкие, созвучные моему мироощущению. А среди них в свою очередь те, которые не использованы другими композиторами. И вот результат: то, что я отобрал, совершенно естественно, непреднамеренно совпало с жизненной дорогой русского поэта – от светлых мечтаний юности (стихотворение «Я стремлюсь») к предреволюционным тревогам и ожиданиям (стихотворение «Дикий ветер»). И в соответствии с тем, что я отметил в поэзии Блока в самом начале, ...наряду с лирическими настроениями, равноправное и самостоятельное место заняли картины социальной действительности.

История одного исполнения

Л. А. Лицова

Наше знакомство с Олегом Аркадьевичем Моралёвым началось очень давно – тогда, когда я впервые услышала в исполнении детского хора, которым руководила В. А. Кукушкина, «Гадкого утёнка» на стихи М. Чернышева. Этот хор был при

Клубе института Гипропромсельстрой, где я тоже работала (у меня был свой коллектив), вот там мы и познакомились. Я подошла к нему и спросила: «Олег Аркадьевич, не могли бы Вы написать для взрослого академического хора что-нибудь о войне?..» И после нашего первого разговора возникла одночастная кантата песенного типа «Если мы войну забудем» для хора и оркестра – замечательное произведение! Вот тогда, в ходе работы над этой кантатой, мы разговорились, и Олег Аркадьевич мне сказал: «Людмила Алексеевна, у меня есть очень интересное сочинение, но никто не берётся его петь». И принёс мне ноты «Чёрного человека». Но я ему сразу ответила: «Олег Аркадьевич, я Вас слишком уважаю, для того чтобы петь плохо: это очень сложное произведение, и любительский хор с этим не справится». А профессионального хорового коллектива в то время не было (это были 80-е годы).

Прошло достаточно много времени, организовался и уже всю работу Театр хоровой музыки. Это были последние годы жизни Олега Аркадьевича, было видно, что он нездоров. И вдруг как-то раз он подходит ко мне и с такой милой улыбкой, которая всегда освещала его лицо, говорит: «Людмила Алексеевна, может быть, мы вернёмся к тому нашему разговору? Может быть, сейчас уже можно попробовать?» Надо сказать, что в то время я как-то забыла об этой идее и вообще «отложила»

эту мысль. И я ему говорю: «Давайте, я ещё разочек посмотрю ноты...»

И я посмотрела – безусловно, музыка потрясающая, и поэтический текст настолько органично вплетён в музыкальную ткань, что нельзя отделить одно от другого – абсолютно единое образное решение. У меня был только один большой вопрос: кто из баритонов это сможет спеть, потому что партия солиста – невероятно сложная, причём она трудна не столько вокально, сколько с точки зрения артистического воплощения? Мне казалось, что это должен быть даже не столько певец, сколько хорошо поющий драматический актёр. И теперь работа тормозилась поиском солиста. Я даже предложила Олегу Аркадьевичу несколько баритонов, мы пробовали с ним разные варианты, но мне всё это не нравилось. А он уже на всё был согласен – ему хотелось, чтобы это просто состоялось.

И совершенно случайно солист нашёлся – изумительный баритон – Анатолий Тишко, который работал в Театре оперетты в Энгельсе. Его заинтересовало предложение спеть партию солиста в «Чёрном человеке», и она была настолько близка всему его облику и складу натуры, что его не остановил ни колоссальный объём работы, ни отсутствие её достойной оплаты. Он работал с огромным увлечением и самоотдачей, и, главным образом, именно его участие определило успех исполнения – он совершенно потрясюще и спел,

и сыграл. Все звёзды совпали тогда, чтобы это состоялось, но, к сожалению, Олег Аркадьевич услышал это исполнение только в записи, в то время он уже был прикован к постели.

Что касается музыки, то я не могу назвать больше ни одного сочинения в жанре кантаты или хоровой поэмы, даже у Г. Свиридова, с такой же развёрнутой партией солиста и столь же многофункциональной партией хора, выполняющей и оркестровую, и аккомпанирующую роль, и достаточно развитую в образном отношении, ни одного сочинения, которое может быть сопоставимо с «Чёрным человеком» О. Моралёва по глубине психологизма и драматургической разработке сюжета, органике формы. Работая над этим произведением, мы не просто получили огромное удовольствие – это было колоссальной школой.

К сожалению, повторить исполнение «Чёрного человека» больше не довелось – А. Тишко уехал в Москву, и такого солиста у нас больше не было. Однажды, когда я смотрела фильм «Есенин» с Сергеем Безруковым в главной роли, у меня возникла совершенно сумасшедшая мысль, что вот он мог бы сыграть партию солиста – столько было параллелей с тем образом, который создал Толя Тишко, но главная заслуга, безусловно, принадлежит Олегу Аркадьевичу – это его краски и переживания. И в связи с этим меня не перестаёт волновать ещё один воп-

рос: как мог интеллигент высшего порядка, каким был Олег Аркадьевич, никогда в жизни ни на кого не повысивший голоса, создать образ такой совершенно жуткой раздвоенной личности? Это очень трудно объяснить; мне кажется, он был человеком и композитором настолько глубинным, что его творчество – это только верхушка айсберга.

Из истории одного сочинения

А. Б. Григорьев

В начале января 1986 года в Большом зале консерватории Саратова прозвучала «Концертная симфония» В. А. Моцарта для скрипки, альты и камерного оркестра. Исполнили это сочинение скрипачка Татьяна Сандлер, альтист (автор этих строк) Анатолий Григорьев и камерный оркестр консерватории под руководством Татьяны Быковой. Концерт прошёл успешно и был тепло принят слушателями. Среди поздравивших меня после концерта был и Олег Аркадьевич Моралёв. Как-то неожиданно для себя я предложил Олегу Аркадьевичу обратить внимание на ансамбль скрипки и альты и написать что-нибудь в этом жанре. Он не дал определённого ответа, хотя и обещал подумать.

Прошло несколько лет. Честно говоря, я и забыл про своё предложение композитору, поэтому был приятно удивлён, когда Олег Аркадьевич принёс мне своё новое сочи-

нение для альта, скрипки и камерного оркестра.

Для меня всегда интересна работа с новым материалом, но знакомство с произведением, инициатором создания которого неожиданно стал я, вызвало большую ответственность и сомнения: получится или нет?

«Монологи, сцены и дуэты» – так назвал своё новое сочинение О. Моралёв. Партию скрипки я предложил исполнить своему коллеге и другу, замечательному скрипачу, заслуженному артисту России Валентину Шувалову. Уже первые репетиции показали, сколько исполнительской свободы предоставляет музыкальная форма этого сочинения, позволяя показать как технические возможности инструментов, так и глубокую драматургию событий. Работа над «Монологам», несмотря на естественные технические сложности, шла удивительно легко. Материал собирался естественно и последовательно, но особенно ярко и полно проявился в общении солистов и оркестра. Работая над этим сочинением, я, как исполнитель, почувствовал, насколько свободен автор в своих мыслях и фантазиях. Сдержанный в жизни, Олег Аркадьевич откровенно высказывается в своих мелодиях-монологах, активно протестуя против неизбежности и искренне, доверительно делясь своими самыми сокровенными мечтами и тайными думами.

Первым дирижёром, подготовившим оркестр к премьере, был Му-

рад Аннамамедов. Это было редкое время, когда репетиций было достаточно, и работа проводилась тщательно по всем направлениям: темпы, нюансы, баланс групп. Забегая вперёд, отмечу, что все последующие выступления готовились с двух, а то и с одной репетиции. Премьера прошла 21 марта 1992 года в зале филармонии и повторилась через несколько дней в Большом зале консерватории. А в октябре этого же года состоялась поездка в Москву, где «Монологи» прозвучали в зале ЦДК (дом композиторов).

Выступления проходили успешно и имели положительные отзывы, но наиболее полно, ярко и образно «Монологи» прозвучали тогда, когда, спустя несколько лет, в декабре 1999 года, за пульт встал удивительный дирижёр – Геннадий Проваторов. Если в первых концертах струнный состав оркестра сокращали, то Проваторов оставил полную группу и добился точного баланса солистов и оркестра, выиграв при этом в тембровом колорите и яркости в кульминациях. Последний раз с Валентином Шуваловым мы исполнили это сочинение в ноябре 2002 года. Дирижировал выпускник нашей консерватории и мой однокурсник Аркадий Фельдман. После этого выступления Валя Шувалов серьёзно заболел и в августе 2003 года его не стало.

Когда в январе 2009 года по инициативе Ирины Аркадьевны Масленниковой, сестры композито-

ра, состоялось первое исполнение «Монологов» на родине Олега Аркадьевича, в городе Кирове, партию скрипки исполнила ученица В. Шувалова, лауреат международных и всероссийских конкурсов Татьяна Авазова. Я с особым удовольствием вспоминаю эту поездку. Трепетное отношение музыкантов и дирижёра Валерия Александровича Раевского к музыке своего земляка, огромное внимание и доброжелательность публики, – всё способствовало успеху этого концерта.

В октябре 2010 года это замечательное сочинение прозвучало в Большом зале консерватории с дирижёром А. Фельдманом в концерте, посвящённом 65-летию Победы в Великой отечественной войне. Хочется надеяться, что у него будет счастливая судьба и к нему обратятся молодые исполнители.

Вся его музыка – о Любви

С. Н. Терехов

Олег Аркадьевич Моралёв, один из талантливейших композиторов России, родился в г. Вятке (ныне Киров) 23 января 1922 года... Мы можем сказать, что этот коренной вятчанин, волею судьбы оказавшийся в Саратове, обогатил и прославил музыкальную культуру нашего города. Как дань огромного уважения, эти воспоминания о нём возникли и написаны именно в день его рождения: 23 января 2012 года. В памяти

моей как-то разом всплыли чудесные страницы нашего длительного творческого взаимодействия.

С Олегом Аркадьевичем Моралёвым я познакомился весной 1969 года. Я был на третьем курсе Саратовской консерватории и уже работал в струнном квартете Саратовской областной филармонии. На репетицию нам принесли ноты двухчастного Первого струнного квартета Олега Аркадьевича, которого я на тот момент даже визуально не знал. Музыка квартета сразу произвела на меня большое впечатление выразительностью и глубиной содержания, мелодическим разнообразием, драматическим накалом. Удивило сочетание больших художественных, композиционных задач и абсолютно легчайшей техники квартетного письма. Мне тогда подумалось, какой это должен быть интересный, необыкновенный человек. Я и представить себе не мог, что когда-то мы можем стать с ним друзьями, встречаться у него дома, беседовать о музыке, жизни, творчестве, исполнительстве. Людей ведь объединяют не только профессиональные взаимоотношения, общность взглядов и мироощущения, но и пристрастия. Как приятно мне было узнать о том, что мы с Олегом Аркадьевичем, приехавшие в Саратов из разных мест России, стали волгярами и осваивали водные просторы Великой реки в течение нескольких десятилетий на своих моторных лодках. Олег Аркадьевич

доходил даже до Балаковских шлюзов, что было очень смело даже для тех времён.

Так было уготовано судьбою – с 1969 года и до конца дней Олега Аркадьевича наша дружба развивалась, крепла и давала свои плоды. Весной 1969 года мы готовили к исполнению в концерте и на Саратовском телевидении его Первый струнный квартет. Как и всегда, мы пригласили автора послушать наше исполнение. В репетиционный класс к нам зашёл интеллигентный, скромный человек, с тихим голосом. Но в процессе работы над его музыкой мы просто физически ощущали его требовательность, тонкость, тщательность и деликатность музыкального процесса, что абсолютно соответствовало характеру и стилю квартетной работы в целом. Сказать, что в моей душе был особый творческий подъём от встречи с автором, совершенно недостаточно. Это первое общение и последовавшие затем новые встречи с Олегом Аркадьевичем открыли во мне особое отношение к этому замечательному человеку и ни много ни мало подлинную тягу к новой современной музыке и её широкой пропаганде. Тогда наш коллектив успешно исполнил Первый струнный квартет О. Моралёва в Большом зале Саратовской консерватории, концертном зале областной филармонии, была выполнена очень удачная звукозапись для Саратовского телевидения и радио. Автор был очень доволен.

А ведь он давал нам послушать исполнение этой музыки квартетом имени М. П. Мусоргского, в состав которого входили известные музыканты в квартетном мире, профессора Уральской консерватории города Свердловска. В 1973 году этот квартет прозвучал уже в исполнении студентов моего квартетного класса, и этот факт был отмечен в саратовской прессе (газета «Коммунист», рецензия кандидата искусствоведения Л. Л. Христиансен).

Саратовская организация СК РФ всегда отличалась особой ответственностью при подготовке юбилейных концертов. Олег Аркадьевич Моралёв был строг к своим указаниям, очень корректно и бережно общался с исполнителями, поощрял их инициативу. К этим концертам я с профессором Наталией Александровной Карцевой вместе с Олегом Аркадьевичем тщательно работали над его прекрасной сонатой для скрипки и фортепиано, замечательными скрипичными пьесами – «Прощальной серенадой» и «Вечным движением».

В годы руководства Олегом Аркадьевичем правлением Саратовской организации Союза композиторов РФ наше сотрудничество достигло большей активности. Вспоминается великолепная поездка на Украину в Харьков. Там были встречи с крупной местной организацией Союза композиторов Украины. В программе Саратовского концерта с успехом был исполнен Второй струнный

квартет О. Моралёва силами организованной мной концертного струнного квартета Саратовской консерватории, в состав которого вошли молодые педагоги, концертмейстеры и иллюстраторы. Украинские композиторы очень внимательно и радушно отнеслись к приезду Саратовской организации и высоко отзывались о её уровне.

Вскоре после поездки в Харьков я как-то встретил Олега Аркадьевича. Как всегда, мы пообщались, и я обратился к нему с давно возникшей у меня просьбой – написать концерт для скрипки с оркестром. Олег Аркадьевич обещал подумать об этом. Периодически я его спрашивал о продвижении моего предложения. Он, ничего не говоря конкретно, успокаивал меня тем, что дело идёт. Затем, года через полтора-два, он зашёл ко мне в класс кафедры камерного ансамбля и показал незавершённый вариант того, что он написал. Это был не концерт, это была симфония № 3 «К Родине» для солирующей скрипки и симфонического оркестра! Я был сильно удивлён и даже несколько испуган. Ведь первое исполнение этого масштабного сочинения предлагалось мне. Олег Аркадьевич продолжал периодически приходить ко мне в класс для совместной корректировки скрипичной партии. Мы встречались несколько недель, уточняли технические элементы, фактически работали над исполнительской редакцией партии скрипки. Сделали очень лако-

ничной и ёмкой сольную каденцию в первой части. По моему предложению Олег Аркадьевич несколько сжал коду четвёртой части, от чего завершение виртуозного стремительного и торжествующего финала получилось более эффектным.

Премьера состоялась в Саратове весной 1983 года. Мы хорошо поработали с академическим оркестром Саратовской филармонии и его главным дирижёром М. Аннамамедовым, который очень заинтересованно способствовал успеху премьеры. Особенно вспоминается выполненная мной и академическим симфоническим оркестром Саратовской филармонии под руководством М. Аннамамедова звукозапись третьей симфонии «К Родине» для фонда Всесоюзного радио в январе 1990 года.

Также памятным было успешное исполнение второй и третьей частей симфонии с Государственным малым симфоническим оркестром СССР в Москве в Колонном зале Дома Союзов под руководством М. Аннамамедова. Концерт был посвящён 45-летию Победы в Великой Отечественной войне, в этом концерте исполнялась также музыка Р. Щедрина, А. Эшпая, А. Петрова, Б. Тищенко. Как участник и очевидец происходившего, хочу отметить, что музыка О. Моралёва вызвала горячие овации москвичей. Зал тепло и продолжительно приветствовал автора и исполнителей, многократно, в течение пяти минут, вызывая

на бис. К сожалению, до сих пор целиком симфония в Москве так и не прозвучала. А ведь этому сочинению нет аналогов в России вот уже 60 лет! В 1952 году С. Прокофьев написал симфонию-концерт для виолончели и симфонического оркестра. Кроме симфонии № 3 Олега Моралёва, написанной в 1983 году, больше подобных сочинений для струнных инструментов с симфоническим оркестром в России не появлялось. Но значение симфонии № 3 «К Родине» не только в том, что ей нет аналога в России. Это сочинение – глубоко русская музыка, драматургическое содержание которой опирается на глубокие исторические корни нашей Родины. Эту музыку, по её национальной исповедальности, без сомнения, можно поставить в ряд со знаменитой «Концертной сюитой» С. И. Танеева для скрипки и симфонического оркестра, написанной в 1911 году.

В последнее «лихое» десятилетие прошлого века мы с Олегом Аркадьевичем встречались чаще. Он с явным удовольствием приглашал меня к себе в гости. Мы слушали его сочинения, в том числе и мной записанные, много беседовали о музыке и о музыкальном исполнительстве. Мне даже казалось, что на наших встречах Олег Аркадьевич был более воодушевлённым, чем обычно. Он неоднократно просил меня послушать в его исполнении фортепианные сочинения Бетховена (сонаты), Чайковского (Времена года),

Шопена (Прелюдии) – он прекрасно владел инструментом!

В эти годы появляются такие значительные его сочинения, как «Монологи, сцены и дуэты» для скрипки и альта с камерным оркестром и Третий струнный квартет. Премьера этого квартета состоялась незадолго до кончины композитора. Специально для премьеры мною был собран достойный состав: С. Терехов – первая скрипка, А. Вахрушин – вторая скрипка, Л. Кочнев – альт, И. Штейнберг – виолончель. В кратчайший срок мы подготовили к исполнению это предельно экспрессивное, сложнейшее в техническом и драматургическом отношении сочинение. Теперь эту музыку называют посмертной. Во многом потому, что она стала исповедью автора, глубоко любившего жизнь, понимавшего её красоту и ценившего её как главное богатство каждого человека. Счастье для Олега Аркадьевича и для всех, кто знал его и был к нему близок, что он услышал и увидел своё последнее детище в аудио- и видеозаписи из Большого зала Саратовской консерватории. После прослушивания Олег Аркадьевич говорил о новых творческих планах, но, к сожалению, им не суждено было осуществиться.

От нас ушла большая творческая личность, желавшая всем мира, добра. О чём музыка Олега Моралёва? Слушая и исполняя его сочинения более сорока лет, я могу с определённой уверенностью сказать, что вся его му-

зыка – о Любви. О всеобъемлющей и самозабвенной любви к истории России, к её великой культуре и, конечно, к людям, к каждому человеку в отдельности. Отсюда, из этих корней, – его необыкновенно богатый мелодизм, сочетание проникновенной лиричности и масштабного симфонизма, ощущение всех тонкостей, возможностей вокального и инструментального выражения музыкальной мысли, уникальный дар инструментовок своих сочинений. Всё это, несомненно, ставит его в ряд выдающихся композиторов современной российской музыкальной культуры. В его многогранном творчестве глубоко отражены исторические и культурные пласты нашей Великой Родины, которую он самозабвенно любил и которой служил на своём посту до самой кончины.

Воспоминания учеников о своём учителе

В. С. Мишле:

В классе Олега Аркадьевича Моралёва я занимался последние 2 года обучения в Саратовской консерватории, под его руководством писал свою дипломную работу – первую в своей жизни симфонию. Вообще, творчество – это очень трудный процесс: постоянные поиски чего-то нового, непривычного и неизведанного. Ещё сложнее – написать сочинение в крупной форме.

Там мало найти какие-то интересные музыкальные темы, главное – сделать так, чтобы они стали неотъемлемой частью музыкальной формы, и придать им интересное оркестровое звучание.

Первый раз писать симфонию очень трудно, и я благодарю судьбу за то, что она подарила мне общение с таким замечательным Музыкантом и Человеком – Олегом Аркадьевичем Моралёвым. Если что-то у меня и получилось, то только благодаря тому, что рядом со мной был такой добрый, терпеливый и внимательный педагог! Он давал мне бесценные советы, после которых я открывал свои инструментовки и смотрел на них уже совсем другими, более опытными глазами. Своими предельно точными советами и пожеланиями, на примере своего отношения к творчеству, Олег Аркадьевич воспитывал, наверное, не только во мне, но и во всех своих учениках то главное, без чего нельзя стать настоящим музыкантом, – неизменно трепетное отношение к музыкальному искусству и профессионализм. Как я благодарен ему за всё то, доброе и светлое, что я от него получил и чем он так бескорыстно делился со всеми, кто его окружал!

Композиторский труд – труд очень нелёгкий. В нашей профессии нельзя однажды достичь какого-то успеха и остановиться, надо всё время совершенствоваться. Кто-то хорошо сказал: «В искусстве нельзя победить сразу, в искусстве надо

побеждать каждый день». То, что написано вчера, это уже вчера, сегодня надо ставить уже какие-то новые творческие задачи и не бояться искать и находить для них новые формы и средства выражения. Надо не бояться идти вперёд! Вот как раз всему этому я и учился у Олега Аркадьевича.

Олег Аркадьевич обладал редчайшими для нашего времени качествами — профессионализмом, верностью традициям великих композиторов, необычайной внутренней интеллигентностью, огромной любовью к своей профессии и огромным человеческим обаянием. Необыкновенно светлый человек, он умел не только получать огромную радость от занятий любимой музыкой, но и умел бескорыстно делиться этой радостью с другими.

Великий художник Ван Гог как-то очень хорошо сказал: «Главное в искусстве — любить людей». Вот эти слова в полной мере можно отнести к Олегу Аркадьевичу Моралёву, замечательному Музыканту и Человеку, радость от общения с которым остаётся с тобой на всю жизнь.

В. Г. Королевский:

Мои воспоминания об Олеге Аркадьевиче Моралёве начинаются с 1979 года. Это был год моего поступления в Саратовскую консерваторию, первоначально на факультет народных инструментов. Ещё через год, когда я окончательно решил для себя вопрос об обучении на компо-

зиторском факультете, состоялось и личное знакомство с Олегом Аркадьевичем. Я напросился к нему на консультацию, где показывал цикл фортепианных пьес, сочинённых ещё в училище. При первом общении мне надолго запомнились простота, мягкость, доброжелательность. Собственно тут же состоялся и профессиональный, предметный разговор. Вообще, после первого общения желание обучаться композиции у меня закрепилось ещё больше. А дальше началось время накопления композиторского багажа, который я продемонстрировал уже на вступительном экзамене. Так получилось, что после поступления я попал в класс Бориса Андреевича Сосновцева, видимо, по его решению как зав. кафедрой теории музыки и композиции, хотя в предварительной беседе в качестве своего педагога я называл Олега Аркадьевича. В классе Сосновцева я проучился два с половиной года, до того времени, пока Борис Андреевич не вышел на пенсию. А я вновь вернулся к Олегу Аркадьевичу. С тех пор я и считаю этих двух человек своими учителями по композиции.

После класса Б. А. Сосновцева обучение в классе О. А. Моралёва казалось довольно простым и приятным, возможно в силу того, что к этому времени я повзрослел и уже чему-то научился. А ещё это время я могу назвать периодом действительно свободного сочинения, где уже не было строгой опеки, но остались твёрдый профессионализм,

принципиальность и доброжелательность педагога. Помню, как во время сочинения симфонии Олег Аркадьевич мягко говорил, что неплохо одну из тем в разработке поручить трём тромбонам в унисон. Я обращаю внимание именно на «мягко говорил», а не диктовал. Думаю, что этому качеству неплохо следовать любому педагогу.

Время обучения в классе Олега Аркадьевича считаю для себя важным этапом: я уже мог сочинять в формах, наиболее близких мне по складу мышления, «период миниа-тур» закончился.

Вспоминается время моего гос-экзамена, после которого мы с Олегом Аркадьевичем много говорили, вернее, говорил Олег Аркадьевич о трудности композиторского пути. И всё оказалось именно так. Особенно отчётливо видится это в наше время, время упадка профессионального музыкального искусства в силу разных причин, катастрофического падения престижа профессионального музыкального обучения. Но это время надо принять как данность и следовать законам сохранения лучших традиций, как в своё время это делал и Олег Аркадьевич Моралёв.

П. П. Морозов:

С 1977 по 1982 г. я обучался композиции в стенах Саратовской государственной консерватории. С первого курса я поступил сначала в класс Б. А. Сосновцева. Борис Андреевич давал очень хорошую базу

композиторам, и сначала было всё безоблачно, пока мы с ним оттачивали технику композиции в малых формах. Сосновцев – мастер малых форм. Об этом говорят его прелюдии для фортепиано, вокальные и камерно-инструментальные сочинения. На этом периоде обучения Сосновцев очень много вкладывал в своих учеников. Но время шло. К третьему курсу уже нестерпимо хотелось писать оркестровые сочинения, но Сосновцев продолжал требовать сочинения мелких форм и небольших инструментальных ансамблей. Назревал конфликт. И неизвестно чем бы это всё закончилось, если бы я не перевёлся в класс к Олегу Аркадьевичу Моралёву, где в творческом плане я, наконец, вздохнул полной грудью. Олег Аркадьевич никогда не позволял себе оказывать творческое давление на учеников и одинаково внимательно и уважительно относился ко всем сочинениям студентов-композиторов, даже если они и не вписывались в рамки консерваторской программы. Я, например, раньше и в мыслях допустить не мог показать Сосновцеву, чтобы не вызвать его гнев, свою так называемую работу на стороне. А Олегу Аркадьевичу Моралёву я смело показывал свою музыку для саратовских театров, свои композиции и песни для ансамбля политической песни «Believe» («Волга»), которым я в те годы руководил. И Моралёв не просто знакомился с «посторонними» сочинениями своего ученика,

а активно советовал, как сделать тот или иной оборот лучше.

В классе его царил настоящий творческий дух. Это я почувствовал особенно при работе над оркестровыми партитурами. На IV курсе мы с ним работали над моим дипломным балетом «Гордая Фиалка». Именно тогда я получил много полезных советов по оркестровке из арсенала приёмов, выработанных О. А. Моралёвым на практике. Олег Аркадьевич был чрезвычайно скромным человеком и никогда не позволял себе в разговоре с учениками резких слов и даже интонаций, обращаясь всегда на «вы» и уважительно. Если ему что-то не нравилось в сочинениях студентов, то он, как правило, фразу строил так: «Вы, как автор, несомненно, имеете право оставить это место в таком виде, какое оно есть, но я Вам посоветовал бы здесь...» И тут надо было держать ухо востро, потому что, как правило, дальше следовало весьма ценное указание или какая-либо оркестровая хитрость, которую не найдёшь ни в одном учебнике. Я до сих пор при работе с партитурами следую этим хитростям, и они меня ещё никогда не подводили.

Или вот. Что там греха таить, у каждого студента-композитора бывают моменты краткосрочных творческих кризисов, когда порой отвлекаешься на свои личные проблемы в ущерб занятиям. В такие моменты не хочешь совсем уж плохо выглядеть в глазах преподавателя и на

скорую руку за катастрофически малый остаток времени перед уроком пытаешься наверстать упущенное. Понятно, что из всей этой затеи ничего хорошего и быть не может. Но, как говорится, лучше хоть как-то, чем совсем никак (студент есть студент). Олег Аркадьевич в таких случаях никогда виду не подавал, что ему показывают не совсем качественную работу. Напротив, он, как всегда, внимательно вникал в написанное, что-то советовал и предлагал свои варианты поправок. Видя такое уважительное отношение учителя к работе студента, становилось стыдно за себя. «Лучше бы он меня поругал, как это делал Сосновцев», — думалось в таких случаях. И такая методика всегда имела результаты: в следующий раз не принести в два раза больше качественного материала считалось просто неприличным. И работалось, и приносилось, и Олег Аркадьевич, хитро улыбаясь, хвалил ученика.

И ещё. Олег Аркадьевич всегда интересовался творчеством своих настоящих и бывших учеников. Я не помню случая, чтобы на концерте студентов-композиторов его не было в зале. А в классе после таких концертов всегда проходили «разборы полётов» и, как всегда, море дельных советов и пожеланий. Именно таким — чутким, внимательным, глубоко интеллигентным, всегда готовым поделиться своим опытом, и остался для меня в памяти мой учитель Олег Аркадьевич Моралёв.

Раздел IV

ИЗ НЕИЗДАННОГО

Воспоминания П. И. Соболева (1920–1970-е годы)

Эта рукопись давно находилась в издательском «портфеле», но мы не могли её напечатать, всё откладывали и откладывали её публикацию, так как не было известно, как она попала к нам, даст ли автор разрешение на её издание... Как-то случайно на сайте Белохолуницкой библиотеки я нашла сведения об авторе (в библиотеке работала его младшая дочь). Созвонились, она дала разрешение на публикацию, сопроводив воспоминания отца небольшой биографической справкой.

В. И. Курилова

Пётр Игнатьевич Соболев родился 12 июля 1923 г. в дер. Мальный Кунгур Зуевского района. Отец его – Игнатий Меркурьевич – умер рано, мать – Прасковья Ананьевна – осталась с четырьмя детьми (кроме него – сестра Екатерина, братья Иван и Аполлинарий).

После окончания сельской школы Петру пришлось идти в ФЗУ Кировского комбината «Искож», затем там же и работать до сентября 1941 г., когда по призыву он ушёл на фронт.

Зимой 1942 г. 1-я маневренная воздушно-десантная бригада, где Пётр Игнатьевич проходил воинскую службу, была заброшена в тыл к немцам в районе Демянского котла. Долго пришлось находиться на морозе без движения, в результате чего обмороженными оказались обе ноги. Всё лето он пролежал в эвакогоспитале, перенёс ампутацию пальцев ног. Был отправлен домой, работал там в колхозе. Оставшуюся службу с осени 1943 г. до сентября 1946 г. проходил в 4-й гвардейской танковой армии годным к нестроевой.

После окончания войны некоторое время работал в Зуевском пункте Заготзерно (зернозаготовительный пункт), и в сентябре 1954 г. был зачислен в число учащихся Свердловской юридической школы.

В 1956 г. молодым специалистом Соболев пришёл на должность следователя прокуратуры Туринского района Свердловской области. За проявленную настойчивость и инициативу в расследовании преступления ему была объявлена благодарность от областной прокуратуры. Но обстоятельства заставили Петра Игнатьевича вернуться на родину в Зуевку, где он проработал помощником прокурора до 1965 г., когда

П. И. Соболев. 1980-е гг.

приказом прокурора РСФСР был назначен прокурором Юрьянского района, а в 1974 г. – Белохолуницкого района. За всё время работы Пётр Игнатьевич неоднократно поощрялся благодарностями, награждался ценными подарками, а в марте 1976 г. за добросовестную работу ему вручили орден «Знак Почёта».

Начав своё образование с юридической школы, Пётр Игнатьевич окончил в 1961 г. Свердловский ВЮЗИ, а позднее повышал свою квалификацию на различного уровня курсах.

После выхода на пенсию в 1984 г. Соболев семь лет проработал юри-

с-консультантом в совхозе «Великопольский» Белохолуницкого района.

С 1993 г. Пётр Игнатьевич находился на заслуженном отдыхе. Умер 1 января 2004 года в возрасте 80 лет.

Пётр Игнатьевич был женат на Тамаре Ивановне Соболевой (Обухова), уроженке дер. Сарапулы Богородского района. Родилась она 12 апреля 1928 г., умерла 5 июня 1993 года. В семье было четверо детей: две девочки и два мальчика. Дочь Раиса, родилась в 1949 г., умерла 5 мая 1950 года в возрасте семи месяцев. Второй ребёнок – Юрий, родился в г. Зуевке 20 февраля 1951 года. Третий – Леонид, родился в г. Зуевке 29 октября 1953 года, погиб в г. Горьком 12 июля 1982 года. Младшая дочь Валентина (Повышева) родилась в г. Туринске Свердловской области 1 апреля 1961 года.

Воспоминания о прожитом

П. И. Соболев

Мои предки

Большинство тех, кто обращается к воспоминаниям о прожитом, начинает их с детства. Не буду отступать от этого порядка и я.

Самый старший из моих предков, кого я лично видел и кого помню до сих пор, был мой дед Меркурий Николаевич Соболев, крестьянин дер. Малый Кунгур Сулаевской волости (позднее одноимённого сельского совета, ныне относящегося к

Зуевскому району) Слободского уезда Вятской губернии. Я помню его уже лет семидесяти, он был, по моим подсчётам, 1860 года рождения. Ровесницей его была и жена, моя дорогая незабвенная бабушка Пелагея Афанасьевна, женщина добрейшей души, но скупая на слово, то есть немногословная, скромная, забитая нуждою и дедом. Это была невысокая и толстая старушка с грубоватыми чертами лица и необыкновенно добрым сердцем. Женились они, по их рассказам, уже не очень молодыми, в возрасте 27 лет. От супружества имели двоих сыновей Игнатия и Александра и старшую дочь Марфу, которую с их лёгкой руки до глубокой старости все звали «Машуней». Даже мы, её племянники, называли «гётушка Машуня». Она была 1892 года рождения.

В той же деревне Малый Кунгур жила замужняя сестра деда бабушка Елена со своими сыновьями – Иваном и Степаном. Бабушка Елена жила с сыном Степаном по соседству с нами. В этой же деревне жил брат деда Михаил с сыновьями Андреем и Владимиром. Старший сын его Семён не жил дома. Трое его дочерей – Варвара, Катя и Глаша были замужем.

В молодости своей дед приобрёл ремесло пимоката и много ходил по губернии, выполняя заказы. А ещё до ремесла нанимался в работники (батраки) к зажиточным крестьянам. Несладкая жизнь в батраках была предметом рассказов всю его

оставшуюся жизнь, особенно в долгие зимние вечера при свете лучины, а позднее – семилинейной лампы. Обладая неплохой памятью, он хорошо запоминал проповеди священников в церкви и содержание «Священного писания» с их слов. Сам он был совершенно неграмотным, не знал никаких букв и цифр, не расписывался. Однако деньги различал, очевидно, по цвету и форме, безошибочно подсчитывал стоимость работы своей и необходимую сумму денег.

Дед был вспыльчив, горяч, скор на расправу, особенно с детьми и своей женой. Обиды на него бабушка высказывала до глубокой старости. Он был словоохотлив, обладал незаурядным юмором, любил пошутить, имел хороший голос и иногда (в пьяном виде) пел.

Меркурий Николаевич не был настолько богомольным, чтобы к месту и не к месту ссылаться на Бога или вспоминать его без надобности. Однако же перед обедом он, наскоро перекрестившись, всякий раз говорил: «Господи, благослови», а после обеда вновь, уже истово, крестился, благодаря Бога за то, что он его напичал. В церковь ходил к обедне или к заутрене. Знал 12 заповедей наизусть, но иногда шутиливо комментировал их, высказывая сомнение в возможности следовать заповедям. Например, в том, что «если тебя ударят по щеке – подставь другую». Окончив чтение заповедей, дед иногда шутиливо добавлял: «13-я – “Не зевай”, а 14-я – “Маху не давай”».

О более далёких родственниках мне известно из рассказов деда. Перечислял он их обычно в родительские дни или праздники перед началом завтрака. Перед тем как взять в руки деревянную крашеную ложку он долго крестился и после каждого креста вспоминал кого-нибудь из родственников. «Помяни-ко, Господи, – начинал дед, начинал громко, с явным расчётом на то, чтобы его слышали окружающие (и мы все замолкали), – батюшку Николая Тимофеевича, матушку Екатерину Михайловну, дедушку Тимофея Кононовича, бабушку Веру Онофьевну...» Далее родственников по восходящей линии он, очевидно, не знал, так как я не помню, чтобы он поминал прадедов, а начинал помянуть умерших детей, родственников бабушки, родственников брата и сестры.

Спокойная, неторопливая, безответная моя бабушка обычно не вмешивалась в разговоры деда – он этого не терпел. Она помнила родственников не хуже деда, но поминала их молча, крестясь. Если же дед забывал кого-нибудь помянуть, она напоминала ему, и он делал дополнение. Напомнить ему можно было только тогда, когда он заканчивал перечисление всех родственников. В противном случае он огрызался: «Сам знаю!» или «Не лезь, когда тебя не спрашивают!» Дед не любил, когда его поправляли.

Всё это время мы – внуки его, да и другие члены семьи (а их набиралось человек 13–14) – молча ждали.

Взрослые, крестясь, тоже поминали умерших родственников про себя. Ждали, когда дед окончит перечисление и начнёт завтракать. Начать есть из общей чашки раньше этого нечего было и думать. Дед мог молча, ничего не объясняя, щёлкнуть своей ложкой по лбу. Не боль, а обида заставляла иногда пропускать не только начало завтрака, но и значительную часть его времени.

Следует отдать справедливость, нас, внуков, он трогал редко, больше грозил. Иногда дед, угрожая наказать за какую-нибудь шалость, подбегал вплотную к виновнику, замахивался для удара, тряс ладонью около головы, и, когда съёжившийся виновник, ожидая подзатыльника, жмурился, отпускал руку, говоря при этом: «Такого тебе дам, дак!..» Иногда, правда, отпускал шлепок или протягивал по спине мочальной верёвкой или лыком, если плёл лапти. При этом он обязательно объяснял, за что ударил: «Не будешь скакать на мои лыка!», «Что вас ломает!» или что-нибудь в этом роде, если мы забывались и очень шалили. Без дела не бил.

До глубокой старости дед занимался своим ремеслом, подрабатывая изготовлением небольших валенок и помогая моей матери воспитывать четверых малолетних детей-сирот. Вероятно, работал бы ещё, если бы финорганы не пригрозили обложить его подоходным налогом.

В длинные зимние вечера, не отрываясь от работы, дед мой по

частям рассказывал свою жизнь. Иногда он эти рассказы начинал со смешных историй, эпизодов.

Из рассказов деда выходило, что отец его Николай Тимофеевич не был добросовестным крестьянином и примерным семьянином. Оставив свою жену и четверых детей в немудрёной крестьянской избе, он уходил для побочных заработков, но редко что приносил, возвращаясь из своих странствий.

Однажды он появился в своей деревне в качестве помощника медвежатника, ходившего по деревням с медведем. Отсутствовал до этого дома около года. Медвежатник ушёл, а отец деда (мой прадед) остался. Оказалось, что за время своих странствий он научился кастрировать жеребцов, бычков и т. д., то есть был коновалом (так говорил он сам). За коновалами же ходила слава лекарей и колдунов. Зная об этом, Николай Тимофеевич в пьяном виде похвалялся, что он владеет колдовством. При соседях он заявил, что в случае пожара в деревне он обойдёт свой дом, и его дом останется цел. Если даже сгорит вся деревня. Он заявил также, что может из-за столба лизнуть языком добела раскалённую кочергу и не обжечь язык. Все эти пьяные хвастливые речи, рассчитанные на то, чтобы возбудить у соседей к себе почтение, а может быть и страх, привели к тому, что кто-то переиначил его разговоры, а затем заявил начальству, что Николай Тимофеевич на-

мерен сжечь деревню. Был созван сход крестьян, который постановил выселить моего прадеда из деревни в Сибирь вместе с его семьёй.

Прабабушка моя Екатерина Михайловна бросилась на колени в ноги старосте, просила её не высылать, а оставить дома с детьми. «Ну, что же, – сказал староста, – неволить не будем. Коли не желаешь ехать, оставайся с детьми, а его сошлём». И послали в Сибирь, оставив с матерью четверых детей.

«Ох! – вздыхал дед, на минуту останавливаясь и прекращая крутить на столе завёрнутую в виде рулона в холщовую постилку заготовку валенка. – Ох, и хватили мы горя после этого». Крестьянин без скота и без земли не считался полноценным человеком и, как правило, погибал вместе со своей семьёй, если она была. Одиночка уходил шататься по белу свету или нанимался в батраки.

Голод и нужда вынудили бедную женщину продать сначала корову, а затем и лошадь, а землю сдать в общину. Младшую дочь, сестру деда, его мать отдала в покормёнки на воспитание в удмуртскую семью. Дед, его брат Михаил и сестра Елена пошли батрачить...

Нам никто никогда не рассказывал подобных историй. И мы, внуки его, слушали, затаив дыхание.

Интерес к рассказам подогревался тем, что и наша судьба отчасти была похожа на судьбу деда. И у нас не стало отца. Он умер 32-х лет, оставив пятерых детей и престаре-

лых родителей, забота о которых легла впоследствии на женские плечи матери.

Слушая деда, я живо представлял себе залитую солнцем улицу деревни летом, стоящего где-нибудь у одного из домов моего прадеда с маской безразличия на лице и рядом старосту – здоровенного мужика с зычным голосом. Я представлял его (старосту) не иначе, как в домотканой полосатой рубаше, подпоясанной тонким сыромятным ремешком, в холщовых синих штанах, а может быть в шароварах, надетых для такого случая, и обязательно в лаптях. Мужик этот в моём воображении был всегда с широкой рыжеватой бородой. Я представлял себе и прабабушку. Представлял её измождённою, в разноцветном когда-то, но уже выцветшем шушуне до пят, в лаптях, в тёмном, надвинутом на глаза платке и малолетних детей, держащихся за её подол. Мне не приходило в голову спросить у деда, сколько ей было лет. Нам не терпелось узнать, как же дед, его мать, брат и сёстры выбрались из такой глубокой, беспросветной и, если хотите, безнадежной нужды.

Ушедший в воспоминания дед прекращал рассказ и работал некоторое время молча. Мы не нарушали его сосредоточенность, знали, что через некоторое время, а может быть в следующий раз, дед сам расскажет об этом. Но иногда кто-нибудь из нас не выдерживал и спрашивал: «Дедко, а как же твой отец, он не приезжал

больше к вам, не было от него вестей?» Дед отвечал, не глядя на нас, как бы беседуя сам с собою, не отрываясь от работы: «Как не быть, были вести. Приходило письмо из Сибири. Отец писал, что он имеет работу и жильё, звал к себе мать и нас, но мать не поехала к отцу, а от него больше писем не было. Не дело крестьянину шататься по белу свету, – заключал он. – Крестьянин должен жить на месте. Ну, давайте ложиться спать, а то вон сколько керосину выгорело в лампе». Женщины убрали пряницы, расстилали постели. Мы лезли на полати, дед гасил лампу. В избе наступала тишина, лишь изредка прерываемая кряхтением деда и его горестными вздохами: «О-хо-хо».

А теперь пора познакомить вас со своими родственниками, их бытом, нравами и взаимоотношениями. Если считать всех родственников, начиная со стороны бабушки и деда, их было много.

Родственников со стороны бабушки я помню плохо. Знаю только, что это были приветливые скромные люди. Мужчины высокого роста, сильные и смелые. О смелости их свидетельствовал эпизод, неоднократно рассказанный бабушкой. Жили они в деревне Суслиха, в 3–4 км от села Каринка. Неподальку от них была деревня Лебедки. В этой деревне Лебедки было много мужчин жуликоватых и дерзких. Ходили слухи, что они запросто могут ограбить одинокого крестьянина, возвращавшегося с базара на лоша-

ди или пешком. В одну из осенних тёмных и холодных ночей в селе Каринка раздался тревожный набат колоколов. Набат был продолжительным. Наскоро одевшись, мужики деревни Суслиха вышли на улицу, спрашивая друг у друга о причинах набата. Колокола по-прежнему тревожно гудели, возвещая о каком-то несчастье.

Вскоре со стороны села Каринка послышался стук колёс нескольких подвод, двигавшихся на большой скорости. Обожгла мысль, что кто-то пытался, а может и ограбил церковь. Когда две или три подводы с мужиками вихрем ворвались в деревню, брат бабушки Алексей Афанасьевич бросился наперерез и схватил под уздцы переднюю лошадь, завернул её в сторону. Раздался выстрел, лошадь рухнула на землю, седоки перескочили на другую подводу и умчались прежде, чем кто-нибудь успел что-нибудь сообщить, а убитая лошадь с телегой и упряжью осталась посреди улицы. На следующий день стало известно о попытке ограбления церкви в селе Каринка.

Второй брат бабушки Иван Афанасьевич при молотье на току на конной молотилке проявил неосторожность, и у него кулаком (шарнирным соединением) передающего веретена зацепило за рукав и начало крутить руку. Мужчина сильный, он поднял молотилку, сбил её с места, опрокинул на бок. Шарнир сломался, рука была спасена. Правда,

фельдшер определил растяжение жил в локте, и он несколько дней носил руку на привязи. Все мужчины в отличие от своих жён были малоразговорчивыми.

Сына дедушки Алексея Афанасьевича – Василия я помню плохо, а сына Ивана Афанасьевича – Гаврилу – не помню совсем. В гости они к нам ездили редко. Мы к ним тоже редко ездили. Чаще других туда ходила бабушка и иногда брала меня с собой. Путь длиною километров десять казался мне бесконечно длинным, я уставал, и бабушка иногда тащила меня на закорках. Ребятишек в моём возрасте у них было мало, и я скучал. Со смертью отца число гостей в праздники стало сокращаться, и визиты в деревню Суслиху и от них к нам прекратились.

С родственниками по линии деда тоже не было очень близких и дружественных отношений. В праздники к нам приходил иногда брат деда Михаил Николаевич. Заходил один, я не помню, чтобы он заходил с женой. Его угощали водкой или самогомом. Захмелев, они с дедом пели какую-нибудь старинную песню: «На крылечке сидел воробейко» или «Вниз по матушке по Волге», которую особенно любил дед. Вспоминали они своё безотрадное детство. Иногда дед Михаил, ростом несколько выше моего деда и в отличие от него имевший рыжую бороду-лопату, жаловался на свою жену Федосью Ивановну, которая попрекала его тем, что он пришёл

к ней в готовый дом, а сам ничего не сделал для укрепления хозяйства. Дом был ветхий, и дед Михаил на его месте построил новый дом. Во время ссор он, вымещая обиду за прежние попреки жены, говорил: «Ну, что, сейчас у меня уже свой дом». Следовал немедленный ответ жены: «А ведь одворица-то тятина». «Тьфу ты, ведьма этакая, – выходил из себя дед Михаил, – одворица-то, видишь ли, тятина. Надо бы уж построить дом на другом месте».

Детей у деда Михаила было много: пять дочерей и три сына. Жил он бедно. Иногда обращался к деду, просил его одолжить денег. Нелюбивший давать займы дед отказывал. Дед Михаил сердился и откровенно тут же говорил брату: «Забыл ты, Мерька, нужду, забыл». Дед чувствовал себя несколько виновато, отговаривался: «Не забыл я, да нет денег сейчас, дал бы». Деньги были. Дед Михаил об этом знал, и дед мой чувствовал это, но крепился, не давал. Нельзя сказать, что он совсем не давал ничего в долг, иногда и давал, если было что, и выходил из себя, если возвращение долга почему-либо затягивалось.

Дочери деда Михаила все благополучно вышли замуж, образовав обширную родню. Старший сын его Семён, окончив местную трёхгодичную школу, упорно просился у отца учиться дальше. Отец возражал. Нужен был работник в хозяйстве, а 4-й и 5-й класс надо было учиться в деревне Опарёнки, кото-

рая находилась в 25-ти километрах от Малого Кунгура. Не получив согласия, Семён наложил в мешок хлеба, положил туда же 2–3 чистые рубахи и самовольно убежал учиться. В армии он получил чин прапорщика, чем очень гордился его отец. Однажды он приехал на побывку. Бабушка моя находилась в деревне Старина и собиралась ехать обратно. Приезжала она с зерном на мельницу, размолота его и обратно везла муку и мякину от обдирного овса. Здесь её и увидел Семён, шедший пешком от станции Зуевка.

– А, тётка! – Сказал он. – Довеждёшь меня домой?

– Конечно, доведу, – ответила она, укладывая мешок с мякиной в задок саней, так, чтобы на нём можно было сидеть и удобно, и мягко.

– Вот ты у меня поедешь, как прапорщик! – сказала она.

– Тётка, а я ведь прапорщик и есть!

Бабушка, не зная об этом, была немало смущена и виновато заохала:

– Ой, я ведь не знала, сокол.

Или во время революции в России, или ещё до неё, он отправился в Японию, а затем в США, где и прожил весь свой век. Периодически писал родителям письма, а отцу даже посылал и денег. В письмах писал, что работает он горным инженером. Ещё до войны писал, что он имеет собственный дом и автомобиль. Я помню, как однажды дед Михаил с семьёй, принарядившись,

фотографировались около своего дома. Шедший на работу после обеда, мой дед в своей домотканой рубахе с серпом на плече встал среди семейства своего брата. Карточка была отослана Семёну в Америку. Получив письмо и карточку, он сетовал на то, что родственники его сфотографировались в нищенской одежде, и ему даже неудобно показать фотокарточку своим товарищам. От Семёна до 1977 года шли письма, он писал сёстрам, двоюродным братьям, племянникам.

Второй сын деда Михаила – Андрей был мужик недалёкий, жил очень бедно. Был, примерно, в 1940 году уличён в краже зерна из государственной глубинки (склада), которое он охранял. Осуждён, отбыл срок наказания, а во время войны он сам, его жена и дети умерли от голода. Похоронили его не по-людски: без гроба, без переодевания, просто закопали в яму на кладбище, в какую-то готовую яму, а не могилу.

Самый младший брат их Владимир был женат на моей двоюродной сестре Клавдии из деревни Уховщины. Клавдия – племянница моей матери. В колхозе Владимир работал мало, вскоре ушёл работать и жить в совхоз «Ардашевский», получил специальность тракториста-комбайнёра, был на хорошем счету. Участвовал в войне 1941–1945 гг. в составе бронепоезда, имел боевые ордена. После войны вновь работал в совхозе на машинах, затем продавцом, допустил растрату, был

осуждён, отбыл срок. Ещё работал некоторое время, затем заболел.

Сестра моего деда – Елена Николаевна Трегубова – жила по соседству с нами в деревне. Имела двух дочерей, двух сыновей. С одним из них (Степаном) доживала свой век. Она часто приходила к нам, жаловалась на свою сноху Анюту, оскорбляла и шельмовала её. Друг друга они не любили, но делать было нечего, так как жили в одной избе. Степан Яковлевич Трегубов несколько лет работал в колхозе бригадиром и был в почёте – один из лучших бригадиров, и на своём месте. Когда же его избрали председателем колхоза, вопреки его желанию, работать не смог, стал выпивать без меры. В одну из зимних ночей он обморозил руки и ноги. Научился писать левой рукой, его назначили счетоводом в колхозе. Работал все годы войны и некоторое время после. Затем жил у дочерей.

Брат его Иван Яковлевич Трегубов продолжительное время работал счетоводом в совхозе «Ардашевский» после ухода из колхоза, затем также обморозил руки и ноги, хотя и в меньшей мере. Окончил свой век на Урале у дочери, кажется, в г. Губахе.

<...> Мать моя Парасковья Ананьевна Соболева (в девичестве – Ложкина) родилась в деревне Уховщина Мудровской волости Слободского уезда 15 октября (по ст. ст.) 1896 г. в большой крестьянской семье. Она была самой младшей

дочерью, старше её были три брата (Никифор, Василий и Константин) и сестра Феклинья. Двенадцати лет она осталась без матери, когда та умерла от болезни головы. Дедушка – Ананий Афанасьевич Ложкин – жил после неё продолжительное время.

Во время Первой мировой войны, примерно в 1916 или в 1917 г. брат её, Константин, служивший рядовым в армии, умер от тифа. Старшие братья – Никифор и Василий – женились и жили вместе с отцом. Очень рано матери пришлось вести очередь в хозяйстве по уходу за скотом, а затем пахать и исполнять все посевные работы, которые ложились на крестьянина. Ей же приходилось на себя и на отца сеять лён, убирать его, трепать, изготавливать куделю, прясть, ткать на себя и на отца полотно, готовить и шить одежду. Отец в зимнее время шил верхнюю одежду для всей семьи и по найму. Нелёгкими были её детство и юность.

Неизгладимый позор положила на всю семью её сестра Феклинья, девка красивая и полная. Она неожиданно для членов семьи и для соседей однажды оказалась беременной, родила дочь, что считалось неслыханным позором и грехом. Тень этого позора касалась и моей матери, её сестры. Феклинью отдали замуж за вдовца с детьми. Кроме того, у неё родилось ещё несколько детей от него (три сына и дочь). Всю жизнь она прожила в деревне Тали-

ца близ села Мухино. Мать, а иногда и я с ней, ездили к ним в гости, но это было редко. С матерью моей у Феклиньи были хорошие отношения. Не раз при встречах они вели длительные душевные беседы. Спустя много лет мать осторожно пыталась узнать её соблазнителя, но наткнулась на глухую стену, и, женщина чуткая и тактичная, хотя и любопытная, она больше не заводила разговоров на эту тему. Эту тайну Феклинья унесла с собой в могилу.

Дядя Василий отделился от отца и брата, жил в той же деревне Уховщина. Умер он молодым, оставив своей жене пятерых детей, которых она вырастила, правда стоило ей это великих усилий. Бывая в Уховщине, мы иногда на час заходили к ним, но я не помню, чтобы тётка приходила в гости в праздник, специально, хотя в небольшие праздники или воскресенья она бывала.

Семья дяди Никифора была многочисленной. У них было 10 детей, которых они вырастили, воспитали, почти всех женили или отдали замуж. В семье было пятеро сыновей и пятеро дочерей. За исключением двух сыновей (Василия и Геннадия) все они живы по настоящее время. Я уверен, что душой семьи, её главным воспитателем была маленькая энергичная юркая тётка – «тётушка Микишиха» – Анна Прохоровна Ложкина, которую дядя Никифор взял из своей деревни Уховщина. Я уверен, что будь на

месте Анны Прохоровны другая женщина, она, с появлением детей одного за другим, растерялась бы, устала, преждевременно состарилась и угасла. Слов нет, доставалось и дяде Никифору с такой семьёй.

После окончания полевых работ он с братом или с соседом уходил на заработки на всю зиму, захватив с собой пилу для продольного пиления леса. Работа была не из лёгких: всегда, в любую погоду в лесу, на жестоком ветру. Хватало работы и дома. Утром, ни свет ни заря, тётка, вскочив, притащив дров и затопив печь, трясла высоченного могучего дядю, который никак не мог оторвать голову от подушки, требовала, чтобы он немедленно ехал на речку за водой. Дядя мычал, обещал встать, говорил:

— Счас, счас... — а сам валился на прежнее место.

— Микиш! Микиш! Вставай, что ты! Мне вода нужна, печь топится, воду греть надо, скота кормить и поить, — говорила она громко.

— Микиш! — кричала она до тех пор, пока дядя Никифор в сердцах не вскакивал и, ругаясь, стремглав летел с полатай в ограду запрягать лошадь. Вода доставлялась вовремя. Привезённую бочку воды он сам вёдрами вносил в избу и заполнял всю порожнюю посуду. Пока дядя носил воду, она высказывала ему, что муки мало и скоро хлеб печь будет не из чего, что надо сушить и размалывать зерно; что надо бы привезти дров, а то их осталось мало, да и сырые они;

что надо готовить солод и толокно; неплохо бы размолоть горох, привезти с поля тресту (лён). «Сколько же у него работы?» — думал я, и это не считая работ по вспашке земли, севу, уборке зерна.

Когда стали подрастать дети (это были старшие дочери), она немедленно их включала в работу. Уже 8–10-летним она всегда находила посильную работу: «Анюта, сбегай туда!», «Саня, отнеси обед отцу!», «Ксенья, садись прясть!» Пререканий не допускалось ни дочерьми, ни сыновьями.

Меня она встречала как самого дорогого гостя, которого она продолжительное время ждала, и который — вот он, наконец — явился.

— Ой, Петенька пришёл, куда ты, ангиль, в Мудрово опять, опять в школу? Погляди-ка, ведь темно ещё, светает. Как же ты рано встал, ангиль, уже десять километров прошёл, устал, поди, есть ведь хочешь? Погоди, я тебя покормлю, ангиль.

Я, как правило, действительно был голоден, так как из дома уходил рано, без завтрака, а в мешке за плечами хотя и был хлеб, но в пути мы его не трогали. Я отказывался от завтрака, но не очень энергично. Поняв причину моего отказа, она обращалась к моим товарищам, шедшим вместе со мною в с. Мудрово в школу, и говорила им:

— Вы уж подождите его немного, он скоро, а вы отдохните немного.

Иногда ребята соглашались, я завтракал, и мы отправлялись в

путь. Иногда мои спутники не соглашались, и я тогда решительно отказывался, благодарил тётушку за её тёплый приём, вставал. Но и тут она мне совала в пазуху кусок хлеба или шаньгу. Не помню случая, чтобы она отпустила меня без обеда, даже в те годы, когда с хлебом у них самих было трудно.

Такому отношению ко мне, вероятно, способствовало и то, что я был мал ростом, очень щуплый и поэтому вызывал жалость. Все они жалели и любили мать. Разговаривая с нею и слушая её рассказы о том, как ей тяжело прокормить четверых детей, один меньше другого, тётушка плакала вместе с матерью и, если я оказывался здесь, гладила меня по голове и говорила:

– Вот, Петенька, ангиль, видите, как мамка бьётся с вами, как ей тяжело. Все силы она отдаёт вам. Так вот, когда вырастите вы, так не забывайте мамку-то.

Я кивал согласно головой и пытался под благовидным предлогом куда-нибудь улизнуть, так как к горлу у меня подкатывал твёрдый комок, который я не мог проглотить.

– Слушайте её, сокол, – продолжала между тем тётка, – не безобразничайте, не подводите её, не срамите перед людьми, ведите себя так, чтоб о вас говорили только хорошее, и мать будет довольна.

Я тяготился такими разговорами, и всё-таки об этой тётке – тётушке Микишихе – у меня остались самые тёплые воспоминания. Неза-

долго до своей смерти мать предложила взять её с собой в г. Киров поведаться с невесткой Микишихой. Жили мы тогда в посёлке Юрья. Я согласился и на машине привёз её к племяннице Марии Никифоровне, а уж она пригласила свою мать. Жила она дня два, повидалась не только с невесткой Микишихой, но и со всеми племянницами и племянниками. Все без исключения они были с нею приветливы при встречах, угощали. Она была ранее и осталась и на этот раз всеми ими очень довольна. Пока мать гостила, я был на совещании два дня. Затем я пришёл к Марии Никифоровне Кутергиной и предложил матери остаться погостить, обещая затем приехать за нею. Мать не согласилась, заявила, что она поедет со мной, и уехала. Перед отъездом её племянник Дмитрий купил ей в подарок свитер, дал 10 рублей денег. Сделали подарки и другие племянницы. Перед отъездом я встретился с тёткой. Она была довольно бодрой для своих лет. Жила она у своего сына Михаила, который старше меня года на два всего. Высказала обиду на то, что Михаил однажды в запальчивости сказал ей, когда она вступила в какой-то спор с его, Михаила, женой: «Молчи уж ты, сто лет живёшь!» И сама уже добавила: «Пропадать пора, говорит», хотя, по словам Марии Никифоровны и других её детей, последние слова им не были сказаны. Разумеется, намёк был прозрачен, и она

правильно понял его. Я смотрел на неё и удивлялся, так мало она изменилась внешне. Только поседевшие чуть брови её стали большими, густыми, и когда она смотрела из-под них, взгляд её казался другим, чем прежде.

Некоторые дети её (Дмитрий, Александра, Таисья, Михаил, Мария, Василий) жили в г. Кирове уже до войны. У всех у них было исключительно развито чувство родства. Старшие помогали младшим устроиться на работу, предоставляли временно жильё. Прежде чем кому-либо переехать на жительство из деревни в город, этот вопрос тщательно обсуждался всеми. Эта традиция обсуждения важнейших вопросов сохранилась у них и до настоящего времени. Эту черту у них подметил даже мой сын Лёня.

В полутора километрах от деревни Уховщина в сторону села Мудрово стоит деревня Старина. В этой деревне жила моя вторая тётка, сестра моего отца, Марфа Меркурьевна Махнёва (по мужу). Мы её называли тётушка Машуня, а её мужа Якова Клементьевича – дядюшка Яшка. Дед и бабушка называли их просто Машуня и Яшка. Яшка был среднего роста, широколицый, с усами, белокурый мужчина, вернее, светло-русый. Был он коренаст и могуч. Имели они шестерых детей, из них только один сын – Александр. Остальные – дочери. Был у них ещё один сын – Пётр, лет пяти-шести, но он умер в детстве,

заболев воспалением головного мозга.

Старшая дочь Елизавета была отдана замуж за племянника ранее описанной тётушки Микишихи Ивана. Отдана была в юном возрасте 16-ти лет. В браке родила двойню первенцев, оба умерли, и больше она детей не имела. Из деревни Уховщина они уезжали жить в посёлок Зуевку, но вскоре возвратились в деревню, здесь прожили оставшуюся жизнь и состарились.

Остальные дочери вышли замуж неподалёку, в близлежащие деревни. Единственный сын Александр, гармонист и баянист, находясь в армии и стоя на посту, вступил в сделку с похитителями, которые с его помощью вывезли военное имущество. Был судим за это, отбывал наказание в лагерях, затем через 5–6 лет возвратился, женился, уехал в г. Мурманск, работал плотником. Вырастил троих детей, стал выпивать. Жена его Людмила бросила его, ушла жить к другому. Он приехал в деревню к мамке. Мамка его и три сестры жили уже в деревне Опарёнки своими семьями.

Тётушка Машуня жила первое время ещё на Старине, потом в Опарёнках с дочерью Анастасией и зятем Костей. Затем перешла жить к младшей дочери Антониде и зятю Василию Григорьевичу Мориловым.

Зятя этого она считала сначала одним из лучших, после Кости, разумеется. Затем, когда он стал рев-

новать Антониду и поколачивать, она возмутилась и, рассказывая как-то о житье-бытье Тони, в то же время ругала зятя: «Смотри-ка, леший большеносый, – говорила она, – ещё и бьёт её». Позднее зять избил и её саму. В мертвецки пьяном виде напал на неё дома, стал бить отвёрткой в голову, всю окровавил и оставил живой случайно. Привлекать его к уголовной ответственности она не стала, пожалела и его, и дочь, и продала жизнь с ними.

Отец мой любил свою сестру Машуню, и она его любила. Дружно жил отец и со своим зятем Яковом. После смерти отца и тётка, и дядя Яков жалели мать и нас, её детей, но оказать практическую помощь не могли, у самих была небольшая семья.

Приезжая в гости, тётка привозила иногда с собой хлеба, когда у нас его не было. Дядя Яков, приезжая в гости, не упускал случая позвать нас к себе и, достав кошелёк, вынимал несколько монет, и давал нам всем по 15–20 копеек. Мать, присутствовавшая при этом, заставляла нас кланяться и не просто кланяться, а кланяться «в ножку». Для этого следовало встать на колени и коснуться лбом носка сапога или валенка дяди. И никто не останавливал нас, никто не думал о последствиях этого поступка. С болью в сердце, граничащей с омерзением, вспоминаю я эти поклоны. Больше-го унижения я, пожалуй, не испытывал ни до этого, ни после.

Тётка любила вспоминать отца, хвалила его, говорила: «Да если бы жив был отец, разве бы вы так жили, разве допустил бы он такую бедность?» Я же мысленно добавлял: «Разве бы позволил отец, чтобы его дети, получив 15–20 копеек, стояли в очередь, чтобы за них поклониться “в ножку”». Но все взрослые члены нашей семьи считали это в порядке вещей и, воспитывая нас, решавшее значение придавали тому, чтобы мы ниже клонили голову. Но об этом потом...

Когда мы очень голодали, а это было в 1934–1936 гг., дед собирался и шёл к дочери. «Пойду к Машуне, – говорил он, – накормит хоть». И уходил. Его действительно кормили, а иногда он приносил половину каравай, а то и больше, с собой. Это был гостинец. К каждому родительскому дню, то есть дню, когда поминали родителей и для этого пекли пироги, блины, дядя Яков присылал на пирог рыбы. Правда, в ответ на это каждую весну тётушка Машуня приезжала к нам и увозила 20–15 кг лука на семена. Лук у них или не водился, или они не умели его выращивать.

Обучаясь в школе-семилетке в селе Мудрово, я ходил и мимо деревни Старина, но гораздо реже заходил к тётке Машуне, чем к тётушке Микишихе. Во-первых, потому что деревня была в 100–200 м в стороне от дороги, а во-вторых... Я сам не мог тогда объяснить чувство, которое иногда останавливало от посещения. Слов нет, приветлива была

тётушка Машуня, но была у них разница с тёткой из деревни Уховщина Анной Прохоровной. Если Анна Прохоровна приглашала пообедать или ночевать у них, она при этом бросала всё, чем бы ни занималась, предлагала настойчиво, не один раз, и, не дожидаясь согласия, несла на стол обед. Тётка Машуня, предложив раз, может быть два и, получив отказ, с сожалением говорила: «А то пообедал бы, я соберу». Мы были приучены не садиться за стол с первого приглашения. Считалось, что если есть намерение у хозяина или хозяйки посадить вас за стол, предложение должно быть сделано не один раз, настойчиво, иногда нужно взять за руку и привести к столу. За столом, учили нас, не надо жадничать, не надо показывать, что ты голоден. А голодны мы, дети-сироты, были часто.

Если тётка Анна Прохоровна никогда не напоминала о том, что она накормила кого-то из нас или оставила ночевать, то тётка Машуня любила рассказывать об этом при всяком удобном и неудобном случае. И, если она была под хмельком, а это случалось всегда, когда она приходила в гости или принимала у себя, старалась подчеркнуть свою доброту, расположение и даже любовь к нам.

Я не могу завершить рассказ о родственниках, не упомянув о дяде Александре Меркурьевиче, брате моего отца. Отец мой был старше дяди года на четыре. Помимо стар-

шинства, отец имел более твёрдый, решительный характер. Живя в одной семье с женатым братом и своим отцом, мой отец часто брал бразды правления хозяйством в свои руки. В случаях, когда ему не удавалось убедить деда в целесообразности приобретения в хозяйство какой-либо вещи, он просто делал по-своему: покупал вещь сам. Дед долго ворчал о самовольстве сына, но, в конце концов, смирялся, а в большинстве случаев, когда вещь эта срочно требовалась, дед говорил: «Смотри-ка, ладно ведь парень-то купил её». Так было с приобретением роспуска на железном ходу, легковых крашенных саней и т. д. На сельских собраниях от имени своего хозяйства выступал отец, а не дед, хотя он был тут же и до собрания согласовывал вопрос, который должен был обсуждаться. В отличие от отца, дед был нерешителен, прежде чем принять какое-либо серьёзное решение, долго колебался, мучался, боясь ошибиться, и, наконец, говорил, как будто готовился нырнуть в холодную осеннюю воду: «Ну, давай, что будет, то и будь». И так во всём. Дядя тоже не был столь решительным, как мой отец. Мать моя, когда дядя отделился, решала хозяйственные и жизненные вопросы ещё более нерешительно. Но ей простительно было, она – женщина. А вот примера мужской смелости и решительности я перед собой не видел. И не только я. За мной росли ещё два моих брата.

Мать постоянно твердила нам, что мы очень бедны, нам постоянно приходится обращаться к соседям за помощью, и что поэтому нельзя с соседями ругаться, даже если они не правы, а ты прав, нельзя спорить, настаивать на своём. Когда я кому-нибудь возражал из соседей на какую-нибудь несправедливость, мать, если она была тут, немедленно одёргивала меня, а дома напоминала случаи, когда этот сосед оказал нам какую-то услугу.

Долго и упорно впоследствии я боролся с этой отвратительной чертой в своём характере: избегать боя, избегать скандалов, пытался отстаивать свою правоту, но до конца, кажется, так и не преодолел. Такое воспитание в детстве: клонить голову перед каждым – позднее отравляет существование, гнетёт и выливается в самые неожиданные черты характера, далеко не положительные. И если с годами человек осознаёт это нелепое воспитание, заметит свои отрицательные черты характера, нелегко ему будет преодолеть их, ох как нелегко! И это в лучшем случае.

Но, однако же, о дяде. Коренастый, с тёмно-русыми волосами, среднего роста, дядя мой Александр Меркурьевич Соболев не чуждался никакой работы. В колхозе его направляли, как правило, на те работы, которые требовали применения большой физической силы. Весной и летом он сеял на конной сеялке, таская мешки с зерном с концов полей для заправки сеялки. Поспевал

хлеб, он вёз его государству и опять таскал четырёх-, пятипудовые мешки. Кроме того, зимой он катал валенки на заказ и тем подрабатывал. Семья росла. Нельзя сказать, чтобы он злоупотреблял выпивкой, но уж если куда-то ездил, скажем, в Зуевку, то в большинстве случаев возвращался выпивший. Так делали все соседи-мужики, такова была традиция.

Жил дядя по-прежнему у своей тётки в доме. После каждой выпивки тёща ворчала, при этом отчётливо прослушивались слова: «всё пропьёт», намекая на то, что он пришёл в готовое хозяйство, и не улучшит, а пропьёт его. Семья росла, прибывали дети. Кроме дочери Валентины (1926) и сына Николая (1931), с которыми он отделился от нас, до войны родились ещё три сына: Виктор, Валентин и Юра.

Крестили Николая в церкви села Каринка (в Рябове церковь была уже закрыта). Меня, мальчишку лет восьми, посадили в кумы. Поэтому Николай называл и называет меня до сих пор крёстным. В 1941 г. дядя ушёл на войну. Дома остались жена, тёща и пятеро детей. В следующем 1942 г. дядя погиб где-то под Смоленском. Жена его, моя тётка, Евфросинья Алексеевна вскоре продала корову и другую живность и переехала жить и работать в совхоз «Ардашевский», находившийся в трёх-четырёх километрах от деревни Малый Кунгур. И хорошо сделала. В своей деревне они бы

умерли с голоду. С большим трудом тётка – женщина трезвая, никогда не пившая спиртного, даже в лучшие времена, воспитала всех пятерых. Ни один из её сыновей не стал бродягой или вором. Двое сыновей стали трактористами, дочь – маляр, а двое – просто рабочие в совхозе. Я её не видел лет 20 и не знаю, где и с кем она живёт. В совхозе она чувствовала моральную, а может быть небольшую материальную поддержку своей сестры Веры, тоже рано овдовевшей.

В престольные праздники до войны к нам приезжали гости из деревень Старины и Уховщины. Дядя приходил к нам больше один. Любители песен, захмелев, они (дед, дядя, тётушка Машуня), а также и другие гости пели песни. Могучие и стройные голоса выводили песню иногда на очень высоких нотах. Песни были все какие-то жалобные, с трагическим концом, после них хотелось плакать, и оканчивались они иногда плачем некоторых поющих. Однажды зимой, вечером, при керосиновой лампе, ещё с участием отца, 6–7 мужиков запели песню. Дело было в праздник, мужики хмельные, и когда все разом крикнули на каком-то слогe, лампа погасла. Пели иногда и шуточные песни.

Я любил наблюдать за лицами поющих. Если пели протяжные песни о горькой доле, о несчастной судьбе, лица были горестные, какие-то искажённые. Когда же начинались шуточные песни, лица светлели, на

губах блуждала улыбка, поющие лукаво поглядывали друг на друга. Иногда сильно захмелевшие гости начинали петь плясовые и сами пустились в пляс. Дня два длилось веселье, затем гости разъезжались по домам. При этом мужчины обязательно были в сильном хмелю. В противном случае угощение считалось плохим. Можно было в будни услышать разговор мужиков-соседей:

– Ну как, Александр, хорошо ли погостил на Старине? – спрашивал дядю Арсентий.

– Ещё бы! Не помню, как приехал!

Вот, пожалуй, и всё о моих родственниках, о моей родословной.

Детство

Село Рябово находилось в трёх верстах к северу от нашей деревни Малый Кунгур. На пути в село лежала всего одна деревня – Добряки, но дорога пересекала лога, увалы и небольшой лесок. Первый большой лог находился не далее как в 200 метрах от деревни. Он отделял небольшую площадь пашни, называемую «лопатами», от небольшого увала, на который вела крутая с поворотами глинистая дорога. Лог начинался километрах в двух к западу от деревни в лесу и оканчивался у речки Кордяги, которую в этих местах можно было перейти вброд почти в любом месте. Ширина её не превышала 3–4 метров. Речка текла с юга на север и была границей зе-

мельных угодий с соседней деревней Большой Кунгур, расположенной на восточном, более высоком берегу речки. Подъём туда был ничуть не легче, чем на увал в сторону села Рябово. С западной стороны нашей деревни тоже был увал, на склоне которого находился магазинный амбар. От него было видно окрестности на большом расстоянии. С южной стороны местность была несколько ниже, и, как с увала, так и от магазинного амбара, были видны соседние деревни Мартеловцы и Талица, и даже более дальние – Родыги (или, как её называли у нас, Родиги) и Притёс. У деревни Родиги стоял такой же магазинный амбар, хорошо видимый, хотя находился километрах в восьми к югу от нашего.

Возвращаясь из Рябово и подходя к склону увала, первым открывалось путнику здание магазинного амбара. Первым оно открывалось и с восточной стороны, со стороны Большого Кунгура, и с западной, со стороны леса, стоящего на пути в с. Каринку. И только с южной стороны возле деревни стоял небольшой, в основном пихтовый и еловый, лесок, отделявший нашу деревню от деревни Мартеловцы, расстояние до которой было менее километра, называлось оно «поскотиной».

Деревня наша лежала в этой своеобразной чаше, с трёх сторон защищённая увалами. Прилегающие к деревне поля не были ровными, имели уклоны в какую-нибудь сторону.

Весной во время таяния снегов вода стекала в лога, и они становились широкими и бурными от вешних вод, прерывая движение гужевого транспорта, не говоря уже о пешеходах. Пешеходам было можно пройти вброд, так как глубина была небольшая, но обувь, в основном лапти, не позволяла этого сделать. Те немногие жители окрестных деревень, имевшие добротные яловые сапоги, переходили лога вброд, они не были им помехой.

С наступлением тепла в логах вырастали самые высокие, самые густые травы. Даже на лугах, заливавшихся рекой Кордягой, не было такой, хотя и там трава была хороша. Вероятно, это происходило потому, что в логах дольше, чем в других местах, сохранялся снег, особенно у южных склонов. В логах долго текли ручейки, до тех пор, пока не растает снег в их верховьях в лесу. Некоторые лога тянулись не на один километр, имели форму раскидистого дерева с ответвлениями – ветками, которые у нас называли ложбеньями. С течением времени дети, особенно мальчишки, детально исследовали все лога, все ложбени и знали все их особенности, все лисьи норы, которые выходили туда.

При слове детство у меня в первую очередь возникают воспоминания. Босоногое, оно не отличалось разнообразием. Врезавшимися в память моментами остались такие, как журчание весенних ручьёв при таянии снега, первые лужайки под

окнами дома и на приусадебном участке, запах оконной замазки зимних рам, подготовка к весеннему празднику Пасхе с её качелями, крашением яиц, христосованием.

В этот праздник, единственный из всех праздников в году, в избу приносили свежую ржаную солому, и это особенно забавляло детей. Пока её не затоптали грязными ногами, мы на ней валялись, кувыркались, это доставляло нам неизъяснимую радость, хотя солома вообще и кувыркание в ней не было для нас диковинкой, особенно при молотье хлеба. Нравился и канун Пасхи. Именно накануне прекращалась работа, если можно так сказать, «производственная», и все усилия сосредотачивались на уборке помещений и подготовке к празднику.

Мужчины (отец, дед и дядя) осматривали, чинили и смазывали конскую сбрую берёзовым (товарным) дёгтем. Если имелась специальная выездная сбруя, смазывали её и чистили до блеска бронзовые бляшки на ней. Тут же смазывали свои яловые сапоги этим же дёгтем. Дети вертелись тут же, намазывая свои кожаные башмаки заячьей лапкой ваксой или дёгтем.

В конце дня топили баню. В сумерках бабушка с соседями, а иногда и с дедом, отправлялась ко всеобщей в церковь села Рябово в трёх километрах от нашей деревни. Оставшиеся дома женщины делали украшения из соломы (фонарики) и из бумаги (мордочки). Если име-

лись разноцветные бумажки или ленточки, украшали ими. На окна без штор, на верхнюю часть, приклеивалась бумага с вырезанными узорами. И узоры опускались так, чтобы они просвечивали. Клеили незатейливые игрушки. Подвешивали фонарики, мордочки, голубок на нитках к потолку – изба преображалась.

Иногда накануне, а иногда в день праздника (не только Пасхи) мужики-соседи приходили к дяде Александру, просили его постричь им волосы. Дядя делал это довольно ловко и быстро, как профессионал-парикмахер, беспрерывно щёлкая овечьими ножницами. Постриженные и побритые мужики на глазах молодели, в глазах светились дружелюбие и юмор. Мне нравилось наблюдать эту перемену в людях.

Многие наши шалости, за которые в обычное время можно было схлопотать подзатыльник, в праздники сходили с рук.

Утром в праздник часть членов семьи шла в Рябово. Оттуда возвращались, как правило, с гостями. После этого следовал чай, затем обед. Подавать спиртное начинали уже за чаем, а затем и за обедом. При этом хозяин старался непременно подать и заставить выпить за чаем и на первых порах за обедом, памятуя о том, что натошак, выпив самогон или водку, гость быстрее захмелеет и быстрее станет весёлым. Уже в конце обеда начинались громкие разговоры. Гости и хозяйка старались больше говорить, чем слушать,

перебивали друг друга, обнимались, уверяли один другого в любви и уважении, иногда вспоминали грустные истории и плакали.

Надо сказать, что, в отличие от современников, за обеденным столом никогда не пели песни. Все вылезали из-за стола, и вот тогда начинались песни, а иногда и пляски.

Детей почему-то кормили в последнюю очередь, старались сделать это незаметно. Кормили тем, что оставалось от обеда взрослых.

Если в поле зрения оказывался сосед, его обязательно приглашали и угощали. Иногда некоторые соседи, особенно под хмельком, приходили поговорить, посидеть. Сидели среди гостей. Подавали гостям одной чашкой, рюмкой подряд, как говорят, по ходу солнца. Сидящий среди гостей сосед получал порцию спиртного, иногда и не один раз, веселел, смелел, со всеми пел песни и плясал. Не всегда такие соседи были желанными, но обнести чаркой с вином не решались: это считалось оскорблением, и оскорблённый порой лез драться на хозяина, а если нет – таил обиду надолго, при случае в пьяном виде вспоминал о ней и не прочь был из-за этого учинить скандал много лет спустя.

Об одном таком случае рассказывала мать. Сосед наш, Сергей Михайлович, проживавший напротив, в праздник пришёл к нам, обратился к отцу: «Кум Игнат, подай-ка мне». Такие обращения бывали и раньше. Отец мой, державший бу-

тылку с водкой в руках, помолчав, спросил: «Ты, кум, знал, что будет праздник?» – «Знал». – «Так почему не приготовил выпивку, хотя бы самогона?» – и отошёл от него, не подав ему. Мать, как она рассказывала потом, была изумлена. Она считала, что даже высказав упрёк соседу, подать ему всё-таки следовало.

Иногда между соседями возникали ссоры и даже драки, но тяжёлых последствий от драк не следовало. В худшем случае оказывалась порванной рубаха, иногда следовали одна-две оплеухи кулаком. В большинстве же случаев дело ограничивалось тем, что противники, держась за грудки, трясли друг друга, грозились и нещадно ругались.

Наступали будни, однообразие работы, ежедневные заботы о хлебе, корме для скота, об одежде.

Золотая пора детства всегда у меня ассоциируется с летним временем, так как ремесло моих родителей, превративших крестьянскую избу в мастерскую, делало её уютной зимой. Зато летом нам была предоставлена большая свобода. Лето! Изнуряющий зной для крестьян. Нам он не был помехой. Мы могли искупаться в речке, а затем отдохнуть в тени. Не был помехой нам и дождь. Мы могли играть в любом сноповике, гумне, а то и просто в старом омёте соломы.

С наступлением лета южный склон увала со стороны деревни покрывался зеленью, дикими полевы-

ми цветами. Тут и там росли кусты можжевельника, который у нас называли вересом. Было приятно вскарабкаться на вершину увала, южный склон которого был довольно крут, посмотреть на раскинувшуюся внизу деревню, а также на поля, прилегающие к ней, вдаль виднеющийся лес. Слева за рекой, почти на этом же уровне, утопала в берёзовых рощах деревня Большой Кунгур. Оба Кунгура разделяла речка Кордяга.

Увал почти всю деревню снабжал земляникой. А с западной стороны к увалу примыкал лес, называемый Заклятье. Здесь уже имелись и грибы. С запада увал оканчивался оврагом, по дну которого бежал ручей. Овраг выходил в лог, склоны оврага заросли лесом, и начинался он где-то в лесу Заклятье.

Лето в детстве! Это синее безоблачное небо, это ласточки, с визгом проносящиеся вдоль деревни у самой земли, особенно перед дождём. Это мы, мальчишки, едущие на потных лошадях к реке на водопой, судорожно вцепившись в холку лошади. Лето! Это игра в лапту, в кражу мяса и, наконец, в сыщиков-разбойников. Да мало ли что можно было делать летом!

Летом для нас, детей, которые ещё не работали, наступало раздолье. Единственной заботой и обязанностью было отнести завтрак, обед или полдник (паужину) родителям на пашню или жнитво (пожню). Но уже с 8–9 лет дети в деревне начинали боронить, возить навоз, помогать

в уборке. Мне ручную жать рожь и овёс пришлось мало. Вскоре организовались колхозы, и нам, мальчишкам, приходилось ездить верхом на лошади, запряжённой в жатку.

Почему-то запрягали их не парой к дышлу, а дышло отпиливали, на его остаток приделывали оглобли и костыль. Лошадей запрягали гусем (цугом), а на переднюю лошадь сажали ямщика. Работа ямщиком была не тяжёлой, но изнурительной. Спать в это время приходилось очень мало, это очень отягощало. В самый разгар уборки приходилось спать не более 3–4 часов, а иногда и того меньше.

Утром до восхода солнца надо было сходить за лошадьми в выгон, расположенный в лесу километрах в полтора от деревни, разыскать их там и привести. После этого надо было позавтракать, наточить пилу с машинистом жатки на наждачном специальном точиле и, когда до восхода, а когда и чуть только всходит солнце, выехать в поле и начать работу. Ночная прохлада немного бодрила, и поначалу ездить было хорошо. Но солнце поднималось выше, начинало пригревать, глаза сами собой слипались, голова клонилась на грудь... Резкий оклик машиниста: «Погоняй её!» – выводил из дремотного состояния, но ненадолго.

«Господи, хотя бы сломалось что-нибудь в жатке, хотя бы сломался дергач», – думал я. Я знал, что если сломается дергач, мой машинист Фёдор Дмитриевич Кощев, он же куз-

нец, забрав с собой дергач, поедет на одной лошади в деревню, а я с другой лошадию останусь его ждать. В это время, привязав повод лошади за руку, а иногда и за ногу, я валился на «горсть» скошенной ржи и засыпал. Дёрганья повода лошадию, подбиравшей траву на стерне, и резкие взмахи головой, которые она делала, отбиваясь от овода, мало беспокоили меня. Казалось, проходило всего одно мгновение, и Фёдор появлялся у жатки с отремонтированным дергачом. Работа начиналась снова и продолжалась до 11–12 часов ночи, пока было хоть немного светло. Давно уже ушли женщины, вязавшие снопы за жаткой, а мы всё ещё работали, создавая задел на следующий день. Выезжали мы также раньше вязальщиков.

Невольный перерыв иногда возникал в случае выпадения дождя. Если это было с утра, я спал дольше обычного, с наслаждением слушая шелест дождя по крыше.

Не любили мы, дети, бороться с парами. Земля к этому времени засыхала. При вспашке паров плугом выворачивались глыбы. Несмотря на то, что на деревянную борону с металлическими зубьями сверху клали большую глыбу, борона прыгала. Предыдущий след едва можно было различить. Солнце нещадно палило, лошади, отбиваясь от овода, плохо слушались. Если был небольшой ветерок, да и без него, идя рядом с бороней, ты весь покрывался пылью. В лапти набивалась земля. Работа

несколько скрашивалась, если борошили несколько человек на нескольких лошадях, хотя бы вдвоём. Но невыносимо было работать одному.

Как-то одним летом моя сестра Катя в возрасте 10–12 лет недели три одна на дальних участках поля боронила пары. Не раз порывалась она отказаться от этой работы, но мать уговаривала её ещё немного потерпеть, и она ехала снова на эту работу, где целый день даже словом перемолвиться не с кем.

Вывозку навоза мы ждали с нетерпением. Это была работа оживлённая, групповая. Единственным огорчением иногда бывало то, что для работы давали истощённую лошадь, она еле брела, и не только вперед с возом, но и обратно. Обгонявшие тебя другие дети на более сильных лошадях вызывали только досаду. Вывозка навоза заканчивалась, как правило, к Иванову дню. В этот праздник был выходной день, а после него начинался сенокос.

Праздник Иванов день был престольным для Рябовского прихода. Отмечался он широко. В гости приезжали родственники из других деревень, других приходов. В Рябово открывался базар. Несколько горшечников привозили свой товар, расставляли прямо на земле и на телеге. Гончарных изделий было большое разнообразие: корчаги различного размера, чашки, плошки, кринки, горшки и горшочки. На других подводах продавали игрушки глиняные, обклеенные цветны-

ми узкими ленточками. Здесь можно было увидеть игрушки в форме собаки, всадника на коне, барана и других животных. Игрушки эти свистели. Одни покупатели пробовали свистульки, другие, поставив на ладонь кринку или горшок, поколачивали по ней кнутовищем или ногтями грубой, заскорузлой руки так, что изделие звенело. Если изделие имело трещину, издавался другой звук.

Нарядившиеся в лучшее платье мужики и бабы степенно ходили от подводы к подводе с товарами, выбирая нужные для себя. Здесь же можно было купить решето, сито, кадушку или липовую квашонку, мутовку или деревянное корыто. В магазине и в палатках можно было купить фаянсовую посуду, сковородки, ухваты, топоры. Иногда выводили продавать лошадей.

Более проворные мужики успевали хлебнуть спиртного, и к обеда уже кое-где раздавались песни. Здесь, как правило, происходили встречи с родственниками (из деревень Уховщины и Старины). Молодёжь обычно образовывала круг. Собственно круг образовывали девушки, нарядившиеся в лучшие платья. Парни с гармонистом во главе кучкой ходили по кругу. Если круг был велик, то иногда было две или три гармошки, две или три кучки парней. Девушки пели частушки, не слушая друг друга, перебивая, изливая в частушках свою любовь, негодование, досаду, радость, а ино-

гда и ненависть. Пели и парни, отвечая на частушки девушек.

Солнечный день, обилие травы, зелени делали этот праздник удивительным, радостным. Здесь же некоторые сводили счёты за старые и новые обиды. Возникали перепалки словесные, а иногда и драки. Драки возникали не только из-за обид, но и среди групп молодёжи. Дрались просто так, из озорства и удали, дрались без злобы, без жестокости. Иногда дело ограничивалось держанием друг друга за грудки, порванной рубахой, редко разбитым носом.

В 1930-х годах славился своею силой, удалью и задиристым характером тракторист МТС, житель деревни Талица Пётр Макарович, или, как его звали в округе, Петя Матюшонок. Это был мужчина лет 30-ти, коренастый, невысокого роста, но в драках редко кто справлялся с ним. Драки на гуляньях, как правило, начинал он. Если было известно, что на гулянье есть Петя Матюшонок, так и знай – будет драка. Попадало иногда и ему. На обидчика он злобы не таил, отомстить не стремился, а наоборот старался подружиться.

Мне пришлось однажды близко наблюдать, как он начинал драку. Было это летом, гулянье было на лугах неподалёку от деревни Мартеловцы. Собралась на гулянье молодёжь из соседних деревень: Малого и Большого Кунгура, Мартеловцев, Талицы, Тюриков и Шаклей. В возникшей стычке тюриковские и шаклейские парни взяли верх. Тогда

кто-то из мартеловских парней незаметно сбегал на Талицу в дом Пети Матюшонка, позвал его на гулянье, очевидно, подал ему вина или водки, так как трезвый Петя не дрался.

Я видел, как Петя Матюшонок в сопровождении двоих парней с гармошкой на ремне через плечо спешил к месту гулянки. Зайдя вместе с парнями в круг девушек, в котором уже ходили парни с гармошкой, он растянул меха гармошки, начал играть ту же музыку, что и парни до него, стараясь заглушить их. Затем подошёл к группе парней и гармошкой, не выпуская её из рук, ударил гармониста в плечо так, что он чуть не вылетел из круга. Девушки с визгом разбежались, круг распался, на его месте возникла драка.

После драки, если прогнать обидчиков не удавалось, круг создавался снова, снова ходили две группы парней, поющих обидные для других частушки. И если до конца гулянья драки не возникало, она могла возникнуть при уходе домой. Одна группа догоняла другую.

Праздники заканчивались, начинались трудные скучные будни. В деревне всем находилось дело летом, в том числе детям и старикам. Хуже обстояло дело зимой...

Это теперь требуют, да и многие предоставляют учащимся детям если не отдельную комнату, то уголок, где ребёнок мог бы готовить уроки. В наше время таких требований не возникало.

В избе размером примерно 5 на 7 метров жили 12–13 человек. Здесь же грелась вода для запарки кормов скоту, запаривалась мякина, а рано утром или вечером хозяин один или с сыновьями занимался ремеслом. Многие мужики в нашей деревне Малый Кунгур имели какое-нибудь ремесло. Были плотники, столяры, кузнецы, пильщики, пимокаты, портные. И это в небольшой деревне в 23 двора, не считая начальной школы, сельсовета и магазина (лавки). У наших мужиков таким ремеслом было изготовление валенок. Они были пимокаты.

Изготовление валенок из овечьей шерсти вручную требовало большого физического труда. Этим занимался дед с двумя своими сыновьями: моим отцом и дядей Александром. Отец мой и дядя были мужиками дюжими, качество валенок было высокое и недостатка в заказах не было. Заказы иногда оставались до следующей зимы, так как с наступлением весны изготовление валенок прекращалось, начинались полевые работы, а до них — подготовка. Женщины обрабатывали приготовленную за зиму пряжу, ткали полотна из льна весной.

Из всех операций по изготовлению валенок, а я их все рано узнал, мне больше всего не нравилась подготовка шерсти к изготовлению заготовок валенка. Прежде чем приступить к этой процедуре, в избу втаскивался холщовый мешок с шерстью, оставленный заказ-

чиком безо всякой квитанции или расписки. В мешке или торбе было три-четыре, а иногда и пять-шесть фунтов шерсти. Шерсть тщательно на безмене взвешивалась и делилась на две равные части, которые, не смешиваясь, хранились отдельно. Если шерсть была двух-трёх сортов, все сорта делились поровну. После этого все, кто был свободен, в том числе и дети, должны были тереть шерсть, разрывая свалявшиеся клочки и выбрасывая репей и другие посторонние предметы.

Дед приносил из сеней, которые у нас почему-то называли мостом, лучок, решётку и биток. Самым главным был лучок. Он состоял из отрезка обструганной еловой жерди длиной около двух метров с некоторым утолщением посередине и постепенным утончением в концах. Около концов, но не на самых концах, вдалбливались по обрезку выструганные и специально обработанные доски, торцы которых обшивались кожей. Через торцы этих досок к концам тщательно обструганного отрезка жерди натягивалась струна, изготовленная из специально обработанных, скрученных и высушенных овечьих кишок. Натяжение струны регулировалось специальной закруткой. Струна находилась примерно сантиметрах в 30-ти параллельно отрезку, она действительно была похожа на тетиву туго натянутого лука. При ударе по ней – пела! Да, да, пела! Лучок подвешивали к стене, сюда же

пристраивали решётку, сплетённую из тонких узких дощечек, наподобие штукатурной дранки, клали на решётку шерсть, предварительно обсыпав её мукой.

Дед брал в руки биток, это нехитрое орудие, состоящее из куска доски миллиметров 40 толщиной и сантиметров 50 длиной с зарубкой ближе к одному концу и прорезью для руки с противоположного ребра. Он подходил к лучку, левой рукой брал его в том месте, где он был привязан посередине и прикреплён к стене узким и тонким ремнём, чуть оттягивал его от стены, подводя струну к шерсти, положенной на решётку. Первый удар он не производил. Он делал движение, похожее на удар, как бы примеряясь, и уже только второй раз ударял битком по струне. Первые два-три раза он ударял через большие интервалы времени, и только после этого начинал бить битком по струне непрерывно, раскачиваясь в такт ударам.

Шерсть, вернее крайняя к струне её часть, в виде ленты отскакивала при этом от остальной массы и, кружась между деревянным остовом лучка и струной, всё более распылялась, пушилась и, по мере того как распушалась до нужного качества, подвигалась к краю решётки и постепенно сваливалась на широкую скамейку (лавку) в виде лёгкого облачка.

Мука, находившаяся в шерсти, разлеталась по всей избе. Дед стоял, как в тумане, и вскоре все предметы

в избе (стол, переплёты окон, лавки, полки и т. д.) покрывались толстым слоем мучной пыли. Голова деда без головного убора, с волосами, подстриженными в «кружок», тоже покрывалась этой пылью и становилась белой.

Звон струны не позволял слышать в избе собеседника. Чтобы поговорить, надо было либо уходить из избы, либо останавливать деда. Чтобы избить шерсть на один только валенок, взрослому мужчине, занимающемуся физическим трудом, требовался целый день работы, так как шерсть требовалось пропускать таким образом два, а иногда три раза.

Под звон струны, который был слышен в соседнем доме и посередине улицы, в мучной пыли, как в тумане, нам иногда приходилось делать уроки. Как же я не любил эти дни! Мне даже не хотелось идти домой, когда, подходя к дому, слышал размеренные удары и звон струны. В доме в это время становилось неуютно. Монотонно и неумолимо било по мозгам: «Трень! Трень! Трень! Трень!» На одной ноте.

Занимаясь изготовлением валенок, дед, отец и дядя били шерсть, а затем стирали заготовки в горячей воде только днём или рано утром. Рано утром также и чистили пемзой уже в основном готовые валенки, просушенные в печи за сутки, но ещё не снятые с колодки.

Вечером обычно дед заставлял подмести в избе, а иногда просто разметал сор со середины, расстилал

подстилку из холста размером примерно два на три метра, на неё укладывал «избитую» шерсть. Затем он оставшимся свободным краем подстилки накрывал часть разложенной шерсти и на полу скатывал подстилку вместе с шерстью в тугий рулон. Процесс укладки шерсти считался самым ответственным процессом. При этом дед опускал на кусках проволоки с загнутыми концами семилинейную висячую лампу на пол-аршина от пола, чтобы ему было светло. Остальным членам семьи можно было только прясть или вязать. Это и делали женщины, расположившись поближе к лампе, насколько это было возможно.

Я любил такие вечера. В избе было светло, мы могли почитать, иногда, по просьбе взрослых, вслух. Но чаще всего именно в это время, пользуясь тишиной и не прекращая работу, дед рассказывал о своей жизни, полной лишений, о своей работе в батраках, об отношении к нему хозяев и так далее. А ещё в эти часы загадывались загадки и рассказывались сказки. В разгадке загадок участвовали все, в том числе и дети.

— ...А вот, отгадайте загадку, — говорила неторопливо бабушка, — с локоть мохнато, с локоть голо, а с локоть в гузно ушло.

Нисколько не думая, первым отзывался дед и называл какой-нибудь нецензурный, озорной вариант. Присутствие детей никого не смущало.

– Это, наверно... – говорил он.

– О! Да у тебя только это и на уме, – отмахивалась от него бабушка.

Дед знал заранее, что ответ неправильный, а говорил так специально, чтобы позабавиться возмущением бабушки. Предлагалось ещё несколько ответов, но они были неправильны. Если долго не угадывали, бабушка сообщала ответ:

– Это прясница, – говорила она и поясняла. – С локоть мохнато – это верхняя часть прясницы, к которой привязан кужель, с локоть голо – это стояк, который держит лопатку с кужелем, а с локоть в гузно ушло – это часть прясницы, на которой сидит пряха.

После этого она вновь загадывала:

– Затопали кони во Ивановском дворе, заревел медведь во сырой земле.

Эта загадка была известна взрослым и была рассчитана на нас, детей. Взрослые молчали, а ответы, один нелепее другого, сыпались от нас, при этом каждый спешил отгадать первым. Развивалась сообразительность. Не надеясь отгадать, мы просили бабушку сообщить ответ. Помолчав некоторое время, она опять также неторопливо говорила:

– А это колокола на колокольне «затопали кони», а «заревел медведь» – это поп.

Свернув шерсть в подстилке в тугой рулон, в середине которого была тонкая палка, дед вставал с колен, поднимал лампу так, чтоб

не задеть её головой, клал рулон на стол и начинал его крутить обеими руками, прижимая к столу. Крутил он его долго, иногда весь оставшийся вечер. И вот тут-то он и рассказывал различные истории, а иногда услышанные им в церкви проповеди попа. Дед был совершенно неграмотный, не умел ни читать, ни писать, и было удивительно, как он с одного раза запоминал проповеди. Одну из таких проповедей, рассказанную им несколько раз, я запомнил в изложении деда. Она состояла в следующем:

«Один каменотёсец длительное время рубил камни в “задилье” и тесал их. Он хорошо зарабатывал, однако сам расходовал мало. Покупал себе пищу и одежду, и то довольно скромную, а остальное раздавал нищим. Один нищий особенно усердно стал молиться богу и просить его, чтобы он дал больше богатства каменотёсцу, и тогда, считал он, каменотёсец прокормит всех нищих.

Однажды, придя на работу в “задилье”, каменотёсец ударил топором в скалу. Из камня посыпалось золото. Каменотёсец нагрузил несколько подвод и уехал. После этого никто не видел его в этих местах. Затем вездесущие нищие узнали, что каменотёсец проживает в ближайшем городе. Он отстроил себе роскошный дом – дворец, завёл лакеев, сам занялся торговлей. Нищие, зная его щедрость, валом валили к нему. Однако вскоре он запретил

бабушкой. Позднее я такое его поведение мог объяснить только тем, что долгое время дед жил в ужасающей нужде, ходил в лаптях и домотканой одежде. К этому все привыкли. Новая, более красивая одежда или обувь смущали бы его, и не столько одежда, сколько перемены и вопросы соседей.

Дед рассказывал в один из зимних вечеров, как ещё в молодости его брат Михаил получше одевшись (в смушковую шапку, валенки и полушубок, покрытый крашеным холстом) прошёл по деревне. Увидев его, соседка-старушка в присутствии деда не без иронии спрашивала, гнусава: «Кто это идёт? Никак Миша. А я думала, какой-нибудь начальник». У этой старушки дед со своим братом когда-то были батраками, обижались на неё. И когда выросли, Михаил купил балалайку и иногда в воскресенье вечером играл на ней где-нибудь под окном и даже подпевал. Однажды, сидя у бывшей хозяйки под окном, Михаил стал играть на балалайке и запел: «Потряси эту старуху комуха, которая для нас была лиха». Старуха, очевидно, говорила в нос. Именно так изображал её дед. Услышав песню его брата, она сказала: «А что я тебе плохого сделала?» Михаил немедленно парировал: «А что, ты одна старуха на свете, что ли?»

По-видимому, последствиями бедности было и то, что всю свою жизнь дед старался прибедняться, да и не только дед. Когда самая жут-

кая бедность несколько отступила, а это случилось, видимо, уже тогда, когда дед приобрёл ремесло пимоката и стал прирабатывать зимой, дед всё равно делал вид, что он еле сводит концы с концами. Он неохотно давал займы хлеб или деньги, хотя ни того, ни другого у него в излишке никогда не было. Боялся, что долги могут не отдать, и говорил: «Он плачет, да просит, а ты реви, да не давай». Правда, говорил он это в шутливой форме, и хотя не очень охотно, но займы давал. И только изрядно напившись, он иногда позволял себе похвалиться и даже прихвастнуть. Было это редко. Дед не был пьяницей.

Перед коллективизацией у нас было две лошади и две коровы. Но так было всего года три-четыре. До этого была всего одна лошадь и одна корова. Отец мой Игнатий Меркурьевич Соболев помимо ремесла пимоката мог выполнять некоторые столярные работы. Многие инструменты он делал сам или заказывал кузнецу. Он мог отремонтировать кожаную обувь. Был настойчив в достижении цели. По словам матери и соседей, обладал большой физической силой, был невысок, но коренаст. В двадцатых годах нашего двадцатого века отец стал работать продавцом сначала в своей деревне в лавке, а затем в ближайшем селе Рябово.

Что привлекло его к этой работе достоверно сейчас неизвестно. Очевидно, тому было несколько

причин. Не последнее место среди них занимали такие, как занятие более лёгким трудом. Несказанно тяжёл и утомителен был тогда крестьянский труд! Другой причиной была экономическая выгода. Семья получала наличные деньги за его работу, которые могли быть получены или побочным заработком, или от продажи сельскохозяйственной продукции, которой не всегда было в достатке. И третья возможная причина была та, что, получая наличные деньги, отец становился менее зависимым от деда, который стремился крепко держать власть в семье в своих руках!

Все деньги, которые получали дед, отец и дядя за изготовление валенок, дед хранил у себя, и стоило немалого труда истребовать их у него, даже на мыло женщинам.

Семья достигала в 1927 г. 12–13 человек, в их числе четыре трудоспособных, два старика и шесть или семь детей. Ремесло мужчин и заработок отца позволили семье приобрести вторую корову и вторую лошадь, сбрую, сани, телегу и прочие принадлежности, два плуга. С ростом семьи увеличился надел земли, в хозяйстве стало больше хлеба, кормов. Стала несколько отходить иссушающая душу забота о том, хватит или не хватит хлеба до весны, и где его можно взять.

Это улучшение, вероятно, способствовало тому, что отец всё чаще стал возвращаться домой сначала навеселе, а затем и пьяным. Ворча-

ние деда и моей матери воздействия не возымело. У отца появилось много друзей, все они были в основном из соседней деревни. Так продолжалось до тех пор, пока не грянула беда...

Случилось это в марте 1928 г., когда солнечные лучи начали усиленно пригревать покрытую конским помётом дорогу, снег набухал, садился, легко сжимался в комки, а ночью морозило.

В конце февраля мой отец с кем-то из работников сельсовета изрядно выпил, уснул на улице на снегу. Был сильный мороз. Его кто-то обнаружил, помог добраться до сельсовета. С обмороженными руками ему помогли в помещении сельсовета забраться на жарко натопленную кирпичную печь. Обрадовавшись теплу, он раздвинул доски, настланные на печи, и прижал под собою обмороженные руки к горячим кирпичам...

Ах, отец, отец! Представляю весь ужас его положения, когда он с забинтованными обеими руками на другой день был привезён матерью домой. Что он передумал, пережил в те несколько дней, пока был дома, при виде пятерых своих малолетних детей, притихших и испуганных происшедшим, какие испытал муки раскаянья и угрызения совести – знает только он. А он испытал их таки.

Дед непременно тут же попрекать его тем, что он неоднократно говорил отцу: «Пьянство до добра

не доведёт!» Ответ отца, многие годы передававшийся дедом даже после смерти отца, был: «Тятя, ткни в сердце ножом, так кровь не канет».

На кистях рук отца всплыли водяные пузыри, и через несколько дней отца отправили в участковую больницу в село Селезениху в 12-ти верстах от Кунгура. В больницу поочерёдно ездили мать и сестра отца тётушка Машуня, бабушка. Возвращались они расстроенные и огорчённые, сообщали, что отцу сделали операцию, отняли большинство пальцев на обеих руках. Успокаивали себя и друг друга тем, что и с оставшимися пальцами он сможет прожить, только бы всё обошлось благополучно, «только бы бог спас его».

Но бог не спас или не захотел спасти, как тогда говорили. В марте получили известие о смерти отца, и мать, как смертельно подраненная птица, повалилась на лавку и забилась в рыданиях, причитая...

Днём уже хорошо пригревало. Воздух наполнялся запахом конского помёта, вытаивавшего на дороге. С громким чириканьем рылись в помёте юркие воробьи, дорога разбухла, твёрдый, зимой утоптаный снег поддавался под конскими копытами. Тело отца в гробу, вопреки обычаю ставить в избе в передний угол, находилось в ограде. Мы, его дети, по указанию старших, простились с ним прямо в ограде. Заносить отца в избу запретили «доктора», сообщив, что он помимо обмороже-

ния болел белой горячкой. Они же сообщали, что отец иногда терял сознание и в беспамятстве стаскивал в больничной палате койки вместе с больными в одно место, что на него надевали смирительную рубашку, подавали в ложечке какое-то лекарство, и он успокаивался, приходил в себя. Ему рассказывали о его поведении в бессознательном состоянии, и он приносил извинения. На этом основании родственники допускали версию о том, что отца отравили работники больницы. Целовать его в гробу тоже не разрешили, и все близкие, за исключением матери, только поклонились ему.

И только мать, не слушая никаких предупреждений, зажав лицо руками, бросилась отцу на грудь и забилась в истерических рыданиях с причитаниями. До сих пор при воспоминании об этой сцене у меня навёртываются слёзы на глаза. Мать, отрываясь от рук, поворачивалась к нам, пятерым детям, из которых старшая Августа была больна, младший Поля был на руках у кого-то в возрасте трёх месяцев. Показывая на нас рукой, мать, захлёбываясь слезами, выкрикивала и спрашивала мёртвого отца: «Как я теперь буду с ними жить? На кого ты их оставил?»

Мне было 4 года, и я не помню хорошо лицо отца. Помню лишь, что он лежал в гробу с бородой. Плакать мне не хотелось, но общее горе родных, рыдания и крики матери вызывали во мне чувство боль-

шой тревоги, чего-то случившегося непоправимо. Рыдания и причитания матери преследовали меня всю жизнь и даже теперь звучат в ушах, хотя я сам уже старик, а матери давно нет в живых.

Много позднее я понял, почему мать так глубоко, так болезненно поразила смерть отца. Почему она плакала со страхом, с таким отчаянием спрашивала мёртвого отца: «Как я буду с ними жить?» На её долю выпало столько горя, столько несчастья, столько боли, столько мучений и трудностей, что моё участие в войне не идёт ни в какое сравнение с её мучениями, с её страданиями. Сама смерть была бы ей облегчением, но она не могла позволить себе и этой роскоши, так как на её попечении находилось пятеро детей и двое стариков. В разговорах о нас появились слова – сирота, сироты.

Я не понимал тогда опасения матери: «Как я буду жить с ними?» Я думал: «Как жили, так и будем жить». И в самом деле, на первых порах жизнь наша в семье мало чем изменилась. Семья всё ещё составляла 12–13 человек. Дядя Александр, брат отца, с семьёй жил вместе с нами. Дядя и дед зимой по-прежнему занимались производством валенок, летом обрабатывали землю и собирали урожай. Мы, дети, как и прежде, находились дома с бабушкой, управлявшейся по хозяйству. В хозяйстве было тогда две лошади, две коровы, овцы, куры.

Деду и бабушке было уже лет по 70, то есть они были уже старики. Трудоспособных на 12–13 человек в семье было всего трое: дядя Александр, его жена тётка Евфросинья и наша мать. Для помощи в хозяйстве, для обучения пимокатному ремеслу был взят дальний родственник бабушки из деревни Суслиха Фёдор. Ему было, очевидно, лет 17–18, был он сирота. Считали, что он доживёт до призыва в армию, приобретёт ремесло, а там, как захочет, пусть так и живёт. Прожил он у нас, вероятно, с год. Соседи с завистью стали поглядывать на наше хозяйство и перед коллективизацией стали облагать нас твёрдым заданием по сдаче хлеба государству. При этом ставили в упрёк, что в хозяйстве имеется батрак. Фёдор был рассчитан против его воли. Уходил он от нас со слезами на глазах, с сожалением. Позднее, уже из армии, Фёдор писал нам неграмотные, но тёплые и сердечные письма.

Затем дядя заговорил о разделе. Через год или полтора дядя отделился от семьи. При разделе он получил сруб на избу, но строить избу не стал, а ушёл к теще «в дом», проживавшей в той же деревне, о чём позднее горько сожалел. Помимо сруба получил он лошадь, корову, овец, кур и всё, что полагается из инвентаря, утвари, пристроек, запасов продуктов.

Дед размышлял вслух, как бы успокаивая себя, мать, бабушку, хотя непосредственно к ним не обра-

щался. «Ну, что ж, – говорил он, – станем как-нибудь жить. Лошадь у нас добрая, семена есть, я ещё могу посеять. Пахать придётся молодушке двухколёсным “плухом”, а там подрастут ребята». Мать он не называл по имени, а называл молодушкой. Жену свою он называл старухой и только вторую сноху, жену дяди Александра, называл её именем – Опрося. Дед размышлял далее: «Хлеба немного есть в запасе, а там, бог даст, заготовим. Зимой я ещё могу катать небольшие валенки и подработать».

При разделе дед сразу и решительно заявил, что не покинет внуков-сирот и, пока может, окажет помощь. «И тебе бы, парень, не надо отделяться, – говорил он дяде, – пособил бы прокормить братских ребят». Но говорил он это всё неуверенно, не настойчиво, как бы между прочим, не так, как это делал в других случаях, когда хотел настоять. Дядя на это ничего не отвечал, так как всё было обговорено ранее, в том числе и причины раздела.

Расчёты деда о ведении хозяйства не оправдались. Началась коллективизация.

* * *

Перебирая свои воспоминания об отце от самых истоков, я помню лишь несколько отрывков, небольших эпизодов далёкого детства.

Приходя домой с работы из Рябово (он работал тогда продавцом в лавке), отец иногда приносил гос-

тинцы – конфеты. Иногда он приносил пустые картонные коробки из-под товара на игрушки, иногда пустые банки с яркими рисунками. Детей в семье было много: нас у отца было пятеро, да у дяди Александра, жившего вместе с нами – двое. Гостинцы делили всем детям поровну.

Я помню, как однажды отец принёс старшим моим сёстрам Августе (10 лет) и Кате (8 лет) картонные пустые коробочки. Я тоже хотел иметь такую коробочку и просил у него неоднократно принести её. Отец обещал, однако забывал принести и на мой вопрос: «Принёс ли мне коробочку, тятя?» Отвечал: «Нет, не пинёс». Он умышленно говорил «не пинёс». Я бывал огорчён, и, видя моё огорчение, он стал объяснять в очередной раз: «Ты знаешь, я сегодня нёс тебе коробочку, но в поле на меня напали волки, я бросил им коробочку, они её разорвали, а я убежал». В четырёхлетнем возрасте меня такое объяснение устраивало. Я соображал, что лучше лишиться коробочки, чем отца. Волки – это не шутка! Коробочку мне он, помнится, так и не принёс. Если он приносил конфеты, все дети в доме бежали к нему и тянули руки. Знали, что он даст всем, никого не обделит, и надежды наши оправдывались.

После смерти отца дядя, возвращаясь из какой-нибудь поездки, тоже привозил гостинцы. Но, приехав однажды, он не дал нам

гостинцев. Я не помню сейчас, что меня толкнуло проверить карманы его пальто. Кажется, я заметил, что его дочери Валя и Тоня ели конфеты. Помимо основной избы, к ней был сделан пристрой – небольшая комната, где ночью спали на скамейке и лавке, а может и на кровати, дядя с женой и детьми. Там же висела у них чистая одежда. В пристрое, или, как мы его ещё называли, прирубыше, была сложена кирпичная печь голландка. А днём туда же относили ещё и железную печку, которую топили в большой избе. Забравшись на железную печку, которая стояла у одежды, висевшей на стене, я достал карман пальто дяди и запустил туда руку. В кармане я обнаружил карамель в обёртках. Захватив горсть карамели, я слез с металлической печки, стоявшей на ножках, спрятался за печку, часть которой закрывало пальто, и принялся есть карамель. Развернуть прилипшую обёртку карамели я во многих случаях не мог, жевал её с обёрткой и, пожевав, клал на печку. Было мне 4–5 годиков.

Я замер, услышав шаги в прирубыше шедшего человека. Вошла тётка Евфросинья – жена дяди. Она запустила руку в карман пальто дяди, откуда я незадолго до этого достал карамель, и почувствовав, что карамели недостаёт, подняла низ пальто и увидела меня, сидевшего за печкой, а на печке изжёванные с обёрткой карамельки. Я стоял за печкой, как продавец за прилав-

ком в магазине и молча смотрел на неё. Увидев меня, она спросила: «Что ты тут делаешь?» Я молчал. После этого она опустила пальто, взяла из кармана оставшуюся карамель и выбежала в избу. Из прирубыша в избу имелся дверной проём без полотна.

Я не слышал, как она пожаловалась матери. Разгневанная, возмущённая мать с крепкой гибкой вицей в руках нашла меня под кроватью, куда я успел забраться, чувствуя свою вину и предстоящую взбучку. Я был вытащен из-под кровати и вицей избит. Долго я помнил эти побои, и, уже много лет спустя вспоминая этот случай и мои побои, мать объясняла, что помимо моего недостойного поступка, тогда ею ещё руководила и обида. Обида на дядю за то, что он привёз карамель, дал своим детям, а детям своего брата не дал, что отец всегда делил поровну всё, что приносил, своим и его детям. Мне же урок был дан справедливо, впрок и надолго.

Коллективизация

Ничего я не понимал в этой коллективизации. Хорошо помню лишь, как тёмными весенними вечерами дед и мать приходили с собрания, продолжая разговор, начатый или, очевидно, на собрании, или в пути домой. Было слышно, как по улице деревни шли, возбуждённо переговариваясь, соседи. Некоторых из них можно было определить

по голосам, других по росту, по фигуре. Мы прикинули лбом к холодному стеклу окна, пытались разглядеть шедших с собрания. Людей шло много, но улицы не освещались, определить, кто именно шёл, не всегда было возможно.

«Конечно, – говорил дед уже дома, – хорошо говорить Ермише или Ване Алексанову о вступлении в колхоз. У них по одной неказистой кобылёнке, семян нет, вот они и надеются пожить за счёт других. Я же света белого не видел, гнул спину день и ночь, зиму и лето, работал так, что из-за ногтей шла кровь. И вот, когда я только что немного выбрался из самой бедноты, возьми и отдай всё своими руками в колхоз. Ну, ладно, – продолжал он, доказывая кому-то невидимому, – Ваня Алексанов отделился из небогатого хозяйства, не успел ещё нажать. А Ермиша (Ермолай Иванович Баталов) пришёл в дом к вдове Домне. Хозяйство у неё было полная чаша, земли было достаточно: знай, работай, не ленись. Была у неё лошадь, корова, овцы. Так он занялся пировать. Всё пропил, кроме лошади, землю запустил. Вот он и настаивает организовать колхоз».

Конечно, организовать колхоз настаивал не один Ермолай. Агитация тёмных крестьян сделала своё дело. Дело представлялось так, что, объединившись в колхоз, бедняки будут руководить и вскоре станут зажиточными крестьянами при незначительных затратах труда. За исключени-

ем самых бедных крестьян в колхоз вступать никто не хотел. Крестьяне, хотя и были в большинстве неграмотные, но сомневались, что без больших затрат, просто вот так, можно добиться зажиточности. Брат деда – Михаил Николаевич – убеждая его, говорил: «Погоди, Мерьк, свиней будем сахаром кормить». Дед не принимал всерьёз такие разговоры и посулы и в колхоз вступать категорически отказывался.

Первыми в колхоз вступили Елькины (Дмитрий Васильевич, Григорий Степанович, Иван Александрович), Кошечевы (Павел Иванович и Алексей Романович), Ермолай Иванович Баталов. Коллективизацию проводили уполномоченные, приезжавшие из района. Таких уполномоченных дед называл комиссарами. Собрания проводились с утра и далеко за полночь. Одно собрание следовало за другим. В ход пускалось всё: разъяснение преимуществ колхозной жизни перед единоличным хозяйством, обещание снабдить колхозы техникой, машинами и даже семенами. К самым неприемлемым применялись угрозы. В последнем случае мужики роптали на такую «добровольность» вступления в колхоз.

Не добившись успеха, один уполномоченный уезжал, приезжал другой, начинались собрания за полночь и агитация в колхоз заново. Снова кто-нибудь из соседей с палкой в руках бегал от дома к дому, стучал палкой в наличник окна и, когда

к окну подходил кто-нибудь из членов семьи, кричал: «На собрание!» Получив в ответ «Ладно!», уходил к другому дому. Отказаться от собрания, просто взять и не пойти, никто не помышлял, потому что это могло быть расценено как неповиновение советской власти.

Проходили недели, месяцы, а дело коллективизации продвигалось плохо. Стали искать кулаков. На собраниях и в сельсовете в разговоре с крестьянами выяснялось:

– Кто у вас в деревне кулаки?

– Нет у нас кулаков.

– Этого не может быть, в каждой деревне есть кулаки.

– Да какие кулаки?

– Ну, кто богато живёт, кто использовал в хозяйстве чужой труд, кто держал батраков, не торговал ли кто хлебом или ещё чем?

Такие люди имелись. Были три хозяйства, более зажиточные, чем другие: у Фёдора Дмитриевича, Ильи Егоровича, Андрея Афанасьевича Кошчевых. Фёдор Дмитриевич Кошчев был кузнец. Кузница у него была своя, но с организацией колхоза он немедленно сдал всё в колхоз и, опасаясь раскулачивания, сам вступил одним из первых. Его отец ещё до революции занимался торговлей товарами первой необходимости и крестьянского обихода. Фёдору было лет 15, когда торговля его отцом была прекращена. Однако в деревне долго ходили слухи о том, что отец Фёдора – Дмитрий Степанович – скопил от торговли толику золота и оставил

её сыну. Но ни вступление в колхоз, ни старательная работа Фёдора Дмитриевича там не спасли его от раскулачивания.

Не знаю, как это делалось практически, по чьему решению, но в семье Фёдора Дмитриевича было описано имущество, и состоялась его распродажа, или, как тогда говорили, торги.

Торги! Я хорошо помню эти торги. Мальчишкой лет 7–8 я бегал смотреть на них в дом Фёдора Дмитриевича. В избе его, более просторной, чем у других, уже был народ: наши соседи и мужики из других деревень. За столом сидело несколько человек. Около стола сбоку была сложена описанная заранее одежда самого Фёдора и членов его семьи, предметы утвари. Был выставлен на торги даже пристрой (прирубыш) дома. За столом сидело человека три. Плачущие члены семьи находились здесь же, где-то за печкой.

Мужчина за столом поднимал одной рукой вещь (например, сапоги), объявлял их цену и спрашивал:

– Кто больше?

Иногда повторял:

– Сапоги яловые, 20 рублей. Кто больше?

Раздавался голос:

– 25.

Мужчина объявлял:

– Кто больше?

Голос:

– 30.

Если больше никто не давал, объявлял:

– Продаётся Култышеву Василию за 30 рублей.

– Продаётся полушубок новый, покрытый сукном. 30 рублей. Кто больше?..

– Продаются брюки суконные!.. Кто больше?..

Торговля продолжалась. Если за печкой раздавались довольно громкие рыдания, плачущего кто-то старался успокоить.

Глаза присутствовавших мужиков разгорались жадностью. Смущённые и скованные вначале необычностью обстановки, они с течением времени становились смелее, ближе продвигались к столу.

Кто-то заметил нас, ребяташек, сказал: «Нечего вам здесь делать!» И нас удалили на улицу. И правильно сделали. Торги оставили в моей душе неизгладимое впечатление.

Таким же образом раскулачили, (разорили, как говорил мой дед) соседа Сергея Михайловича Елькина. У него в хозяйстве было три лошади, свиньи, он нанимал батрака. Этого было довольно для раскулачивания. Раскулачили и другого нашего соседа Андрея Афанасьевича Кощеева, столяра, неутомимого труженика. У него конфисковали дом и двор. Во дворе сделали конный двор колхоза. И Фёдора Дмитриевича, и Сергея Михайловича куда-то высылали, но вскоре они возвратились снова в деревню. Фёдор Дмитриевич до самой войны 1941 г. работал кузнецом, ремонтировал жатки, лобогрейки, телеги и т. д. Кузнец он был отмен-

ный. Его приглашали в другие колхозы, и некоторое время он работал в соседнем колхозе Талица, но затем возвратился в свою деревню. Работал счетоводом в колхозе и кузнецом. С началом войны ушёл защищать Родину.

Сергей Михайлович тоже некоторое время работал в колхозе, но он был уже старик. Дом его был продан и увезён. Он купил теплушку, поставил её на месте старого (увезённого) дома и жил там до конца своих дней.

После раскулачивания организация колхоза пошла успешнее. Несколько глав семейств были объявлены подкулачниками, некоторым угрозили раскулачиванием. Приводился и такой довод: «Ну, что вы теряете? Не понравится – можете выйти из колхоза. Колхоз – объединение добровольное». Позднее этот довод, его лживость, я испытал на собственной шкуре. Когда более половины хозяйств «добровольно» вошли в колхоз, остальным объявили, что их земельные наделы будут изъяты для колхоза, а им будут выделены другие (бросовые) земельные участки, на которых ничего не росло или росло очень мало. Поразмыслив, дед понял, что деваться некуда, и тоже «добровольно» вступил в колхоз. Заявление подавала мать.

В нашей деревне Малый Кунгур к моменту коллективизации насчитывалось 23 крестьянских двора. В них жило более 60 человек трудоспособного населения, из них

мужчин – 32, не считая стариков и подростков. Народ в деревне был весёлый, любили и умели пошутить, в том числе и друг над другом. Колхозы были незнакомой ранее формой хозяйства, не знали, как вести учёт труда, как распределять плоды труда. Во многих деревнях-колхозах (каждая деревня – колхоз) урожай делили по едокам. Позднее, когда была изобретена единица измерения труда (трудодень), мужики, со смехом вспоминая первую делёжку урожая в соседней деревне Добряки по едокам, где зерно делили даже не по весу, а деревянной посудинкой, типа небольшой кадушки, квашнёй, говорили: «Тебе – квашня, и мне – квашня!» Следовал дружный взрыв смеха.

Первые председатели колхозов, бригадиры, избирались из числа беднейших крестьян, тех, кто помогал организовывать колхозы, кто считал, что они будут только командовать и хорошо жить. Одним из первых председателей стал Ермолай Иванович Баталов, тот, что промотал хозяйство вдовы Домны. Пил он не меньше, чем прежде. Затем по очереди были председателями другие бедняки. Все они очень гордились своей должностью, старались показать свою власть, особенно в пьяном виде, и работали председателями от полугода до года, не более. Навыков управления крупным хозяйством они не имели, поступали иногда вопреки здравому смыслу, авторитетом не пользовались и подвергались по-

стоянной критике соседей и насмешкам с их стороны. Более опытные и грамотные мужики, хотя и подчинялись им, но за серьёзных людей не считали и терпели их как временное и неизбежное зло.

Один из таких председателей Андрей Михайлович Соболев (племянник моего деда) в пьяном виде заявил соседям: «Я вам отец!» Соседи долго «таскали» это выражение, добавив: «А вы – мои дети!» Нет, нет, да и раздавалось где-нибудь в группе мужиков на работе: «Я вам отец, а вы – мои дети!» И следовал взрыв хохота. Мужики потешались. Не привыкшие к ведению крупного хозяйства, да ещё коллективного, бывшие бедняки – мужики, которые и в колхозе не стали богаче, пытались урвать от колхоза себе побольше. Пользуясь своим служебным положением, присваивали по мелочи колхозное имущество и, уличённые в этом, с позором уходили со своего поста, становились рядовыми колхозниками. Одного (Г. С. Елькина) даже судили.

Мужики-бедняки, организаторы колхоза, рассчитывавшие на командные посты и лёгкую жизнь, видя, что мечты их не сбылись, что надо работать в колхозе так же, как и раньше, а может быть и больше, чтобы приобрести достаток, они первыми выбыли из колхоза и разбежались: одни в совхозы, другие на промышленные предприятия.

В колхозе остались в основном мужики, которые долго и упорно

не вступали в него, а также те, кого раскулачили. Помимо Фёдора Дмитриевича, вложившего всю душу в колхоз, свою жизнь посвятил уходу за лошадьми и работал конюхом даже в преклонном возрасте Илья Егорович Кошеев. Он, хотя и не был раскулачен, но был объявлен кулаком и многие годы жил под угрозой раскулачивания. Если ему случалось поругаться с соседом, тот без дальнейших околичностей бросал ему в лицо: «Кулак!» Хотя у Ильи Егоровича, как и у других многих мужиков в деревне, было своё прозвище – Гвоздь. И даже не Гвоздь, а Гвоздик. Очевидно, такое прозвище было дано из-за его небольшого роста и щуплого телосложения. В ненастные дни, когда бригадир не мог послать на работу ни одного колхозника, конюх Илья Егорович запрягал в телегу лошадь и сам ехал в поле за кормами, проклиная бригадира, председателя колхоза, свою нелёгкую судьбу и ещё кое-что. Однако корма он привозил и кормил лошадей.

В деревне Малый Кунгур находился сельсовет. Сельсовет был расположен в здании бывшего волостного правления и арестантской комнаты при нём. Тут же была и начальная (до 4 класса) школа. И волость, и позднее сельский совет назывались почему-то Сулаевскими, хотя поблизости не было ни деревни, ни местности с таким названием. В этой же деревне в отдалении находился «магазинный амбар» –

кирпичный, под тёсовой крышей. Позднее в амбар ссыпали зерно, которое привозили колхозы, выполняя первую заповедь – хлебозаготовки. В этой же деревне ранее проживала акушерка, позднее был создан медпункт. Все эти организации делали деревню Малый Кунгур центром сельского совета, состоявшего из восьми деревень и одного починка. Здание сельского совета и школы было полукаменным под железной крышей. Нижний этаж был сложен из кирпича, а второй этаж – рубленый. Школа располагалась в верхнем этаже. В нижнем этаже находились сам сельсовет и общежитие для школьников из дальних деревень. От общежития была отгорожена дощатой заборкой комнатка техслужашей, или, как тогда называли, сторожихи. Стены сельсовета не были оштукатурены, а лишь побелены извёсткой, и мужики, побывавшие в сельсовете, имели на спине холщовой одежды следы посещения – побелку.

Председатели сельского совета имели большой вес в жизни крестьян. Привыкшие к почитанию волостного начальства, крестьяне и в сельсовет без надобности не ходили, а придя по какому-либо делу, вели себя робко, терпеливо ждали решения вопроса. Это потом, когда председатели стали пьянствовать, когда провели телефон, и у телефона стали поочередно дежурить всё те же крестьяне, робость и почитание исчезли. В сельсовет стали заходить

мужики просто так – покурить, побалагурить, особенно зимой. Здесь же прямо курили, плевали, бросали окурки на пол.

Одним из первых председателей сельсовета был Степан Павлович Лимонов, мужик лет 30–35, высокий, круглолицый, плотный. Но самой примечательной деталью его портрета были глаза: круглые, большие, но не выпуклые, серые, они пронизывали того, на ком останавливались, и от этого взгляда становилось не по себе. Был он подвижный, смелый, говорил быстро. В деревне Лимоны, где он жил, в четырёх километрах от деревни М. Кунгур, соседи знали его как мужика скандального, забияку, способного не только в пьяном виде, но и в трезвом, оскорбить, затеять драку. Ранее он был, якобы, красным партизаном в гражданскую войну. Выпивал он, вероятно, не больше, чем другие председатели, но в пьяном виде становился буйным.

Не знаю, по какому поводу и с какой целью мой дядя Александр, друг его юности Иван Андреевич Кошечев, сосед Степан Яковлевич Трегубов, двоюродный брат дяди и секретарь сельсовета (фамилии его не помню) организовали выпивку в нашем доме вечером. Это было зимой, около весны 1929 или 1930 г. В процессе выпивки завязалась ссора, и в разговоре Степан Яковлевич, мужик щуплый, но задиристый, сказал, что он – уполномоченный РКИ и имеет власть ничуть не меньшую,

чем председатель сельсовета. Лимонов вскипел и полез в драку на Трегубова. И щуплому Степану не поздоровилось бы, но дядя мой и сосед Иван Андреевич уговорили Степана уйти от греха домой, что он и сделал без дальнейших околичностей.

Но председатель С. П. Лимонов был взвинчен произошедшим и задурил. «Я – красный партизан! – кричал он, сопровождая всё это матом. – Эскадрон!» Он встал из-за стола, пристал к секретарю сельсовета, такому же щуплому, как Степан, предложил ему бороться «по-хохлатски» и, не ожидая ответа, сильно толкнул его рукой в грудь. Тот упал затылком на порог, рассек кожу, пошла кровь.

Увидев кровь, Лимонов озверел. Хотел ещё раз ударить секретаря, но дядя Александр и Иван, мужики дюжие, вскочили с мест, поймали председателя за руки, а когда он, извиваясь, пытался освободиться, они без труда свалили его на пол. В семье был переполох. Лимонов требовал нож, чтобы зарезать «этого РКИ», о котором он опять вспомнил.

Очевидно, мужики хотели отделаться от задуревшего председателя, но не знали, как это сделать. Оставлять его ночевать у нас нечего было и думать. Везти его домой – далеко. Решили отвести его в сельсовет, чтобы он там и ночевал. Наконец, они ушли: Лимонов, мой дядя Александр и его друг Иван. Последующие события мне известны со слов взрослых. Как рассказывал позднее

дядя, они трое пришли в сельсовет. Здесь Лимонов вновь начал скандалить, разбил стекло керосиновой лампы, разбросал по полу бумаги, какие можно было достать, стал поливать их керосином из лампы, приговаривая: «Пусть горит Сулаевский сельсовет». Погасшую лампу у него отобрали, дядя побежал за спичками к учителю, проживавшему на втором этаже в том же здании, чтобы зажечь лампу, так как в сельсовете стало темно. После ухода дяди Лимонов набросился на Ивана, сбил его с ног, избил его, откусил ему часть уха сверху, покусал спину в области лопаток, пробил голову в нескольких местах, разбил окно и выбросил избитого Ивана через окно на улицу. После этого в сельсовет возвратился дядя со спичками. Лимонов схватил его за горло, стал давить, но дядя вырвался и убежал.

На следующий день Лимонов заявил, что он ночевал в сельсовете, к нему пришли Иван Кошечев и мой дядя, напали на него. Защищаясь от них, он избил Ивана. Дядю с Иваном судили, вероятно, за хулиганство. Присудили им по шесть месяцев исправительных работ на общих основаниях. По месту работы тогда ещё не присуждали. Председателя Лимонова тоже осудили за избивание Ивана к одному году исправительных работ. С должности его сняли, и он вскоре куда-то уехал из наших мест. Другие председатели пили не меньше, но таких скандалов не было.

Все основные мероприятия в деревне проводились по указаниям и под контролем исполкомов сельского и районного советов. Контроль осуществлялся через уполномоченных. В сельсовете не было дня, чтобы там не было какого-нибудь уполномоченного, а в периоды посевной и особенно уборки их съезжалось человек по 5–6. Почти по уполномоченному на каждую деревню.

...Колхозы, колхозы... С ними связано всё моё нелёгкое детство и трудная безотрадная юность. Созданные с великим трудом колхозы в любой момент готовы были распасться, а колхозники – в любой момент увести своих коней по домам. И однажды увели, но приехали уполномоченные, начались круглосуточные собрания, уговоры. И со слезами, с плачем женщин голосом, кони были сведены в одно место, во двор к Фёдору Дмитриевичу. В назначенный день, увидев, что некоторые соседи уже повели своих коней на общий двор, мать заявила, что надо и ей вести своего Гнедого. Провожать мы его вышли всей семьёй в ограду. Бабушка, заплакав, подошла к Гнедому, которого уже держала под уздцы мать, обняла его морду, прижалась своим плачущим лицом к нему. Мать тоже плакала и стояла, поглаживая по шее Гнедого. Дед крепился, но говорил с возмущением: «Вот, выкормили коня, а теперь отдай его кому-то, неизвестно за что... Эх! С таким конём мы бы прожили без больших труд-

ностей. Плуг есть, молодушка бы стала пахать, я бы ещё посеял, а там бы подросли ребята...» У меня щипало в носу, хотелось плакать, было жалко Гнедого, такого смиренного, что мы, ребяташки, пролезали у него под брюхом, между задними и между передними ногами. Гнедой лишь поглядывал на нас добродушно.

Летом, если требовалось сводить его на водопой к реке, мы подводили его к какому-нибудь возвышению, чтобы сесть на него, и он терпеливо ждал, когда к нему на спину взберётся ребёнок. Если возвышения не было, ему давали клочок травы, он наклонял голову, и тогда мы, уцепившись за гриву, закидывали ногу на шею Гнедому, а когда тот поднимал голову, я или кто-то другой из ребят оказывались у него на спине. Вот этого Гнедого, сытого, вычищенного, могучего, высокого, предстояло отвести на общий двор.

В других дворах, очевидно, творилось то же самое. От дома соседа Андрея Афанасьевича были слышны женские рыдания с причитаниями. Наконец мать, тронув коня под уздцы и открыв дверь, вывела его на улицу. По деревне то тут, то там выводили и вели на двор мужчины своих коней. Женщины, поддерживая под губой концы платка, смотрели вслед, вытирая глаза. Двор как-то сразу опустел...

Летом кони, отпущенные в поле, днём приходили к реке на водопой через деревню. С водопоя они подходили к своим домам, где они ро-

дились или прожили длительное время. Хозяева выносили им, кто мерку овса, кто куски хлеба. Приходил к нам и Гнедой, останавливался у ворот, ожидая, когда его впустят на своё место, как это делал раньше. Дед приносил несколько кусков хлеба, давал их Гнедому, трепал рукой по шее и гриве его, а затем осторожно провожал от двора.

Некоторые хозяева приходили на общий двор, проверяли работу конюхов и особенно интересовались, как накормлен бывший его конь. Если замечали неполадки, или обнаруживали, что их конь выпил ведро воды, принесённое им, на разнарядке утром возникал скандал: «Коней не поят досыта!» И долго ещё бывшие хозяева своих коней ревностно следили за своими питомцами. Разумеется, были и исключения.

Можно было понять крестьян, и, в частности, наших соседей, когда они, проходя мимо рядом поставленных на открытой площадке телег, роспусков, тарантасов на железном ходу, похлопывали рукой, а иногда и останавливались у того или иного транспортного средства. Это значило, что телега или роспуск, который он похлопал рукой, ранее принадлежали ему. Похлопывая, он в то же время критически осматривал его, не сломан ли он, а если был сломан, хорошо ли отремонтирован. Если обнаруживал поломку, горестно качал головой и шёл дальше.

Непонятна была позиция государства тогда в отношении кре-

стьянства. Крестьянин, веками сидевший на земле, опытным путём установивший многие закономерности природы, до тонкости знавший своё дело, через сельский совет и уполномоченных из района получал мелочную регламентацию своего труда. Ему обязательно устанавливались сроки начала и окончания сева зерновых культур, сроки выезда в поле, сроки начала и окончания уборки, сенокоса, обмолота и т. д. При этом приезжали и заставляли сеять и убирать люди, не сведущие в сельском хозяйстве, но получившие указание при отъезде организовать и начать сев или уборку непременно в назначенный срок. Сроки эти в большинстве своём были неправильные, нереальные, направленные не только на крайнее напряжение, но и на перенапряжение физических сил, иногда не выживавшееся обстоятельствами.

Уполномоченные поучали крестьян, требовали непременно исполнения указаний, иногда грозили карой за неисполнение. Угроза была не всегда безобидной. В тридцатых годах существовала установка: не выдавать колхозникам хлеба свежего урожая, пока часть его не будет сдана государству. А разрешалось выдать не более 15 % от сданного государству. Нарушение этого указания, в лучшем случае, грозило председателю колхоза снятием с должности, в худшем – тюремным заключением. И немало председателей поплатилось своей свободой за это.

Не каждый председатель мог выдержать неотступные просьбы измождённого колхозника, который добывал хлеб, а сам питался отрубями, мякиной, а иногда и просто травой. Не так уж много было семей, питавшихся подобным образом, может быть меньше половины, но, разрешая им, надо было давать и другим. Иначе возникала склока. Теперь мы всё это называем помощью рабочего класса крестьянству и их союзом.

Крестьяне иногда потешались над некомпетентностью уполномоченных. Один из уполномоченных прибыл в сельсовет с заданием если не начать сев, то сделать хотя бы пробный выезд. 30 апреля был религиозный праздник Пасха. Земля на полях была ещё сырая, не готова к обработке. На работу в этот день вышли единицы мужчин, остальные отмечали праздник. Во второй половине дня хмельные мужики появились на улице. Продавцу местного магазина было запрещено продавать спиртное. Наличие пьяных мужиков озадачило уполномоченного. Подозревая, что спиртное продаётся тайком, уполномоченный пришёл к продавцу, мужику той же деревни и напрямик сказал ему об этом. Продавец ответил, что он водку никому не продавал.

– А что же в таком случае они пьют?

– Пиво, – был ответ.

– А где они берут это пиво?

– Готовят сами.

Уполномоченный отвёл взгляд, немного подумал и спросил:

– А из чего они его готовят?

– Из солода.

Тогда он решительно сказал:

– Надо запретить сеять солод!

Продавец, хитрый мужик и не лишённый юмора, чуть не прыснул, но совершенно серьёзно и сочувственно сказал:

– Это лучше всего. Иначе это зло не искоренить.

План сдачи зерна государству с каждого колхоза устанавливался с кондачка. Обязательные поставки зерна, картофеля, мяса и другой продукции также планировались. Например, колхозу доводился план поставки зерна. Он его выполнял. Доводился ещё один план, в таком же размере, и, если был хороший урожай, выполнялся и второй план. Тогда доводился третий план в таком же или чуть меньшем размере. Одним словом, планы обязательных поставок доводились до тех пор, пока в колхозе был хлеб. Доводить планы переставали только тогда, когда третий или четвёртый план не могли выполнить. При том один колхоз мог выполнить всего один план (а то и его не мог), а другой – три плана. Много зависело от председателя. Вначале оставлялись семена, а затем и семян не стали оставлять, всё увозили на государственные склады в Зуевку, за 35 км, а весной, иногда в самую распутицу и бездорожье, мужики, проклиная

всё и вся, возили семена из Зуевки как выделенные государством. При этом уполномоченные напоминали колхозникам, что это государство даёт колхозу семена, и что если бы не государство, то... «чем бы вы стали сеять?»

С тех пор, как созданные МТС стали помогать обрабатывать землю тракторами, колхозы за их работу также стали рассчитываться натуральной оплатой, то есть зерном. Плата была так велика, что те немногие колхозы, которые имели возможность вспахать свои земли на лошадях, отказывались от помощи МТС, и тогда кое-что им оставалось получить на трудодни. В других колхозах, где земли обрабатывались тракторами, зерна для оплаты труда почти не оставалось.

И вот осенью тянулись по дорогам обозы с хлебом, украшенные красными знамёнами, символизирующими радость крестьян при сдаче государству зерна, их глубокую сознательность. За один центнер сданного зерна государство платило какую-то мизерную сумму, что-то, примерно, рублей шесть. Печёный хлеб стоил 85 коп. за 1 кг, а сахар – 4 руб. 60 коп. (до войны), 9 руб. стоила пол-литра водки. Эти 6 руб. никто не считал платой за зерно, все считали, что хлеб берут даром.

Интересную картину можно было наблюдать у пункта Заготзерно, то есть у государственных складов в Зуевке в период массовой сдачи хлеба. Сотни подвод стояли у ла-

боратории и у проходной, ожидая своей очереди, чтобы взяли пробу, и скорее бы сдать зерно. Иногда в день приезда очередь не доходила, приходилось ночевать. Зерно привозили на лошадях из Богородского, Ошлани, других отдалённых мест за 80–90 км от Зуевки. Мужики шли на всякие ухищрения, чтобы поскорее сдать зерно, вплоть до подпайвания водкой визировщиков, отбиравших образцы зерна для определения качества.

Колхозникам в период посевной зерно выдавали авансом. После окончания полевых работ большинство колхозников оказывались в расчёте с колхозом, некоторые получали 100–150 кг, а некоторые оставались в долгу. Колхозники стали сеять зерновые на приусадебных участках, получать 100–200 кг зерна, и таким образом перебивались «с хлеба на квас». Многие мужчины уходили в отходничество на заработки. Имевшие ремесло работали на дому (портные, пимокаты, кузнецы). Наряду с налогами были введены натуральные поставки продуктов сельского хозяйства с колхозников. Каждый двор должен был поставить за бесценок 40 кг мяса, определённое количество яиц, шерсти, 220 л молока. Если на приусадебном участке имелись посевы, то надо было сдать часть зерна. В первые годы была в обязанности ещё сдача льнотресты или кудели.

Ко всему прочему в последние годы перед войной стали усиленно

направлять колхозников на лесозаготовки. Они там ещё больше рвали одежду (спецодежду не давали). Жили в бараках в отрыве от семьи, иногда в антисанитарных условиях. Всё это способствовало тому, что колхозники под всякими предлогами стали уходить из колхозов на промышленные предприятия. Девушки заключали фиктивные браки с парнями, мужчинами, работавшими в городе, чтобы вырваться из колхоза. В колхозе пытались задержать, долго не давали документов, не отдавали заработок. Люди бросали всё и уходили.

У нас в семье из семи человек трудоспособной была одна мать, и мы часто голодали. Мануфактуру не привозили в магазин по несколько лет. Когда же привозили наконец и давали по несколько метров, у нас не оказывалось денег, чтобы купить. Мать металась по соседям, пытаясь занять денег. Иногда ей удавалось, но на условиях, что часть причитающейся мануфактуры придётся отдать заимодавцу. Крестьяне в большинстве своём ходили в домотканой одежде, а мы ходили просто в лохмотьях. Мать перешивала детям свою праздничную одежду и одежду отца, которой было не так уж много.

Приезжавшие в деревню уполномоченные с восторгом рассказывали о том, как развивается наша промышленность, сколько построено новых фабрик и заводов, городов, как растёт благосостояние рабочих. Непременно упоминали, что

среди честных тружеников замаскировались враги народа. Свои выступления заканчивали цитатой из выступления Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Особенно много разговоров об этом велось при подписании на заём. О, этот заём! Он выматывал нервы не только колхозникам, но и уполномоченным. То есть не сам заём, а проведение подписки на него, считавшейся добровольной. Перед кампанией подписки на заём собирались активы областные, районные, а затем и при сельском совете. Распределялись, кому в какое предприятие, в какой колхоз, совхоз идти, давались указания — о чём, с кем и как говорить. Уполномоченным наказывали не возвращаться домой, пока подписка на порученном участке не будет окончена. По темпам и результатам подписки судили о политической зрелости и организаторских способностях уполномоченного. Отказаться от проведения подписки или возвратиться из командировки ни с чем мог тот, кто не собирался работать в районе.

В деревнях, да и не только в деревнях, шли непрерывные собрания до тех пор, пока подписка не заканчивалась. Часть колхозников подписывалась сразу. С остальными начинались мучения. Происходил на собрании примерно такой диалог:

— Морилова Клавдия Силантьевна! — глядя в список произносил уполномоченный или председатель

сельсовета. Глаша Силиха, так звали её обычно, сидела и молчала, даже не отзывалась. Видно было, как напрягалось её лицо. В избе, где шло собрание, воцарялось молчание.

— Вам следует подписаться на 300 рублей

— Да где же я возьму такие деньги? — отзывалась наконец Глаша, — больше, чем на 150 рублей не подпишусь.

— Кому и на что нужны твои 150 рублей?

— Стало быть, нужны, коли второй день сидим на собрании из-за этого.

— Да ты посмотри, — говорил уполномоченный, глядя в список, — никто на такую мизерную сумму не подписывается. Вот, к примеру, Григорий Степанович Елькин. Что, он богат что ли, а подписался на 350 рублей

Глаша спокойно отражала этот довод:

— Гриша — мужик, он сапожник, может подработать, а я где возьму? Дети у меня и два старика, им пить-есть надо.

— Вот ты говоришь пить-есть, а когда весной хлеба не хватит, ты куда обращаешься? В колхоз и к государству? Помогают тебе?

Глаша молчит. Ей не хочется быть неблагодарной. Она знает, что скоро ей опять придётся обращаться в колхоз и просить авансом хлеба. Знает она и то, что этот аванс у неё удержат в конце года, и в зиму она опять не будет иметь хлеба, и что

мало кого будет интересовать, как она будет жить.

– Помогают, спрашиваю я тебя? – звучит голос уполномоченного.

– Помогают, так ведь не даром, вычитают потом из заработанного, – не сдаётся Глаша.

– Ага! – обрадовано говорит уполномоченный, пропустив последнее её замечание мимо, – помогают! А вот ты государству помочь не хочешь, – уполномоченному и председателю сельсовета кажется, что найден самый веский довод, и Глаша, сражённая им, сдаётся и подпишется на установленную ей сумму займа. Но не тут-то было! Глаша не сдаётся!

– Как же я не помогаю? А 150 рублей я же даю, чего ещё надо? Хватит с меня.

Уполномоченный понимает, что он находится на исходной точке, что весь разговор надо начинать с начала и переключается на другого, временно оставив Глашу в покое. Но только временно! Если тот, другой, подпишется, его будут приводить в пример Глаше. Если нет, всё равно снова возьмутся за Глашу. И она подпишется, может быть и не на 300 рублей, но и не на 150, а рублей на 200–250.

Подобный разговор происходит и с другими, с некоторыми изменениями. Когда терпенье уполномоченного иссякает, и он, сам того не замечая, начинает горячиться или повышать голос, кто-нибудь из присутствующих колхозников, как пра-

вило из числа женщин, произносит: «Да что же это такое? Силой заставляют подписываться, а ещё говорят, добровольная подписка».

– Добровольная, но обязательная, – говорит уполномоченный.

– А раз добровольная, то должен ты подписывать на столько, насколько я желаю, а не ты.

– На сколько ты желаешь? На 200 рублей? – начинает горячиться уполномоченный, – не нужны государству твои 200 рублей, проживёт оно без них, обойдётся, но и ты не обращай к государству.

– Я не обращаюсь, – следует ответ.

– Это как же вы не обращаетесь? – не в первый раз начинает разяснять уполномоченный, – железо, гвозди, керосин кто даёт? Не государство что ли? Машины, тракторы на ваших полях работают, кто их даёт? Не государство? Наконец, почти каждый год государство даёт вам семенную ссуду на посев, это что? А в случае неурожая или стихийного бедствия, куда будете обращаться?

– Это верно, что семенную ссуду мы берём, – включаются в разговор мужики, – так осенью от нас семена увезут, а весной дают их как ссуду.

– Кто это увезёт? – спрашивает уполномоченный.

– Да сами же и увозим, ещё и в очереди стоим полдня, чтобы сдать, а весной сами же везём обратно по самому бездорожью, в распутицу.

Разговор задевает самые жгучие, большие вопросы, и мужик не может остановиться:

– Машины тоже, те же тракторы, работают, верно, но, сколько мы за них платим, за их работу? Обрабатывают землю трактором, так весь хлебшко и заберут за него. Себе ничего не остаётся. С приусадебного участка тоже отдай хлеб, мяса 40 кг, молока, яиц, шерсти. Чем же жить? Мануфактуру не продают, свою одежду производить не из чего. Лён сеять запретили на приусадебных участках, ходим в лохмотьях.

В разговор вступают другие. Жалобы на жизнь, на горькую долю льются потоком. Уполномоченный про себя отмечает справедливость жалоб, но сделать он ничего не может и потому, хлопнув ладонью по столу, говорит:

– Тише, товарищи! Мы отклонились от вопроса о подписке займа. Елькин Арсентий Александрович! Подписываем на 350 рублей

– Пишите! – неожиданно соглашается Арсенья.

– Вот, товарищи, видите? – обрадовано говорит уполномоченный, – сразу видно, что сознательный человек, понимает политику партии и правительства.

Уполномоченный не знает, что сознательный Арсенья не всегда выплачивает ту сумму, на которую подписывается. Сумма подписки иногда корректируется с обеих сторон.

Однажды для проведения подписки приехала женщина. Она

гладко выступила, разъяснила необходимость подписки на заём (хотя подписку проводили каждый год в течение не одного десятка лет, все начинали подписку с этого). И, заканчивая своё выступление, сказала: «Наши колхозники, я д-д-у-у-у-у-умаю, как один подпишутся на заём и тем будут способствовать укреплению нашего государства». Года два, а может и три колхозники-мужики потешались над выражением: «наши колхозники, я д-д-у-у-у-у-умаю». Подписка была такой же, как и в прошлые и последующие годы, и ничего этакого не запомнилось, кроме этого выражения.

В школе

1 сентября 1929 г. в возрасте шести лет я пошёл в школу, в первый класс. Вернее, я пошёл не в первый класс, а так, в качестве вольнослушателя, как бы в подготовительное отделение. Пошёл с большой радостью, надеждой перемены всей моей жизни, с надеждой познания окружающего мира. В школе училась моя старшая сестра Катя. И, чтобы я не болтался зимой дома без дела, не баловал, не озорничал, не мешал деду и дяде работать, решено было, что я один год, вернее зиму, похожу с сестрой, а уж на следующий год пойду в первый класс. Однако я выказал усердие и был переведён во второй класс.

Провожая меня в школу, бабушка встретила с учительницей

Евгенией Петровной Шатуновой и просила её обходиться со мною помягче, потому что я ещё мал и в том году болел. Просьба бабушки имела под собой основания. Молодая, полная и статная, красивая Евгения Петровна слыла свирепой учительницей. И не напрасно. Мне плохо давалось написание букв. Евгения Петровна подходила к моей парте, прописывала в начале строчки в тетради, например, букву «Д» и предлагала написать такие буквы в одной, а то и в двух-трёх строчках. Я старался, как мог, но когда учительница подходила снова ко мне, в строчках были написаны буквы, лишь отдалённо напоминавшие букву «Д», или вовсе на неё не похожие. Это выводило учительницу из себя, она брала карандаш, снова прописывала букву «Д», зашпикивала двумя пальцами волосы у меня на лбу и тянула их вниз, клоня мою голову к тетради и говоря: «Разве непонятно, что писать надо вот так». После этого она ещё раз писала букву «Д» в моей тетради, бросала карандаш на парту, он со звоном летел на пол. Обидевшись, я сидел, склонив голову к парте, и не подбирал карандаш. С другого конца класса раздавался грозный голос учительницы: «Пётр, подбери карандаш!» Выдержав паузу, я поднимал карандаш и не писал до конца урока.

Зато читал я хорошо. Правда, не очень быстро, но громко и раздельно. Арифметика тоже мне давалась. А вот почерк я выработал

только к 6 или 7 классу, и то более или менее.

В четвёртом классе сидел два года. И не только я, а весь класс. Учителями тогда были у нас в школе два молодых парня. Учились ли они где-нибудь специально, я не знаю. Вряд ли. Это были парни из соседней деревни Добряки (Михаил Илларионович Соболев) и из села Рябово (Морёнкин – имени не помню). Эти парни часто пропускали уроки, опаздывали на 1–2 часа, чему мы были несказанно рады. В результате такого обучения весь класс наш был оставлен на второй год, а учитель наш М. И. Соболев был осуждён на два года лишения свободы.

Школа в нашей деревне Малый Кунгур расположена была от нашего дома через один дом. За 5–7 минут я мог дойти до школы, раздеться и успеть на урок. В то время как других детей привозили на лошадях из других деревень за 3–5 км, в том числе и малышей-первоклассников. Разумеется, возили не каждый день, а раз в неделю. На выходные увозили домой. Это зимой, а летом они убегали сами. Неделю они жили на квартирах, а часть – в общежитии при школе. Вечерами я иногда бегал в общежитие пошалить, послушать сказки. От общежития была отгорожена дощатой заборкой комнатка для техслужащей, и зимой иногда здесь же варили в котле горячие завтраки. Котёл был устроен в общежитии. В два яруса стояли нары, и у изголовья лежали пожитки уча-

щихся и свёрнутые постели. Шум и гвалт стоял постоянно. Окрики технички водворяли тишину ненадолго. В последующие годы общежития не стало, и учащиеся дальних деревень жили на частных квартирах в нашей деревне.

Стабильных учебников не было. В первом классе был учебник «Ясное утро», во втором классе – книга «Новая деревня», а там – учебник «Два мира» и т. д. На учебники и тетради нужны были деньги, которые дед давал со скрипом. Бабушка моя не раз просила для меня у деда несколько копеек «на петрадки парню». Надо было ещё носить свой пузырьёк с чернилами и ручку. Холщовые сумки наши, где мы носили книжки, тетради, чернильницу и ручки, всегда были в чернильных пятнах. И не только сумки, но иногда и штаны, и пиджаки. Сумки эти иногда являлись грозным оружием в драках с другими мальчишками, и тут уж забывали о том, что в сумке чернильница с чернилами.

Но вот повторно окончен четвёртый класс, ближайшая неполная средняя школа (семилетка) в селе Мудрово в 15-ти км от нас на пути в Зуевку. Такая же школа тоже в 15-ти км была и в селе Мухино, и в селе Каринка. В Мудровскую школу направляли нас потому, что райцентр был в Зуевке. Туда постоянно ездили то сдавать зерно, то лён, то оттуда что-нибудь везли. С попутными подводами можно было послать ребёнку хлеба, картошки, молока.

Поездки чаще случались осенью. Зимой ездили меньше, и тогда приходилось нести на себе за 15 км провиант на неделю. На выходной день приходили домой. Осенью и весной каждую неделю, зимой через две-три. Каждый понедельник рано утром, с расчётом, чтобы к 9 часам утра успеть на уроки. И поспевали! Осенью в слякоть, по тонкому снегу, весной в распутицу, через одну-две недели, мы бежали домой в субботу, и в понедельник снова шли в школу с котомками на плечах, в лаптях, в домотканой одежде, иногда в дождь.

Училось нас человек пять-шесть. Иногда по тонкому снегу, особенно при луне, мы выходили из дома рано утром, задолго до рассвета. Мы успевали пройти 9–10 км, когда рассвет только начинался. В пути делали небольшие привалы, садясь на упавшее дерево в лесу или на завалинку у дома в деревне. Через 9 км на пути у нас в деревне Уховщине жил мой дядя Никифор и его жена тётушка Микишиха, или Анна Прохоровна Ложкина, а ещё через версту, в деревне Старина жила ещё одна тётушка Машуня и её муж дядя Яков Климентьевич Махнёвы.

По пути в Мудрово я заходил к Анне Прохоровне. Ни минуты не находясь в покое, она, собирая есть, спрашивала о матери, её здоровье, жалела её, рассказывала свои новости. Не желая обременять своим посещением тётушку, я не всегда заходил к ним. Иногда мы проходи-

ли мимо. Если она видела меня на улице, кричала из окна или выскакивала на улицу и звала к себе. Не всегда я заходил к ней, но такое её внимание трогало меня до глубины души. Ни разу она не высказала недовольства на то, что я захожу вместе с ребятами в избу, и что после нашего посещения на полу остаются лужицы воды от лаптей, а если не настать, то и грязь.

Хорошо относилась ко мне и другая тётушка – сестра моего отца Марфа Меркурьевна Махнёва из деревни Старина. Однажды в распутицу глубокой осенью, весь промокший и озябший, я зашёл к ним погреться. Она не отпустила меня домой, а в понедельник испекла хлеб, положила мне на неделю его в котомку и отправила обратно в Мудрово, которое было от них всего в 5-ти верстах.

Позднее, когда мы очень голодали, тётушка Машуня приходила к нам в гости и иногда приносила с собой хлеба. Слов нет, обе тётушки жалели нас и помогали, как могли. У них самих были большие семьи, которые в то время было не просто прокормить. Мы же были постоянно на грани голодной смерти. Мне становилось жутко и тоскливо осенью, когда мать, придя с собрания, заявляла, что на трудодни в колхозе вряд ли что дадут больше того, что дали авансом во время уборки. На усадьбе сеяли мало из-за отсутствия семян весной, из-за этого же мы мало сажали картошки. Беспокойст-

во матери: «Как будем жить? Как пускаться в зиму?» – имело под собой основание.

Мать не отказывалась ни от какой работы. В дождь ли, в снег ли, когда никто из колхозников, даже из мужчин, не только женщин, не выходил на работу (а колхозному скоту надо было подвозить корм с поля), мать с конюхом Ильёй Егоровичем ехали и везли корм. При этом Илья Егорович одевался в плащ-дождевик с капюшоном, иногда в сапоги, а мать в лаптях, в худой, износившейся оболочке ехала в снежную муть. Приезжала она вся иззябшая, раздевалась, снимала лапти, лезла на печь и грела мокрые ноги. До сих пор удивляюсь, как ей доставало сил и здоровья. Сама она утверждала, что это бог даёт ей силы и здоровье, чтобы воспитать детей-сирот.

Мы помогали ей, как могли. Работали в колхозе, но трудодни ничего не значили, на них невозможно было прожить, а заработать на стороне мы ещё не могли.

Мать постоянно говорила нам, чтобы мы не ссорились с соседями, не грубили им, выполняли бы их посильные поручения и сносили обиды. Сама мать была безответной. Зимой она через одну-две недели ходила к председателю колхоза и просила выписать со склада муки. Давали понемногу, килограмм по четыре, шесть, восемь. На семью в шесть человек этого было мало. Хлеб не стали печь, а мать дважды в

день варила лапшу, когда была картошка, с картошкой. Несмотря ни на что она держала корову. И за счёт её выплачивала налоги, особенно на мясо – 40 кг. Его выплачивали, сдавая телёнка, сами были без мяса.

Жизнь неоднократно показывала правоту матери. Однажды летом несколько мужиков, уже выпившие, решили выпить ещё. В своей лавке водки не было, и сосед Арсения предложил мне сбежать в село Рябово за водкой. Был конец лета и конец дня. Я опасался, что обратно придётся бежать в сумерках через перелески, побаивался этого и не пошёл. Рассказал об этом матери. Она, не упрекая меня, сказала: «Надо бы уж сходить». Вскоре после этого на трудодни авансом давали рожь. Матери досталось пуда четыре. Она насыпала всё это в один мешок и решила унести домой. Склад тогда был у Фёдора Дмитриевича на усадьбе, в его амбаре. Нести надо было метров 200. И вот, не доходя метров 40–50 до дома, мать почувствовала, что нести больше не может, поставила мешок на завалинку соседнего дома. Отдохнув, поднять его уже больше не могла и заплакала. Мимо проходил сосед Арсения. Он заметил плачущую мать, подошёл к ней: «Что случилось, кума? Почему ты плачешь?» Мать объяснила, что не может поднять мешок. «Э-э, – протянул он, – было бы из-за чего плакать». Он легко взял мешок на плечо, принёс его к нам в ограду и в амбар. Мать его благодарила,

а он, махнув рукой, ушёл по своим делам. Мне был дан урок.

Был и другой случай. Примерно в 1936 или 1937 году колхозники получили на трудодни граммов по 200 зерна, в основном авансом. При расчёте получать было нечего. Мужчинам, кто мог и кто хотел, давали справки для отходничества на зиму. На заседании правления председатель и Семён Степанович Елькин предложили оставить в колхозе постоянные кадры – конюхов и доярок. Особо нуждающихся авансировать всю зиму. Матери предложили работать конюхом. И хотя это была в то время не женская работа, она согласилась из-за авансирования. Правда, аванс этот был так мал, что мы только что не умирали от голода. Три раза в день, а иногда и два раза мать готовила для нас лапшу с картошкой или с молоком (корова у нас была).

Конный двор был рядом, в ограде соседа Андрея Афанасьевича Кощева. Вторым конюхом (всего было двое) был Илья Егорович, но его не авансировали, так как они жили вдвоём, хлеб имели. Боясь ходить в тёмное время суток на конный двор, мать иногда очень рано утром брала меня с собой, и я стоял с фонарём летучая мышь и светил ей, а она делала лошадям заварку. Иногда я приносил ей горячей воды из котла. Иногда среди дня я ходил и проводывал лошадей: не вырвались ли они из стойл, подбрасывал им соломы – овсянки. Однажды

я увидел, что по конному двору ходит мерин по кличке Моряк. Я знал, что его место в хлеве. Я поймал его и повёл за чёлку на своё место. Но, когда открыл хлев, там оказалась жерёбая кобыла Пчёлка из группы Ильи Егоровича. Я вывел кобылу и поставил туда Моряка, а Пчёлку поставил в стойла. Вечером, когда пришли снова кормить лошадей, Илья Егорович возмущался, что какой-то леший выводит кобылу из хлева, и спрашивал, кто бы это мог быть. Я не стал скрывать и сказал, что хлев предназначен для лошадей из группы матери, а в его группе есть другие хлевы. Он меня начал ругать, при этом я огрызался. Мать крикнула на меня, чтобы я прекратил возражать, и даже пыталась дать мне подзатыльник, но я увернулся, однако замолчал.

Вскоре нас опять настиг голод. Авансирование производилось не регулярно и не в определённом размере. Мы два дня уже ничего не ели. Мать со слезами на глазах ходила к председателю и просила хлеба, но муки на складе не было. Размалывать зерно нужно было везти на далёкую мельницу. Своей тогда ещё не было, её построили позднее. Нам дали подсыпку (грубый размол из отходов зерна). Но кончилась и она, а муки всё не было. Молока зимой тоже не было. Мы ходили, как тени. Я в тот год не стал учиться после окончания 6-ти классов, так как с собой брать было нечего. Однажды к нам зашла Настасья Осипов-

на – жена Ильи Егоровича. В разговоре мать рассказала, что мы опять уже не ели дня два, и есть нечего. Бледные, измождённые, мы сидели молча на лавках и, должно быть, представляли жалкое зрелище. Они обе заплакали, глядя на нас, четверых детей. Настасья ушла, а через некоторое время она пришла, подпоясанная фартуком. И под ним принесла ярушник хлеба и 2–3 кг муки. Мать не находила слов, как её поблагодарить. Я и сейчас с благодарностью вспоминаю эту добрую женщину, которая спасла нас, если и не от голодной смерти, то выручила в трудную минуту.

Так мы дожили до 1937 года. Осенью этого года колхоз собрал обильный урожай. На трудодни раздали много хлеба, на каждый трудодень по 7–8 кг. Но дед уже не дожил до этого благословенного времени. Бабушка умерла 15 января 1935 года, а дед в январе 1937 года, через два года. Бабушка заболела чем-то, стала пухнуть и умерла дома. Лечили её дома, сажая в кадушки с конским помётом, распаренным в горячей воде. Дед заболел дизентерией, кровавым поносом, истощал, да и кормить его кроме лапши было нечем. И так во время болезни и умер. Похоронили его с бабушкой рядом, на кладбище в селе Рябово. Обоим поставили деревянные кресты. Но, когда лет через 20 я был на кладбище, крестов уже не было, а в следующий раз в 1984 году я на кладбище не нашёл и их могил. Прошло почти

30 лет. До 1954 года я знал их могилы и бывал там.

Я сгораю от стыда перед умершими такими дорогими мне людьми, как отец, как бабушка, дед. Стыжусь того, что не нашёл свободного времени для того, чтобы сходить на кладбище, подправить могилы, поставить новый, более прочный памятник, хотя бы один на всех.

Мать и тётушка Машуня в последнее время знали место захоронения отца, бабушки и деда примерно. Они тоже ходили редко. Конечно, ходить туда или ездить было непросто. Вдали от районного центра (в 35-ти км), по бездорожью. Но это оправдание для тётушки и матери. Но не для меня. Хотя бы раз в год я должен был бывать на этих дорогах мне могилах. Расплачиваюсь теперь за это угрызениями совести.

Один год я вместе с другими учениками жил на частной квартире, а затем в общежитии. На квартире пришлось проживать в деревне Веденицы, примерно в 1,5 км от села Мудрово у Афанасия Фёдоровича, который жил вместе с сыном Алексеем, его женой Тасей, а у тех было 4 или 5 детей. Вместе со мной жил мой закадычный друг Илья Дмитриевич Кошеев, а также ребята из соседних деревень: Талицы, Мартеловцев и др. Семья, где мы жили, была недружной, из-за чего-то происходили постоянные ссоры между хозяйкой Тасей и её свекровью, да и свёкром. Сын Алексей не

вмешивался в эти ссоры. Нас они также мало касались.

Помнится, в одну зиму, это примерно в 1936 году, соседская девчонка Е. С. Елькина (или, как мы её звали, Лиза Серьгина), стала работать в Мудровской НСШ техслужашей. Вскоре туда же поступила сестра моего друга Ильи – Агния (дома её звали Агнёша, и позднее она переименовала себя в Галину). Через некоторое время сюда же поступила техслужашей моя сестра Катя.

К нам в деревню Малый Кунгур в начальную школу присылали, как правило, молодых девчонок учительниц. Они вместе с нашими сёстрами бегали на вечеринки. Называли их деревенские девчонки по имени, редко по фамилии и отчеству: Маруся Бабинцева (Мария Георгиевна), Нюрка Одинцова (Анна Дмитриевна) и т. д. В Мудрово было не то. Здесь были хотя и молодые, но более солидные учителя, семейные, и такой фамильярности не позволяли. Среди учителей была супружеская пара Рудиных: она – Агния Васильевна, маленькая худенькая женщина, и он – Николай Иванович, нормального роста, но по сравнению с женой казавшийся высоким.

Моя сестра Катя, пришедшая работать в Мудровскую школу позднее других, увидев как-то утром Агнию Васильевну, поздоровалась с нею так же, как здоровалась дома с молодыми учительницами начальной школы: «Здравствуйте, Агнушка!»

«Агнюшка» вскипела. Она была оскорблена и возмущена таким обращением, отчитала сестру. Катя, разумеется, так больше не обращалась, но мы нет-нет и произнесём, бывало, с ехидцей, лукаво поглядывая на неё: «Здравствуйте, Агнюшка!». Она не обижалась и, смеясь, объясняла, что решила назвать её так из-за её маленького роста.

Осенью 1936 года я заболел дизентерией, в учёбе отстал. К тому же это был год неурожайный, голодный, особенно для нас. Везти продуктов с собой было нечего, и я не стал учиться.

Осенью 1937 года я решил снова учиться и окончить 7 классов. Мать не возражала, и весной 1938 года я окончил семилетнюю Мудровскую школу. Тогда же мне сшили костюм из тонкого сукна, снятого с отцовской шубы-борчатки. В этом костюме я осенью 1938 года приехал в Киров поступать в Кировское трёхгодичное педучилище, располагавшееся на ул. Октябрьской. В связи с этой поездкой бабушка мне отдала свои единственные кожаные ботинки. Денег не было, и я сдал имевшиеся облигации государственного займа на 30 руб. (их принимали в сберкассе с оплатой 30 %).

Поступить не смог, возвратился в деревню не солоно хлебавши. В городе я увидел жизнь более лучшую, ни в какое сравнение не идущую с деревенской. Городские рабочие регулярно каждую неделю имели выходные дни. В эти вы-

ходные дни они могли переодеться в чистую одежду, сходить в кино, в сад им. Степана Халтурина или в Заречный парк, а то и просто походить по магазинам, посмотреть, что есть в них. Регулярно они получали и зарплату в определённом размере.

В колхозе всё было наоборот. Весной, летом, осенью работали без выходных дней. Выходные дни давали изредка, между сменой сельскохозяйственных работ. Например, после посева, после сенокоса, после уборки. Заработок не был определённым. На трудодень можно было получить 3–5 кг зерна, что бывало чрезвычайно редко, а можно было получить всего 200–300 г. И это ведь не хлеба, не муки, а зерна. Мужчина мог заработать при добросовестной работе 300–500 трудодней в год, женщина – 200–350 трудодней. Мать у нас зарабатывала трудодни примерно наравне с мужчинами, но... получать было нечего.

В городе хоть изредка, хоть в очередях с боем, но можно было купить какую-нибудь одежду. В деревне – ничего. Я тогда уже стал понимать, что пролетариату был смысл устанавливать свою диктатуру в стране. Даже в те годы, когда в колхозе удавалось получить хлеб, он становился дешёвым. Чтобы заплатить налоги, надо было его много продать. Но даже при наличии хлеба, молодёжи в деревне, кроме вечеринок раз в неделю, некуда было выйти. Кино привозили чрезвычайно редко, один-два раза в зиму, стационарных

установок в деревне не было, радио не было. Скука страшная! Если кому-нибудь из молодёжи удавалось устроиться на работу в городе, он уже не возвращался в деревню. Наоборот, приезжая к родителям на побывку или в отпуск форсисто одетым, он демонстрировал своё благополучие, порождая зависть других и их стремление тоже уйти из колхоза. Так начался отток рабочей силы из деревни. Он значительно возрос, когда помимо полевых работ летом и осенью без выходных дней, зимой колхозников посылали на лесозаготовки, где они в антисанитарных условиях при плохой организации работы и питания, ничего не зарабатывая, рвали свою одежду. С целью уклонения от лесозаготовок стали уходить из колхоза целыми семьями.

Попытки объяснить отток рабочей силы из деревни только войной необоснованы. Он бы продолжался и без войны и, несмотря на всякие препятствия, продолжался бы до критического состояния.

Несмотря на значительный отток рабочей силы, в деревне до войны люди ещё были. Молодёжь, особенно подрастающие юноши, многие уходили от родителей в город неохотно, с трудом отрываясь от дома. Это до войны.

Юность

Итак, осенью 1938 года я возвратился в деревню после неудачной попытки поступить в педучилище

в г. Кирове. Я пытался было поступить там на работу, но мне было 15 лет, меня никто не принимал. Я возвратился в деревню Малый Кунгур, в свой колхоз.

Но, пока я находился в г. Кирове, сдавая экзамены, я разыскал и посетил деревенских соседей, родственников, которые уехали в Киров из деревни на жительство ранее. Одним из первых я навестил бывшего своего друга Васю Баталова, или, как мы звали его в деревне, Васю Ермишина. В Киров Вася уехал вместе с отцом, матерью и двумя сёстрами, года два-три назад. Сам он был на год или два старше меня, и в деревне о нём было много разговоров. Мужики нашей деревни зимой иногда ездили на подводах в Киров продавать продукты сельского хозяйства: мясо, мороженое молоко, масло, муку (у кого они были). Приехав домой, с удивлением обсуждали, что Васю видели в одном из магазинов, где он работал учеником продавца. Был он в белом халате, в чистой одежде, в тепле, в то время как дома он ходил в лучшем случае в старых подшитых валенках зимой или в лаптях, в одежде из грубой ткани.

Дело в том, что семья Баталовых была одной из беднейших в деревне. Отец его, Ермолай Иванович, пришёл в дом вдовы Домны, у которой от прежнего брака была дочь Маня. В хозяйстве Домны до Ермолая была лошадь, корова, овцы, куры. Ермолай не приумножил хозяйство,

а стал часто выпивать, работал не очень прилежно. В семье со временем появились ещё дочь Евфросинья и сын Вася. Семья стала беднеть. Продали корову, а затем и лошадь, не говоря уже о мелком скоте. К моменту коллективизации семья Баталовых была одной из самых бедных в деревне, а Ермолай был одним из членов комитета бедноты, активно боровшегося за создание колхоза. Какое-то время он был даже председателем колхоза (колхоз состоял из жителей одной деревни), но за пьянство, неумение вести хозяйство был снят с должности, а вскоре вместе с семьёй уехал в Киров.

Вася был самым младшим в семье и был любимчиком, которому многое прощалось. В школе он учился раньше меня на несколько лет, но начальная школа была у нас в деревне, после занятий и в летние каникулы мы играли вместе, человек 5–6 разных, но близких по возрасту. В последующие годы соседи, ездившие в Киров, привозили недобрые вести о Васе. Говорили, что он связался с жуликами, стал красть водку, выпивать с ними, и его уволили из магазина. Говорили также, что Вася, ещё работая в магазине, клал бутылки с водкой в сквозную нишу в стене магазина, а его товарищи снаружи вытаскивали их, что их разоблачили, а Васю выгнали. Соседи искренне сокрушались и осуждали Васю, говоря, ему ли было не работать тут, в таком месте, где он найдёт лучше? Нигде.

Когда я зашёл к Васе, он уже не работал в магазине и вряд ли где работал вообще, так как я пришёл тёплым солнечным днём, когда он должен был бы быть на работе. Вася был обут в сандалии, в хлопчатобумажные брюки тёмного цвета, синюю рубашку. Что бросилось мне в глаза, это неумело сделанный шов на разорванной от груди до подola рубашке. Я тотчас представил, что рубашку он разорвал в пьяном виде, выражая своеобразный протест на неудавшуюся жизнь, горечь от бессилия исправить что-либо теперь, боль от понимания, что и впереди ему мало что светит.

За время, что мы не виделись, он значительно вырос. Раньше мы были почти равными по росту, теперь же он был почти на голову выше меня. Я сказал ему, что он подросток, и предложил встать рядом со мною. Он хохотнул, но встал, и большая разница стала заметна. Разговаривая с ним, меня так и подмывало спросить его, правда ли, что он связался с жуликами, но я не решался. Я опасался, что он обидится, накричит на меня, и я буду жалеть о том, что незаслуженно его обидел. Наконец я решился и спросил его так: «Вася, в деревне говорят, что ты связался с жуликами, правда ли это?» Я напрягся и ждал, как он отреагирует. Но он спокойно ответил: «Да с какими жуликами, просто с ребятами». Я подумал про себя, что он ведь и сам стал жуликом, поэтому они для него ребята. Хотелось мне

спросить также, почему и при каких обстоятельствах он порвал рубашку. Что он порвал её сам, а не кто-либо другой, у меня сомнений не было. Но на это я уже не решился.

Как рвали рубашки пьяные мужики и на себе, и друг у друга, я уже не раз видел в деревне, а, забегая вперёд, скажу, что и сам позднее порвал две рубашки, причём одна из них была крепкая армейская гимнастёрка. Я хорошо помню при этом, что я чувствовал перед тем, как порвать рубашку. Было это в тех случаях, когда я выпивал лишнее. В груди у меня что-то теснило, при этом вспоминались самые неудачные дни в моей жизни, старые обиды, за которые я не мог отомстить кому-то конкретно. В то же время я уже чувствовал силу в себе, способную отомстить обидчику, а так как обидчика поблизости не было, руки тянулись к вороту рубашки... Треск! И рубашка становилась распашонкой.

Зашёл я затем в какой-то день и к другому своему другу Мите Шатунову. С Митей мы познакомились, когда и он, и его родители жили уже в Кирове, но почти каждое лето он с кем-нибудь из родителей или со старшим братом Николаем приезжал к нам в деревню, где ранее жили его дед Дмитрий, отец, мать, и где оставался жить их дядя Николай с семьёй. У Дмитрия Шатунова, его деда, было двое или трое сыновей. Перед смертью отца они собрались у него, и Дмитрий

стал высказывать каждому пожелания и советы на будущее. Старший сын уже жил в городе своей семьёй, о нём дед много не говорил. Николай ещё был молод, жил в деревне, и отец наказал ему тут и жить, вести хозяйство. Матвей был помощником писаря в волостном правлении. Отец запнулся, на некоторое время задумался, а затем, махнув рукой, слабым голосом сказал: «Пиши, Матвей!». Острословы подхватили фразу, и часто перед тем, как заставить кого-то, уже в колхозе, писать протокол или другие документы, кто-нибудь непременно произносил: «Пиши, Матвей!»

Вспоминали и другое изречение Дмитрия Шатунова, который однажды в пьяном виде обратился к своей жене:

— Катерина, любишь ли ты меня?

— Люблю, люблю, — отвечала та скороговоркой, занятая работой.

— Любить ведь меня и надо. У меня две кобылы, две коровы.

Ещё до коллективизации Матвей уехал с семьёй в Вятку, работал в какой-то организации бухгалтером, прожил там всю жизнь. Николай остался в деревне, вступил в колхоз, работал. Но ещё до войны, в 1938 году также уехал с семьёй в г. Киров и первое время жил на квартире брата Матвея.

Когда я, разыскав Митю, пришёл к ним, Николай Дмитриевич был у них. Митя был мой ровесник, и Николай, увидев меня, спросил, как я оказался в Кирове. Я сооб-

шил, что по окончании 7 классов приехал поступать в педучилище. Он присвистнул и сказал: «А ведь Митя у нас окончил всего 5 классов. Ты у нас, Митя, семь-то классов окончишь годам к тридцати». Николая Дмитриевича я видел здесь последний раз. С началом войны он был призван, как и другие, в армию и пропал без вести. Между прочим, в деревне он отличался от других мужиков. Он был гармонист и имел гармонь. Летом, в свободный вечер, оставив красавицу-жену Анну дома, он уходил на угор и для молодёжи играл на гармошке. Рассказывали мужики, что как-то, возвращаясь домой с гармошкой, играя, он спел частушку под окном квартиры участкового милиционера про милицию и про позицию. Частушка была скверной, и на следующий день участковый милиционер Филипп Ильич наказал его штрафом в 3 рубля

Про Митю Николай говорил, что он лентяй, не учится, как следует, всё время бегает по улице с такими же, как и он, сорванцами. Соседи рассказывали, что отец маленького Митю выпустил из рук, а когда хотел снова «взять в руки» и брался за ремень, Митя грозил пойти в милицию, заявить об избиении, и у отца опускались руки. Приехавший к ним Николай Дмитриевич пригрозил Мите побить его ремнем, если тот не возьмётся за ум. Митя и ему пригрозил милицией. Николай вскипел и, схватив ремень, выпорол его, приговаривая:

«Я тебе покажу милицию». После этого Митя якобы боялся и слушался одного Николая.

Посетил я ещё двоюродного брата Дмитрия Никифоровича Ложкина, жившего в Кирове. Жили они, кажется, на частной квартире, а может быть и нет. Пожалуй, нет. Жили вдвоём с женой Натальей Афанасьевной. Был по-летнему солнечный, тёплый день. Дмитрий в рубашке с коротким рукавом, в вязаной тубетейке с кисточкой на голове играл в бильярд во дворе дома под деревьями. Не прерывая игры, он как бы обрадовался нашей встрече, стал расспрашивать меня о матери, о её здоровье, о детях, спросил, как я оказался в Кирове и так далее. И старший Дмитрий, и его братья (а их было пятеро), и сёстры (их тоже было пятеро) при встречах с матерью подробно расспрашивали её о житье-бытье, жалели её и нас и, когда представлялась возможность, оказывали помощь. Эта забота о нас, отношение к нам, по-видимому, передалось им от отца и матери. Их отец, Никифор Ананьевич, был старшим братом моей матери. Исключение составлял один из их детей – Михаил, который не был сентиментальным, в обращении был грубоват, возможно и показной грубостью. Эта семья Ложкиных была на редкость дружной. Дмитрий, а затем другие братья и сестра Таисья, все они переехали постепенно в г. Киров, помогая друг другу в переезде, трудоустройстве.

В конце концов, они увезли в Киров и свою мать (отец умер ещё до войны). Один из её сыновей Василий погиб на войне. Все они ещё до войны оказались в Кирове, исключая некоторых дочерей, которые вышли замуж раньше и жили своими семьями в деревнях. На прежнем месте в деревне Уховщина осталась жить дочь Анны Прохоровны Анюта, которая была выдана замуж в деревню Дожжи. После того, как тётушка моя Анна Прохоровна Ложкина уехала в Киров, её дочь Анюта с мужем купили этот дом и жили в нём продолжительное время, вплоть до старости.

* * *

Дома в деревне я проработал год. Кончалось голодное босоное детство, начиналась не менее трудная, тревожная юность.

Мечта учиться, мечта получить хорошую специальность не покидала меня. Я не мечтал стать пилотом, инженером и ещё кем-то. Жизнь в деревне становилась всё невыносимей для меня. Имевшаяся одежонка изнашивалась, купить что-либо для себя было нигде и не на что. Мануфактуру и обувь у нас не продавали. Приходилось носить домотканую грубую одежду, которая быстро линяла и становилась неопределённого цвета. А мне шёл 16-й год. Ещё труднее было старшей сестре Кате. Девка была, как говорят, на выданье, ей шёл 20-й год. А одежды никакой.

1937 и 1938 годы были урожайными, с хлебом и с питанием стало лучше, но с одеждой была неразрешимая проблема. Что-либо купить можно было, хотя и с трудом, в больших городах (рабочий класс снабжался). Помню, как доведённые до отчаянья более активные мужики деревни писали письмо куда-то в Москву, вероятно в правительство. В письме были такие слова: «...Мы совершенно обносились и ходим в лоскутках». Очевидно, письмо возымело действие, так как после этого раза два приезжали торговать мануфактурой. Первый раз торговали в магазине, но тогда очередь раздавила деревянный прилавок. Второй раз мануфактуру продавали из окна кирпичного здания сельсовета. У нас, как всегда в таких случаях, не оказалось денег. Мать срочно бежала к соседям – от одного к другому, пытаясь занять. Иногда занимала, но мало. Мануфактура распределялась по хозяйствам, определённое количество метров, но из-за отсутствия денег часть положенного приходилось отдавать другим, иногда тем, кто одалживал деньги. И опять мать плакала навзрыд, оглядывая свои скудные покупки. Всем не хватало даже по рубашке. Себе она уже ничего не шила, отдавая всё нам – детям.

Зимой 1938 года, в конце года, сестра Катя, которой было лет 19, и у которой одежды тоже не было, с согласия матери по договору набора вместе с другими девчонками и парнями завербовалась и уеха-

ла в г. Ленинград на шесть месяцев с намерением заработать и одеться. В этой же группе работали Филипп Яковлевич Ожегов, Фёдор Игнатьевич Брызгалов.

Катя приобрела кое-чего себе из одежды. Кроме того, послала в посылке нам, её братьям, полусукна на брюки, по рубашке, мне – хотя и поношенные, но крепкие коричневые ботинки. Правда, они были мне чуть малы, жали ноги, но я не обращал на это внимания. Мы были ей безмерно благодарны. Вот в этих-то полусуконных брюках я и отправился из деревни Малый Кунгур в г. Киров в конце 1939 года. Уехал с боем, со скандалом.

С Катей из деревни уехала Евфросинья Дмитриевна Кощеева, сестра моего друга Ильи. Возвратились они позднее других, в конце лета, и обе заговорили о свадьбе.

Осенью 1939 года Катя вышла замуж за Степана Ивановича Ожегова в соседнюю деревню Мартеловцы. Степана я знал и до этого. Ему почему-то было прозвище – Потка. Потками у нас называли маленьких птиц, названия которым не знали.

Сестра подружилась со Степаном, очевидно, в Ленинграде, куда он также ездил по оргнабору. Очевидно также и то, что у них уже была договорённость между собой о женитьбе, о совместной жизни. Парень он был хороший, один у отца-матери, но не неженка. Жили они материально несколько лучше дру-

гих, но у него, по мнению соседей, был один изъян. Ещё до поездки в Ленинград он имел связь с девушкой из своей деревни Анной Ложкиной, нажил с ней ребёнка. Ему были присуждены алименты на содержание сына.

Я помню вечер осенью 1939 года, когда к нам пришла сватья, моя крёстная Александра, Саня, дочь деда Миши (брата моего деда). Она на все лады стала расхваливать семью Ожеговых, при этом не скрывала, что пришла сватать Катю за Степана по его поручению. Мать поставила самовар, и разговоры велись за чашкой чая. Спиртного у нас, как мне помнится, не было. Конкретного ответа и согласия дано не было, но не было и отказа. Скорее всего, это была разведка. Мать ответила, что она ничего конкретного сказать не может, что это надо решать самой Кате. А если она будет согласна, мать возражать не будет.

Через несколько дней, вечером в сентябре, к нам пришёл Степан со своим отцом. Степан молчал, а отец его, по законам деревенской дипломатии, начал так: «Ну что, у вас есть товар, у нас купец. Мы пришли сватать вашу дочь». И начался разговор с предварительными вступлениями: «Да ведь это, как говорится...» и т. д. Согласие было дано после стыдливового согласия сестры выйти замуж. Были обговорены сроки и порядок свадьбы. При этом мать не скрывала своей бедности и невозможности сделать настоящую

большую свадьбу. Они, то есть Степан и его отец, сказали, что знают об этом и большую часть расходов на свадьбе возьмут на себя. Обещали купить Кате одежду: пальто, валенки и прочее.

Я лежал на полатах во время этого разговора. Спросили и моё мнение. Что я мог сказать? Мне было 16 лет, ничего я в этом не понимал, но понимал одно: что решается судьба сестры, что она не возражает выйти замуж, и меня спрашивает просто так, для формы. Поэтому я и сказал: «А я что, мне всё равно». Мать всплакнула. И договорённость была достигнута.

Свадьба была хотя и не шикарней, но по всем правилам деревенских обычаев. Степан мне понравился. Он обращался со мной, как с взрослым мужчиной, часто обращался ко мне, ходил со мной в магазин за покупками, и это меня подкупало, льстило мне. Он меня не обносил и чаркой вина во время свадьбы. А однажды во время свадьбы, заходя с улицы в избу уже к ним, предложил запеть песню. Во хмелю я согласился, и, заходя в избу, мы сразу запели: «Когда я на почте служил ямщиком...» Нас поддержали, песня удалась. Много лет спустя, да и теперь, в пьяном виде Степан, желая напомнить о былом, всегда спрашивает: «Слушай-ка, Петя, а какую песню мы с тобой запели на свадьбе?» В голосе его обычно стояли слёзы. Я называл. Он обнимал меня и предлагал спеть песню.

Вспоминая свою свадьбу, он всякий раз старался подчеркнуть нашу бедность того времени. Матери это не очень нравилось. Однажды, уже в Белой Холунице (я работал прокурором), разговаривая с соседом А. Н. Сорокожердьевым, в присутствии меня и матери он сказал, показывая на меня: «Вот ведь, из нищих вышел!» Было непонятно, то ли он ставил мне это в заслугу, то ли с обидой на меня. Матери это не понравилось. Она сказала: «Ой да, Степан, не на готово же мы были нищие!»

Но это было уже позднее, а до этого, уважая Катю, он принимал нас в гости радушно и угощал, не упрекая. Жить ему тоже приходилось непросто, воспитывая пятерых сыновей: Юру, Толю, Колю, Сашу, Витю.

Живя в деревне в 1939–1940 годы, я до того обносился, что кроме тех штанов из полусукна, которые прислала Катя, у меня не было другой одежды. В будни я носил штаны, сшитые из мешка, окрашенные химическим карандашом. Жить так в деревне было больше нельзя. Я решил уйти в город. Что буду делать в городе, я сам толком не знал, но знал одно, что хуже того, как я живу, мне уже не будет. Прочитав объявление в газете «Кировская правда», в августе 1939 года я подал заявление в ФЗУ при КУТШО (комбинат учебно-технического школьного оборудования) по специальности

слесаря. Мне предложили приехать в конце августа или в сентябре сдавать экзамены для поступления. Я стал просить документы в колхозе для получения паспорта.

Председателем колхоза был тогда Арсения, тот самый, что когда-то помог матери нести мешок с зерном. Лишних людей в колхозе уже не было, а наоборот, стала ощущаться нехватка. Во всех газетах, по радио (оно было уже в избе-читальне) говорилось о том, что у нас в Союзе принятой Конституцией (1936) гарантировано право на образование. Председатель колхоза Арсения дать документы категорически отказался. Мотивировал он это тем, что в колхозе уже мало людей, и отпускать меня (а со мной ещё уходил мой друг детства Илья Кошечев) он не имеет права. Мои ссылки на моё конституционное право учиться успеха не имели. Арсентий заявил так: «Если я нарушил Конституцию, пусть меня судят». Я обратился в сельсовет, но поддержки не получил. Тогда я обратился в Киров к областному прокурору, написал, что нарушается моё конституционное право. Прокурор области направил моё письмо прокурору района и сообщил об этом мне. Прокурор района вместо того, чтобы помочь мне, почему-то направил моё письмо в райзо (районный земельный отдел. — *Ред.*). Оттуда его направили в Сулаевский сельсовет. В сельсовете мне предложили взять заявление обратно и

«не рыпаться», — мне никто документы не даст. Круг замкнулся.

Именно тут я потерял веру в справедливость, во все конституционные права, провозглашённые для граждан Сталинской Конституцией. Все эти утверждения о гарантии прав сплошная демагогия, у нас по-прежнему существует крепостное право, только в завуалированной форме, украшенное цветистыми фразами. И все разглагольствования о правах, о демократии, о справедливости — это только мишура, рассчитанная на простачков (за исключением обязанностей граждан). Я и теперь убеждён, что у нас самое большое зло в общественной жизни — это разрыв между словом и делом, что свободы не соблюдаются фактически, хотя и провозглашены. Я и позднее видел разрыв между законом и практикой его применения.

По наивности своей я полагал тогда, что свобода выбора профессии, а тем более стремление учиться, гарантировано конституцией. И какой-то председатель колхоза не может в нарушение Конституции запретить мне учиться. Если же он нарушит Конституцию, он будет строго наказан, а мне немедленно дадут соответствующие документы. Увы! Говоря: «Пусть меня судят», — председатель колхоза прекрасно знал, что такое нарушение ему пройдёт безнаказанно. На мои жалобы он заявил: «Мало ли что записано в Конституции, это не про тебя». Гром не грянул, небеса

не разверзлись и не поразили грешников. Я был взбешён.

Пока я боролся за получение документов, срок прибытия на экзамены и начало учёбы в ФЗУ прошёл. Тогда мы вдвоём с моим другом детства Ильёй Дмитриевичем Кошечевым решили уйти из колхоза любой ценой. Ну, что значит «любой ценой»? Единственное, что мы могли сделать – это отказаться от работы в колхозе, вывести из себя руководство и добиться исключения. Около двух месяцев мы не выходили на работу, ходили в сельсовет, читали газеты, выдерживая отчаянный мат бригадира – моего дяди Александра Меркурьевича и председателя колхоза. Дядя однажды, выведенный из себя, пригрозил вышвырнуть меня из дома, но я спокойно парировал, что я не в его, а в своём доме, и вышвырнуть меня он не имеет права. Мать уговаривала меня приступить к работе, но я был непреклонен.

Наконец, вопрос об исключении нас из колхоза был поставлен на общем собрании. Нас ещё раз спросили, намерены ли мы работать в колхозе. Мы ответили, что не намерены. При этом у Ильи голос дрогнул. Я понимал его. Я тоже чувствовал себя не лучшим образом. В душе был червь сомнения. Как-то нам удастся устроиться в городе на работу? Не придётся ли вновь приехать домой и просить работу в колхозе? Лучшим выходом было бы не исключение, а выдача нам документов.

Такой вариант предложили только один или два мужика. Я хорошо помню, как Иван Андреевич Кошечев сказал: «Давайте, мужики, отпустим их и выдадим документы без исключения их из колхоза». Как ни странно, ярым сторонником исключения оказался мой дядя Александр, бригадир, он категорически возражал против варианта Кошечева. «А помнишь ли ты, Александр, как в их годы, в 16 лет, ты убежал со Степаном Яковлевичем из деревни в Киров. Бегали две недели, пилили дрова по найму, а затем вернулись назад. Вот и они – побегают и придут. Пусть испытают», – не сдавался Иван Андреевич. Но дядя был непреклонен. Его подзуживал председатель, и нас исключили.

После этого нам дали выписку из протокола общего собрания. Член сельсовета Семён Степанович Елькин (бывший председатель колхоза) выдал нам справки. После этого мы без задержек получили документы для паспорта в сельсовете, получили сами паспорта, и... прощай, Малый Кунгур! Илья ехал к сестре, она работала в Кирове, жила на квартире. У меня родственников не было. На душе у меня был этакий холодок, как будто я собирался нырнуть в холодную воду. Мать всплакнула, но собрала в дорогу, и я покинул деревню, как тогда казалось, навсегда. Предсказания дяди о трудностях в Кирове, ожидавших меня, сбылись. Если бы я не с таким громом уходил из колхоза, я бы возвратился

обратно. Но, уйдя при таких обстоятельствах, я поклялся скорее умереть, чем возвратиться домой и сделаться предметом насмешек. Я уже тогда был горд и самолюбив. А горя я хлебнул немало. Одолевали меня голод (снова голод!), вши, отсутствие одежды.

На работу мы с Ильёй устроились на фабрику изящной обуви учениками. На квартире жили у Кузьмы Заева, который приехал в Киров из деревни Шаклеи Сулаевского сельсовета и приходился нам земляком. Кузьма работал где-то грузчиком, грузил уголь вручную и другие грузы, а в выходные дни ещё и подрабатывал, распиливая дрова в той же фабрике, где мы работали. Расположена фабрика была неподалёку от нашей квартиры на ул. Большевиков.

Громкое название «фабрика» не соответствовало производственному процессу. Все работы по изготовлению обуви производились вручную. Производилась там модельная мужская и женская обувь. Илья стал работать в цехе мужской обуви, а я в цехе по производству дамской обуви (туфель). Платили нам, ученикам, что-то рублей по 70. Из них рублей 15 надо было уплатить за квартиру. Чёрный хлеб стоил 85 коп. за 1 кг, сахар – 4 руб. 60 коп.

Работали мы месяца два, и нас уже намеревались переводить на сдельную работу. В это же время я увидел объявление о наборе учащихся в ФЗУ при комбинате Искож, где выплачивалась стипендия в за-

висимости от успеваемости от 70 до 119 руб. Готовили там рабочих разных специальностей для комбината: слесарей, токарей, вальцовщиков, рольщиков и др. Группа слесарей была уже набрана, когда я туда обратился. Пришлось поступить в группу вальцовщиков – смесильщиков каучука. Иногородним предоставляли общежитие, расположенное напротив комбината за стадионом. Учащимся, не имеющим троек, платили 85 руб. Эту сумму я и получал. 119 руб. платили только круглым отличникам. В нашей группе была только одна такая ученица – Виноградова. Поступил я в ФЗУ 1 марта и окончил 25 декабря 1940 года.

Готовили нас в основном для заводов Гралекс и Пласткож, вальцовщиков, растворильщиков, рольщиков, смесильщиков. Был я тогда мал ростом, щуплый. Более крупных и сильных парней (Алексей Хлюпин, Яков Кандаков) взяли работать рольщиками. Мне почему-то не оказалось места в заводе Пласткож, и меня направили на работу на завод Гралекс.

Директором завода был тогда Леонид Фёдорович Татауров, молодой инженер с чёрными, как смоль, кудрями. Когда я заявился с направлением к нему, он посмотрел на меня внимательно, оглядел с ног до головы, развёл руками и сказал, что свободного места для меня нет. Я молчал. Он стал звонить директору ФЗУ, а директором был Павел Иванович Кропачев, доказывал ему,

что у него (Татаурова) нет места, куда бы он мог меня направить. Очевидно, директор ФЗУ напомнил ему, что я имею квалификацию вальцовщика. Татауров вскричал: «Да что Вы говорите?! Какие вальцы? Ведь он повиснет на лому!» Я знал, что вальцовщик в период работы вальцов должен ломом закручивать головки винта, сжимающие огромные валы. При этом лом вставлялся в головку винта одним концом, а за второй конец вальцовщик брался и, подогнув ноги, своим весом поворачивал винт. Директор был прав. Мой вес был очень мал, чтобы поворачивать головку винта ломом. Кроме того, незадолго до меня на вальцах завода Гралекс работали два ученика ФЗУ (Василий Ворожцов и Бурков – баламуты, игравшие роль блатных ребят). Они раскрутили винт одного конца вальцов настолько, что шестерни разошлись, а при попытке возвратить вал на прежнее место, не останавливая станка, один зуб шестерни зашёл на другой, и у одного вала отломилась шейка, вал упал. Когда я стоял перед директором, вальцы ещё не были отремонтированы. Валы там были примерно 70 сантиметров в диаметре.

Наконец, директор завода закончил разговор с директором ФЗУ, звонил ещё куда-то и затем сказал, что я пока временно поработаю раскройщиком. Я согласился. Цех раскроя был создан заново. Кроме меня там работали две женщины и двое или трое мужчин. По шаб-

лонам мы выкраивали из кирзы и гралекса (искусственного хрома) детали для дамских сумок, портфелей, седёлок (конская сбруя). Раскраивали продукцию, часть которой почему-либо оказывалась браком. Работали сдельно. Расценки были примерными. Первый месяц я заработал 130 руб., остальные рабочие по 200–250 руб. Через месяц или два цех закрыли, и меня перевели работать растворильщиком и смесильщиком. Работали вдвоём с более опытным рабочим, который считался бригадиром. Рядом работали вальцовщики.

Зарабатывал я уже рублей 200–250, а последние месяцы 300–380. В первую очередь я купил белого материала для белья, из которого по моей просьбе сшила бельё родственница – сватья Лида. Старое шивое бельё, в том числе и кальсоны из мешковины, я выбросил. Купил ботинки, куртку. Купил материал и сшил брюки. Купил рубашки. Короче говоря, я немного приоделся. На очереди было приобретение зимнего и демисезонного пальто. Водку я почти не пил, даже не почти, а не пил. Единственное, что я себе позволял, это, идя с работы, зайти в пивную и выпить кружку или две пива. Разумеется, не каждый день. Да и работали мы в три смены.

После окончания ФЗУ надо было освободить общежитие. Работал я в одном цехе, но в разные смены с Валентином Шустовым. Он жил в посёлке за КУТШО у тётки.

Тётка его была в тот год осуждена на два года за кражу мануфактуры с комбината. Валентин жил один в её доме и предложил мне жить с ним вместе. Так и сделали. Я перешёл жить к нему и жил там до призыва в армию. <...>

Война

22 июня 1941 года днём услышали по радио, что Германия напала на Советский Союз, бомбила наши города. ВОЙНА!

До этого население воспитывалось в духе «шапкозакидательства». В песнях, стихах, в лекциях и беседах, в наглядной агитации – везде утверждалось, что в случае войны враг будет разбит на его территории и «малой кровью», малыми потерями с нашей стороны. Помню, как в одной из бесед полковник Красной Армии, чуваш по национальности, энергично размахивая рукой, утверждал: «Наши самолёты летают выше всех, дальше всех, быстрее всех!» Это было перед самой войной. Разрекламированные бои на реке Халхин Гол и в районе озера Хасан, бои с Финляндией на Карельском перешейке подтверждали «непобедимость» Красной Армии. Очевидно, наши руководители того времени, убеждая население в крепости и непобедимости армии, увлеклись и сами поверили в это. Возлагались большие надежды на то, что если капиталисты нападут на СССР, то рабочие в этих стра-

нах совершат революцию, и война окончится сразу.

Всё это позднее оказалось детским лепетом, настолько несерьёзным, что диву даёшься, как могли такое говорить серьёзные государственные деятели, а мы, развесив уши, слушали. Я помню лекцию того времени, когда Германия начала войну с Англией и Францией, а с нами они не достигли договорённости о совместных действиях против Германии. Лектор оправдывал действия Германии, говоря, что она была стиснута кабальными условиями Версальского договора, что Англия и Франция не пошли навстречу Германии в её требованиях о расширении территории, и поэтому возникла война между капиталистическими государствами. Положительно оценивалась мощь Германии. Указывалось, что Германия выпускает самолётов столько или даже больше, чем Англия и Франция, вместе взятые.

И вдруг... Бац! Война! В политико-массовой работе среди населения – поворот на 180 градусов. Гитлер и Риббентроп, с которыми незадолго до этого встречались Молотов и другие деятели и даже вместе фотографировались, оказались «людоедами».

Началась массовая мобилизация. На заводах для отдельных категорий стали устанавливать бронь. Некоторые старались любой ценой получить бронь и, таким образом, отсрочку от призыва и отправки на фронт.

Но много было и добровольцев, особенно в первые дни. Некоторые, провожая товарищей, сами садились в эшелон и уезжали на фронт.

По комсомольской мобилизации, добровольно, досрочно ушёл в армию и я. Формировалась в основном комсомольская 1-я маневренная воздушно-десантная бригада (МВДБ). Туда с комбината Искож были зачислены ещё начальник цеха завода Гралекс Останин и мой друг Николай Рупасов. С ним 26 сентября 1941 года мы были зачислены в 4-й взвод 4-й роты 2-го батальона 1-й МВДБ.

В разговоре со мной на мандатной комиссии полковник спросил, есть ли у меня желание пойти в десантники, так как бригада формировалась во многом из добровольцев. Я ответил, что поступил на курсы шофёров и хотел бы их закончить. Шутливый тон разговора не помог (то ли дело – по земле ездить или по воздуху летать?). И полковник сказал уже серьёзно: «В общем, Ваше желание надо переломать!» Я сказал, что тогда и разговаривать не о чём. Я понимал, что месяцем раньше или двумя позже я должен быть призван в армию.

На заводе срочно составлялись характеристики, в том числе и комсомольские. На вопрос о том, являюсь ли я стахановцем, начальник цеха Останин с заиканием (он заикался) ответил: «Конечно, он с-стахановец». Хотя до этого никто никогда не говорил, что я – стахано-

*Пётр Соболев
после мобилизации. 1941 г.*

вец. Работал я неплохо, и мне предлагали стать бригадиром, но вопрос об этом так и не был решён.

Призвался я в г. Кирове. И хотя у меня там было много родственников и знакомых, провожать меня никто не пришёл, и это, я думаю, к лучшему. С Николаем Рупасовым мы подсмеивались над прощанием и расставанием различных семейных пар. Нам семейные узы ещё были неведомы. При увольнении я получил зарплату рублей 500. Из них 300 руб. я отослал матери и сообщил ей письмом в Зуевский район, что ушёл в армию. Уже в армии я получил от неё письмо, что деньги ей пришлось очень кстати, а то она не знала, как и чем платить много-

численные налоги и платежи. Дома с нею оставались два моих брата – Поля 13-ти лет и Иван 15-ти лет.

Для формирования нас привезли в пос. Зуевку, а затем в пос. Косино (почти домой). Я известил об этом мать, и она пешком (примерно 40 км) приходила для свидания со мной. Свидание состоялось осенью 1941 года, в октябре. Меня отпустили ночевать на частную квартиру. Встретив меня, осунувшегося, с выступающими лопатками из-под шинели, мать прижала меня к себе и заплакала. «Пошто это ты худ-то больно, сокол?» – сквозь слёзы спросила она. Мать подкормила меня своей стряпнёй и немного дала с собой мне продуктов. На квартире, пока я с жадностью ел, она всё смотрела на меня. Вероятно, вот таким худым и жалким я и остался в её глазах тогда, в её памяти.

Нам выдали шинели без поясов. Головных уборов не оказалось, одевали металлические каски на голую голову. Была осень, конец сентября, начало октября, и под каской по голове гулял ветер. Вскоре выдали ремни и шапки – шлемы «будёновки». Это был самый трудный год в моей жизни. Питание по тем временам было неплохое, но давали мало, с «гражданки» нам казалось очень голодно.

В пос. Косино нас поселили в двухэтажных деревянных жилых домах. Жителей этих домов куда-то переселили. Обмундировали нас хорошо. Осенью одели в сапоги, диа-

гоналевые синие брюки, зелёные суконные гимнастёрки с голубыми петлицами, шинели новые, будёновки. Так мы были одеты примерно до января 1942 года.

Зима была морозной, с осени снегу было мало. Часто температура доходила до –40 градусов. Мороз не давал стоять на месте на занятиях, а занятия шли на улице ежедневно весь день. Затянувшийся привал сразу давал о себе знать, замерзали в первую очередь руки. После одного из таких привалов солдат Мутовкин, сходяв за кусты, возвратился оттуда с расстёгнутыми штанами, придерживая их рукой. Комиссар роты Кропач, оказавшийся тут, спросил его, в чём дело. Мутовкин объяснил, что у него замёрзли руки, и он сам застегнуть брюки не может. Смеясь, комиссар стал застёгивать ему брюки, говоря: «Му-у-у-товкин, ну как же ты воевать станешь?» Мутовкин был маленького роста, худенький солдат, совсем подросток. Он стоял и чуть не плакал, хотя все кругом улыбались. Подростками выглядели, вероятно, и многие из нас.

Мы занимались строевой подготовкой, тактикой, учились ходить на лыжах на большие расстояния, ночевать в лесу, строить там шалаши из веток елей, готовить пищу. Командиром взвода у нас был бывший работник МГБ г. Сарапула Удмуртской АССР ст. сержант В. Бичурин, его заместителем Александр Пастухов из г. Березники Пермской области. Командирами отделений были

Шуклин и Соколов из г. Можги. Командиром роты был ст. лейтенант Г. Ф. Приходько, украинец; комиссар роты – П. Я. Копач; командир 2-го батальона капитан А. Н. Струков. О том, что командиром бригады был подполковник Н. Е. Тарасов, начальником штаба майор И. М. Шишкин, я узнал много лет спустя.

В Косино мы отрабатывали прыжки с парашютом. Для этого были построены двухступенчатые вышки высотой два и три метра, а перед ними канава, заполненная еловыми ветками. С этих вышек прыгали на пружинящие ветки. Однажды на тактические занятия нашего 4-го миномётного взвода пришёл комбат капитан Струков. Мы отрабатывали приёмы штыкового боя. На каждое отделение было выдано по одной самодельной деревянной винтовке, и мы стояли в очередь, дожидаясь, пока один проколет чучело и передаст «винтовку» другому. Струков был в хромовом чёрном пальто, высокий (против нас), худощавый, лицо изрыто оспой. Он посмотрел на наши занятия, подошёл. Командир взвода доложил ему, чем занимается взвод. Он взял у бойца деревянную «винтовку», отчитал комвзвода Бичурина, говоря: «Что вы создаёте очередь за этой палкой? Не могли что ли сделать больше этих палок?» Бросил при этом деревяшку. Затем, успокоившись, взял другую деревяшку и показал, как надо бежать в штыковую атаку и колоть врага. Посещал

он и столовую. Однажды, незаметно войдя в столовую, он остановился у порога. Нам почему-то ограничивали чай. Один из красноармейцев, рыжий высокий, сидя за столом, требовал ещё чаю: «Что вам жареной-то воды жалко?» – кричал он. Комбат отчитал его, пригрозил: «Я вот дам тебе жареной воды!» Здесь же отчитал другого солдата, требовавшего «разводящего», чтобы разлить суп из бачка в котелки: «Что Вы мне позорите звание младшего командира?» – сказал он.

В один из осенних дней 1941 года нас привезли в Зуевку, чтобы показать прыжки с самолёта парашютистов. Парашютисты – командиры нашей бригады. Делал прыжки и наш комбат А. Н. Струков, имевший до этого уже 118 прыжков. С такой цифрой у него был значок парашютиста. Самолёт прилетел на площадку, которую мы окружили, вернее он оказался над площадкой. Парашютисты начали прыгать. Купола парашютов возникали сразу после прыжка, недалеко от самолёта. Но вот из самолёта вырвалась чёрная фигурка человека и, извиваясь в воздухе, как червяк, стремительно летела к земле. Нам заранее сообщили, что комбат наш А. Н. Струков сделает затяжной прыжок. И мы поняли, что червяк – это наш комбат. Он прыгнул последним и приземлился первым. Больше половины высоты он пролетел в свободном падении и только тогда раскрыл парашют. Остальные всё ещё плавали на парашютах выше его.

Позднее, где-то в январе 1942 года, нас привезли в Монино под Москвой, и там мы прыгали с парашютом уже сами. Прыжки совершали с самолёта ТБ-3 с высоты 1 200 м. В самолёт садились с парашютами ПД-41 с принудительным раскрытием. Парашюты имели четырёхугольную форму без отверстия в куполе. Волнений было немало. Всё-таки первый прыжок! Свыше двух килограммов своего и без того небольшого веса потерял я после первого прыжка.

День был солнечный, но дул свежий ветерок. Мороз. Волнение было необычайное. Ещё на аэродроме у самолёта, как только его завели, мы один за другим стали бегать в укрытие за угол. Договорились ещё до посадки, кто будет прыгать первым, кто вторым и так далее. Мне выпало прыгать вторым. В полёте, после сигнала «Приготовиться!», вскоре раскрылись вниз створки люка, и Шуклин, сидевший почти на люке, сложив на него ноги, ухнул вниз. Я немедленно забросил свои ноги в люк и почувствовал, как вихрь воздуха закружил меня с невероятной силой. Сильная струя воздуха под самолётом крутнула и перевернула несколько раз так, что пришлось закрыть глаза. Открыл их, когда почувствовал динамический удар. Ноги мои взметнулись, и я закачался на стропях парашюта. Остановил качку и стал озиаться. Стало радостно и интересно. Выше и ниже меня на парашютах спускались мои товарищи.

Я видел, что на моём пути есть какая-то деревушка, а около неё на лыжах катаются ребятишки. Я опасался, чтобы меня не принесло ветром к деревне и не пришлось бы садиться на крышу дома или телеграфный столб. Приземлился неподалёку от деревни, в лощину. Парашют, наполненный ветром, не погас, а стоял как бы на ребре. Стропы были натянуты и подрагивали. Я стал тянуть за одну стропу, стараясь погасить парашют. Он накренился, но ещё не погас, тянул меня. Я упёрся локтями и носками ног в снег. Снег сгрудился, я зарывался лицом в него. Порыв ветра вырвал стропу из моих рук, наполненный парашют вытащил меня из лощины на открытое место, и я увидел равнину километра на полтора, где задержаться уже труднее. Около парашюта оказались ребятишки на лыжах, я стал им кричать, чтобы они ступали на парашют, но тот выскакивал у них из-под ног. Наконец они как-то запутались в нём и в стропях, я успел вскочить на ноги и забежать с подветренной стороны. Парашют погас.

Одеты мы были тепло: в ватные брюки, валенки, ватные куртки с меховыми воротниками, меховые рукавицы. Я не замёрз, но немного обморозил щёку. Вытряхнув снег из парашюта, я сложил его в мешок и отправился на сборный пункт. Весь вечер в казарме (бывший санаторий) мы рассказывали о впечатлениях от полёта и прыжка, не слушая друг друга и перебивая, как пьяные.

Некоторых парашютистов посадило на высокие деревья, куполом парашюта на вершину дерева. Других занесло в расположение артиллерийской части. Три человека, парашюты которых почему-то не раскрылись, – погибли. Их похоронили с воинскими почестями.

В Монино мы были недолго. Вскоре нас привезли на ст. Выползово. Здесь почти не было занятий, были лишь лыжные прогулки, ну, правда, были занятия ночью. Отрабатывали движение подразделений при свете ракет, были и тактические занятия ночью. Здесь нас стали лучше кормить и стали давать по 100 г водки каждый вечер. Продолжалось это недолго. Вновь погрузка в вагоны, вновь движение по железной дороге ближе к фронту.

Перед этим была ещё комиссия, и человек 200 отчислили из бригады как неблагонадёжных и направили в другие части. Отправили и моего друга Николая Рупасова. Причиной его отчисления послужило следующее событие. В период дислокации в Косино мы ходили в поход дней на десять. В эти десять дней мы, помимо следования, вели тактические занятия, все дни не заходили в населённые пункты, ночевали в шалашах из еловых веток, которые сами же и строили, у костра. Обмундировали нас тогда уже в ватные брюки, в куртки стёганные с меховыми воротниками, шапки, меховые рукавицы. Ужин варили у костра на двоих по очереди. Естественно,

у костра велись беседы на самые разные темы.

В одной из таких бесед Рупасов со свойственной ему бестактностью заявил, что не будет жалеть добровольцев, если их убьют в бою, пусть не суются поперёк батьки в пекло. Многие из нас, в том числе и я, пришли в бригаду добровольцами по комсомольской мобилизации, однако слова Николая нас не задели, и никто не придавал им серьёзного значения. Вернее, сказать «никто», было бы неправильным. Вскоре после возвращения из похода меня вызвал капитан, уполномоченный особого отдела, и спросил, что за разговор был в шалаше вечером у костра? Что говорил Рупасов о добровольцах? Я сказал, что не слышал разговора. «Не ври!» – сказал он и выругался матом. Я ещё раз сказал, что был занят приготовлением ужина и слов Рупасова не слышал.

Мы долго ломали голову над тем, кто мог сообщить об этом разговоре в особый отдел и сошлись на том, что сообщил Фомин, солдат старше нас по возрасту, член ВКП(б). Я успел получить ещё от Рупасова письмо, в котором он сообщал, что находится в артиллерийской части и не жалеет о перемещении.

В пути следования со ст. Выползово нас почти не выпускали из вагонов, следили, как за штрафниками, не разрешали разговаривать с гражданским населением. Очевидно, с целью конспирации. Ехали мы в больших товарных вагонах.

В вагоне, где я ехал, находились также командиры взводов Бичурин и москвич Балыбердин, командир роты ст. лейтенант Г. Ф. Приходько, комиссар нашей 4-й роты П. Я. Копач. Приходько был неунывающим человеком. В свободное время он всё напевал песню: «Ехали цыгане с ярмарки домой...» Особенно ему нравился мотив припева: «Ой, загулял, загулял, загулял парень молодой, молодой, в красной рубашончке, хорошенький такой».

На станциях разрешали примерно по одному человеку от отделения сходить за водой, больше никому. Даже оправляться можно было так, чтобы видел часовой, то есть на путях.

Так вот, однажды, придя со станции, Г. Ф. Приходько стал говорить бойцу Дм. Набоких, который был у командира роты что-то вроде ординарца: «А знаешь, Набоких, я когда-нибудь переоденусь в форму рядового и намну тебе бока так, чтобы ты больше не порывался драться». Правда, говорил он это без злости, а даже как бы с восхищением. Из его разговора можно было понять, что Набоких в очереди за водой чуть не подрался с другим бойцом, замахивался котелком на него, поскольку он не пускал его без очереди набрать воды.

<...> В пути следования нам стали встречаться разрушенные телефонные линии, освобождённые разрушенные деревни. Наконец, поезд остановился: дальше железнодорож-

ная линия была неисправной. Нас выстроили около линии, затем собрали в другом месте. Выдали нам сухой паёк НЗ. Оружие было при нас. Я как первый номер ротного миномёта 52 мм (всего было три номера) нёс помимо своего вещмешка ещё и миномёт на спине. Второй номер – Архипов – нёс два металлических лотка с минами (18–20 штук по 900 граммов каждая), и третий номер – тоже два лотка. У меня ещё был наган и патроны к нему, у остальных номеров – винтовки СВТ. Паршивое оружие, скажу я вам, особенно зимой. Только и хорошего в них – шттык кинжального типа.

Взвалив на плечи вещмешки и оружие, мы на лыжах двинулись через линию фронта в тыл врага. Командир взвода, или даже его помощник, объяснил нам, что задача наша – разгромить штаб 12-го корпуса 16-й немецкой армии, который расположен где-то около г. Демянска или в Демянске; что идти нам следует скрытно, костров не разводить, двигаться в основном ночью, без команды не отходить в сторону, не отставать. Помимо продовольствия, в вещмешке находились гранаты, а также термитные шарики, которые можно использовать для поджога строений. У всех были на поясе финские ножи. В мешках же находились банки со спиртовой пастой для приготовления пищи. Мешок получался увесистый, да ещё миномёт на спине (примерно 22 кг.). Предупредили нас и о том, что в ле-

сах возможна встреча с финскими лыжниками, что при отдыхе ночью будем занимать круговую оборону, и что в случае появления кого-либо в секторе обзора следует стрелять без предупреждения.

В одну из ночей, лёжа в круговой обороне, я заметил, как от опушки леса отделился человек и пошёл наискось к нашей линии обороны. С одной стороны от меня лежал в окопе в снегу Сутягин, красноармеец нашего отделения, уроженец и житель г. Сарапула. Он храпел. Его сектор обзора мне был виден, и я его не будил. Человек приближался. Он был в маскхалате и на лыжах. Я прицелился и ждал, когда он подойдёт ближе ко мне, чтобы выстрелить наверняка. Появился он метрах в 50-ти от меня. Я колебался: стрелять или не стрелять. Меня смущало то, что он был один, больше никто не появлялся. На снегу он был виден хорошо, хотя луны не было. Я решил окликнуть его и после ответа стрелять. Я крикнул негромко:

– Стой! Кто идёт?

– Свои, – услышал я голос командира взвода. Мурашки прошли у меня по спине от того, что я чуть не убил его.

– Кто это спит? – спросил он.

– Сутягин, – ответил я.

Бичурин (а это был он) подошёл к нему, пнул в бок ногой, прошипел:

– Что ты спишь, сукин сын? А если бы враг? Ну, как? – спросил он меня.

– Всё в порядке, – ответил я.

На рассвете мы поднялись. Маскхалат подтаял снизу и немедленно замёрз, как только мы поднялись, гремел на мне, как листовое железо на крыше оторвавшимся концом. Когда все поднялись, в окопе остался красноармеец. Я подошёл к нему и узнал в нём Николая Катаева, уроженца посёлка Косино Зуевского района.

НЗ давно закончился, мы не ели уже дней пять ничего, были истощены, день и ночь находились на морозе. Двигались, как правило, в две шеренги колонной. Однажды днём, следуя колонной по лесу, мы услышали впереди себя перестрелку. Услышали команду выдвинуться на край опушки леса для уничтожения засады. Когда мы залегли на краю опушки, с противоположной стороны была слышна стрельба из автоматов и пулемётов. Наши бойцы отвечали огнём. Я видел, как падали перебежавшие бойцы и больше не вставали. Слышны были голоса молодых десантников: «Товарищ командир, я вижу голову возле пенька». «Стреляй, мать твою... Что же ты смотришь?» – отвечал появившийся командир соседнего взвода Балыбердин. Соседние с нами роты обошли с флангов вражескую засаду, и она была уничтожена.

Когда мы вновь двинулись вперёд, около лыжни валялись трупы вражеских солдат, лодочка из фанеры, а в ней – ручной пулемёт. Кто-то из бойцов рассказывал, что в этом бою был убит комиссар батальона

Чечёткин. Пуля снайпера угодила в фонарик, висевший на груди поверх маскхалата. Это были первые, но далеко не последние потери наших товарищей.

Самолёты У-2 ночью пролетали над нами, находившимися в лесу, но ничего не сбрасывали нам. Продуктов по-прежнему не было. Вездесущие солдаты говорили, что продукты сбрасывали, но они попали к немцам. Однажды командир отделения сообщил, что командованием бригады принято решение напасть на немецкий гарнизон с целью его уничтожения и захвата продовольствия. Но когда и где будет совершено нападение, не говорилось. Ночью командова В. Бичурин обходил красноармейцев и спрашивал, кто желает пойти в засаду, чтобы отбить продовольствие у врага. С этим предложением он подошёл и ко мне. Это было ещё вечером. Я согласился. Нас, добровольцев, собрали в одно место и приказали ждать команды, а пока — освободить вещмешки, взять их с собой порожними.

Ждать пришлось долго. Донимал мороз. Костры разводить было нельзя, разговаривали шёпотом. Содержимое мешка я отдал второму номеру Архипову, он оставался. Далеко за полночь мы вышли на задание. Пошло человек 40–50. Я не знал, кто шёл из командиров. Шли колонной в одного человека друг за другом. В пути следования кто-то в маскхалате, обгоняя товарищей, пытался втиснуться между мной и впереди

идушими. Я решил не пустить и сократил расстояние. «Что же вы, мать твою... Командира роты не уважаете?..» Я услышал, и по голосу узнал командира роты Г. Ф. Приходько. Сбавил шаг и пустил его на лыжню, но он вскоре опять пошёл на обгон.

Наконец, мы залегли на краю шоссе, ожидая автомашины, чтобы подорвать их и взять продовольствие. Машин не было. Где-то неподалёку небо чертили лучи прожекторов, гудели самолёты. Я понял, что неподалёку был аэродром. Между тем начало светать. Мы ждали часа полтора-два. Затем была подана команда возвращаться в лес на свою базу по старой лыжне. Все бросились назад, побежали, что было силы. Где-то на середине пути у меня неожиданно лопнул ремень крепления у лыж. Я отошёл в сторону. Звать о помощи было бесполезно, и за какую-то минуту все пробежали вперёд, я остался один в лесу на небольшой поляне. Я понял, что если набегит группа лыжников врага, мне одному не победить их, но у меня было оружие: наган и две-три гранаты, и я решил в случае встречи с врагами биться до последнего... Отправив естественные надобности и надевая брюки, я проверил карманы нижних диагональных брюк. В одном кармане оказался старый распрямлённый гвоздь. До сих пор не знаю, когда и зачем я его положил. Достал гвоздь, оделся, взял лыжу. Обрыв одного конца крепления был возле самой лыжи. Я прибил его гвоздями

к лыже наганом и двинулся по лыжне насколько можно быстрее, зорко поглядывая по сторонам. Примерно через полчаса мне стали попадаться наши десантники, в изнеможении лежащие по сторонам от лыжни. Я, хотя и устал, не останавливался, углубился в лес и благополучно добрался до своих. Засада наша не удалась.

Продуктов нам всё-таки немного сбросили, а также сбросили с самолёта и боеприпасы. Поскольку обоза у нас не было, старшина роты стоял сбоку от лыжни, по которой двигался батальон колонною в два человека, и раздавал каждому по одной мине для ротных наших миномётов. Мне он не предложил взять, видя на спине у меня миномёт. Он приказал взять моему второму номеру Архипову. Тот отказался. Старшина приказывал взять. Архипов свой отказ объяснил тем, что у него этих мин на спине уже два лотка (20 шт.). Споря со старшиной, он отстал от меня. Догоняя меня, чтобы встать в строй, Архипов ругался:

– Гад старшина, миной в спину мне запустил.

– Как же так? – спросил я.

– Да так, – отвечал он. – Отказавшись взять мину, я пошёл от него, он и запустил миной мне в спину. – Он щупал то место, куда попала мина, и морщился.

– Ты неправ, – сказал я. – Надо же ему раздавать их кому-то. Другим они совсем не нужны, скажем, пулёмётчикам, стрелкам, но ведь берут.

– Вот ты и взял бы, – огрызнулся он.

– Приказал – и взял бы. Одной миной уж не пересилишь себя.

Но Архипов и тут парировал:

– Усталой кобыле... и она тяжела.

Спорить дальше не было смысла, и мы замолчали.

Полученные два-три сухаря не утолили голода, а больше опять не давали. Кто-то нашёл осенью застреленных лошадей в лесу. Из-под снега виднелись одни копыта. Мы в своём отделении увидели уже, как несут мясо красноармейцы. Они и сказали о лошадях. Мы бросились туда, там уже никого не было. От лошадей (их было две-три) остались шкуры, копыта и головы. Мы отрезали финскими ножами куски шкур с мясом, принесли, пожарили их на кострах и съели. Оказалось очень вкусно.

* * *

Мартовское солнце днём уже пригревало, и снег на валенках таял, если приходилось долго стоять, ожидая разведку. Ночью валенки замерзали и делались словно деревянные. Обсушиться было негде. У костра, который нам удавалось иногда разводить, они не просыхали, а только ещё больше намокали от растаявшего снега.

Ночью нас стали беспокоить налёты вражеских групп лыжников, а также авиации, которая неоднократно бомбила наше расположение. Над лесом, над самыми верхуш-

ками, часто показывалась «рама». Стрелять по самолётам нам было запрещено, чтобы не выдавать себя. Появились обмороженные и раненые. Двигались мы очень медленно. Наконец, было сообщено, что в ночь мы должны совершить нападение на гарнизон деревни (позднее мы узнали название) Малое Опуево.

Ночь мы медленно шли и около утра достигли исходных позиций. В пути следования у меня (да и не только у меня) очень мёрзли ноги. Быстрая ходьба разогрела бы их, но бежать было нельзя, не давали постоянные остановки и ожидания разведки. Я чувствовал, что кончики пальцев ног уже не чувствую, понял, что происходит обморожение ног, но сделать было ничего нельзя.

Исходные позиции, где мы остановились, были на опушке леса, перед лощиной, а за нею метров 600 равнина, за нею деревня. На краю деревни горела какая-то вышка, освещающая далеко снежную равнину. Со стороны деревни велась стрельба из пулемётов и автоматов. С нашей стороны отвечали ручные пулемёты. Когда немного рассвело, поднялся наш помощник комвзвода Александр Пастухов и, крикнув: «Ребята, за мной!» – побежал через кустарник в лощину. Я с миномётом на спине бросился за ним. Пули свистели, взрывая снег. В пути меня кто-то дёрнул за ватные брюки, но я не обратил внимания. Забежав в лощину, которая не простреливалась, я посмотрел на брюки и увидел в области бедра

два отверстия, из которых высывалась вата. Я понял, что они пробиты пулей, но, ощупав ногу, обнаружил, что нога цела. Сразу же за мной в лощину забежали мои второй и третий номера.

Появившийся комиссар роты П. Я. Копач приказал открыть огонь из миномётов по окраине деревни. Мы быстро вырыли яму в снегу глубиной с метр. Добравшись до грунта, установили миномёт и открыли огонь, установив предельную дистанцию в 800 м.

У нас осталось всего две-три мины, когда послышалась команда: «Прекратить огонь!» Архипов тут же одну за другой запустил в ствол эти мины, чтобы не таскать их с собой. Наши мины рвались на окраине деревни. Сразу же после прекращения миномётного огня послышались крики «Ура!», и под огнём врага десантники поднялись в атаку... Я предложил завьючить миномёт третьему номеру, а сам, взяв прицел от миномёта в карман, побежал вместе со всеми на врага в деревню с винтовкой наперевес. Когда я вместе с другими бойцами забежал в деревню, на её окраине в свете догорающей вышки стоял старик с широкой седой окладистой бородой, в дублённом полушубке. Он и сообщил, что это была наблюдательная вышка немцев, и что они её сами подожгли прошедшей ночью. Мы двинулись в центр деревни.

Встретились несколько бойцов, несущих в руках батоны, заверну-

тые в целлофановую обёртку. На ней стоял штамп «1939 г.». Мы спросили, где они взяли батоны. Они сообщили, что вон в том доме расположен склад с продуктами. Мы ринулись туда. Там уже было много бойцов. У дома шеренгой стояли лыжи и палки. Оставив свои здесь же, мы забежали в склад. Там уже были распечатаны ящики с галетами, печеньем, консервами. Схватив две-три банки консервов, несколько пачек галет и немного печенья, я стал выбираться из склада. Склад был забит уже до отказа десанниками. По деревне стали бить из орудий и миномётов. Продираясь из склада, я обронил у порога одну свою меховую рукавицу. Зайти снова было уже нельзя. Насилу добравшись до порога с наружной стороны, я увидел, что за порогом лежат несколько рукавиц, дотянулся и взял одну. Оказалось на одну руку. Выбирать было некогда. Вышел во вторую половину дома и тут же, у бочки с горячей водой, стал есть галеты и печенье, запивая их горячей водой.

Здесь же ели и другие десантники. Несмотря на обстрел и приказы какого-то командира, выстрелившего из пистолета в потолок в складе и требовавшего освободить склад, потому что по нему начали бить миномёты, никто оттуда не выходил. Десантников в складе было набито, как в бочке сельдей. И то сказать, оголодали люди.

Моих лыж на месте не было. Десантники по одному или два-три че-

ловека на лыжах шли к лесу. Я взял первые попавшиеся лыжи, палки и в рукавицах на одну руку пошёл в лес. Мне очень захотелось пить. На краю деревни, увидев у дома женщину, я, не снимая лыж, попросил её принести мне воды. Она принесла мне большую кружку. Но в это время около нас засвистели пули, впиваясь в стену хлева, и хозяйка, оставив кружку, бросилась в хлев. Я же, напившись и поставив кружку на снег у дороги, пошёл в лес. За мною пули взрывали снег белыми султанчиками.

В лесу встретились с бойцами нашей роты. Развели небольшой костёр, в котелках растаяли снегу, сели снова есть. Проходившие мимо бойцы просили поесть. Мы давали им понемногу галет, печенья. Когда продуктов оставалось уже немного, подошёл боец. Как и все, он был в маскхалате, как и все, грязный, загорелый. Он также просил галет. Я сказал: «Подходи!» Услышав мой голос, десантник воскликнул обрадовано: «Дак ведь это же Петя Соболев!» Тогда и я узнал Мишу Пономарёва, с которым мы вместе учились в начальной школе, а жили в деревнях на расстоянии 3–4 км. Он жил в деревне Лимоново. Я был очень обрадован встречей, накормил галетами Мишу, и мы разошлись по своим подразделениям.

Позднее, в сентябре 1942 года я встретил его в деревне Лимоново. Он был уже дома. И тогда, и позднее – несколько лет спустя – в Зуев-

ке он часто вспоминал нашу встречу в тылу врага, благодарил за то, что я накормил его тогда галетами.

Судьба распорядилась так, что после окончания войны мы с ним оба работали на Зуевском зернозаготовительном пункте и часто вспоминали рейд в тыл врага. М. П. Пономарёв получил тоже обморожение ног, только более сильное: у него остались только пятки. У меня же были обморожены и ампутированы пальцы ног, и то на правой ноге только ногтевые фаланги. Из госпиталя в 1942 году меня выписали со снятием с военного учёта. Миша так и остался дома, а я был снова призван в декабре 1942 года в армию в нестроевые части, и в составе 4-й Гвардейской танковой армии дошёл до Берлина. В составе той же армии был в Вене, Будапеште, Сомбатели, других городах Венгрии, Австрии, Германии.

Итак, после боя в деревне Малое Опуево мы, десантники 4-й роты собрались в лесу. Неподальку находились другие подразделения. В шалаше из кирпичиков снега мы, человека четыре, сидели у бездымного костра, таяли в котелках снег. А Сутягин сушил у костра домашние носки. Последовала команда комиссара роты П. Я. Копача о построении. Построились. В роте осталось не более половины бойцов. У меня в расчёте не было 3-го номера. Не было и миномёта.

Копач подвёл итоги боя за деревню Малое Опуево. Назвал отличив-

шихся: М. Д. Набоких, Кондрашова, первым поднявшегося в атаку в составе роты. Он сообщил также, что в бою погиб командир роты Г. Ф. Приходько, комбат А. Н. Струков и многие другие товарищи. Он предложил выйти из строя Сутягину. В то же время, сказал он, боец Сутягин уснул перед атакой на исходных позициях, и кто-то унёс у него винтовку. (Позднее бойцы говорили, что винтовку Сутягина унёс комиссар Копач.) И без всякого перехода объявил: «Именем Родины приказываю: Сутягина расстрелять!» Сутягин, да и все мы были ошеломлены таким решением. Командир 4-го взвода В. Бичурин вышел из строя, подошёл к Сутягину, снял звёздочку с его шапки, сорвал петлицы с его гимнастёрки. Мы знали, что Сутягин – земляк командира взвода. Оба они были из г. Сарапула. Срывая армейские знаки, Бичурин приговаривал: «Вот приеду домой и расскажу твоей семье, как ты погиб». Удалось ли ему выполнить своё обещание, я не узнал. Комиссар роты ст. лейтенант П. Я. Копач спросил нас, стоящих в строю: «Кто желает его расстрелять?» Я полагал, что воцарится тягостное молчание, и что не поднимется ни одна рука. Каково же было моё удивление, когда, оглянувшись (я стоял в первом ряду), я увидел, как руки подняли человек 10. Копач сказал: «Пусть расстреляет Кондрашов». Тот вышел из строя незамедлительно и недалеко от Сутягина встал с винтовкой наперевес.

Сутягин только тут словно опомнился, стал негромко просить простить его, что он искупит свою вину в следующих боях, но ему никто ничего не ответил. Ему предложили следовать вперёд. Он повернулся и побрёл, оглядываясь. Кондрашов шёл в 1–2 метрах за ним, и, отойдя метров 10, выстрелил ему в спину. Сутягин упал и больше не пошевелился. Нам предложили разойтись...

Отдохнув примерно сутки в лесу, приведя себя в порядок, подразделения намеревались идти дальше. Перед походом предложили всем разуться и показать ноги. Когда я разулся, оказалось, что пальцы левой ноги моей распухли и покраснели, а с большого пальца правой ноги кожа вместе с ногтем снялась и осталась на портянке. Командир взвода Бичурин, стоявший рядом с врачом, с сожалением сказал: «Никак не думал, Соболев, что ты обморозишь ноги». Он спросил об оружии. Я сказал, что миномёт вместе с третьим номером остался на поле боя, а у меня только прицел от него, а из другого оружия у меня только наган. Бичурин предложил мне отдать наган. Я отдал. Мне дали ржавую винтовку. Отдал я и гранаты, и финский нож. Подразделение ушло, а мы, раненые, обмороженные остались в лесу с небольшой охраной, наподобие полевого госпиталя, вернее, не госпиталя, а просто лагеря.

К этому времени наши самолёты нашли нас и сбрасывали нам сухари и, видимо, другие продукты.

Я других этих продуктов не видал. Сбрасывали мешки и ящики с консервами, очевидно, без парашютов, и, пройдя около километра от лагеря, на площадке в снегу можно было обнаружить разбитые ящики, сухари и иногда банки с консервами. Это было подспорьем. Жили по-прежнему в шалашах.

К нам стали прилетать самолёты У-2 с продуктами и увозить раненых и обмороженных из тыла. Я видел около площадок, куда мы, внесённые в списки, приходили каждый вечер (а вывозили только ночью), как на фанерных лодочках лежали раненые. Я помню, как один из них кричал: «Подберите раненого в живот!» Его долго не подбирали, но потом кто-то увёз к месту посадки и отправили на самолёте.

Наконец, в один из вечеров, а вернее ночей, когда самолёт сделал посадку, назвали мою фамилию и ещё одного бойца. Я подошёл к самолёту и с винтовкой стал взбираться на крыло. На меня зашипели, чтобы я влезал аккуратно, иначе проломлю крыло. Наконец, я улёгся в фюзеляже самолёта, с другой стороны положили другого. Закрыли боковую дверцу, как-то закрепили. Около головы оказалось небольшое оконце овальной формы. Вскоре я почувствовал, что мы взлетели. Ночь была лунной, и внизу было видно всё хорошо. Видны были оголённые деревья. Видно было, как колонна лыжников при виде нашего самолёта бросилась в снег, видно было не

только лыжников, но и лыжные палки. При перелёте линии фронта нас обстреляли. Около самолёта пролетали трассирующие пули.

«Довезёт или нет он нас живыми?» — думал я, лёжа в самолёте, но страха не испытывал. Примерно через час полёта мы приземлились на полевом аэродроме. Нас высадили из самолёта, сразу взяли мою винтовку, а нас самих привели в брезентовую палатку, где топилась железная печка, и были санитары. Только я уселся около печки, чтобы погреться, как объявили тревогу. Самолёты врага совершили налёт. Присутствовавшие в палатке бросились кто на пол, кто под койки, кто-то, пробегая, ступил мне на обмороженную ногу. Я взвыл. Ложиться не стал, остался сидеть. Наступило какое-то безразличие. В ту же ночь меня отвезли в какой-то сарай, около деревни, называлась, кажется, Мелетино. Сарай или барак был тёплый, с нарами в два ряда. Здесь было много раненых и обмороженных. Кормили здесь хлебом, а не сухарями. Давали суп, и даже было, кажется, второе. До обеда хлеб ещё был, а в ужин уже не было. Его давали утром на весь день один раз.

Суток через двое-трое нас погрузили в товарные вагоны и повезли. Везли нас через Ярославль в Кострому в госпиталь. В Костроме мне под наркозом сделали операцию. Ампутировали отмёрзшие пальцы, которые к тому времени почернели и высохли, были до смешного малы,

а на границе обморожения образовались раны. В Костроме госпиталь был переполнен, и меня вначале положили на раскладушку в коридоре. Примерно сутки ко мне никто не подходил и ничего не делал, кроме того, что давали пищу. Но у меня открылся понос и пропал аппетит. Я стал отказываться от еды. Тогда меня положили в палату, стали давать для аппетита по 30 г коньяка. Аппетит восстановился, понос вскоре прекратился. Операцию мне сделали уже дней через десять, когда я немного окреп.

Где-то в апреле 1942 года меня погрузили в санитарный поезд и отправили на восток. В пути следования я видел на перронах новобранцев. Я спросил у одного из них, какой год рождения призывается. Мне ответили, что 1923 год, то есть мой год рождения, а я уже ехал в санитарном поезде. Привезли нас в г. Ленинск-Кузнецкий Новосибирской (в то время) области на станцию Кольчугино. Здесь я лечился до 12 августа 1942 года, из госпиталя меня направили домой со снятием с военного учёта.

По приезде в Ленинск-Кузнецкий я был поражён мирной обстановкой. По вечерам и даже ночью — никакой светомаскировки, электрические фонари горели на улицах. Я особенно остро ощутил обстановку в тылу врага, откуда недавно прибыл. Я вспомнил о товарищах, оставшихся там, и беспокойство защемило сердце. Я знал, что

они остались в болотах, а наступила уже весна, снега всё больше таяли даже и там, в болотах. А они голодные, в валенках и зимнем обмундировании, потерявшие многих своих товарищей, всё ещё громят вражеские гарнизоны, пытаются пробиться к своим через вражеское кольцо огня, возможно, многие из них уже сложили головы в этих гиблых болотах. Первоначальная радость от того, что я вырвался из этих адских условий и остался жив, померкла*.

* **Демянская десантная операция** (18 февраля – 14 апреля 1942 года) – операция советских воздушно-десантных войск с целью уничтожения Демянской группировки противника на Северо-Западном фронте, составная часть Демянской наступательной операции 1942 года. Данная операция не является в полном смысле слова воздушно-десантной, поскольку проникновение десанта в тыл врага осуществлялось не путём его десантирования, а путём перехода линии фронта. Но авторы трёх основных источников (практически единственных по истории операции), именуя операцию «десантной», исходят из того, что для операции использовались части ВДВ, задачи операции и действия войск соответствовали обычным задачам воздушных десантов, а минимальное десантирование всё-таки производилось.

К 8 февраля 1942 года в ходе Демянской наступательной операции силами войск Северо-Западного и Калининского фронтов южнее озера Ильмень и к востоку от города Старая Русса была окружена Демянская группировка вермахта (6 дивизий, тыловые подразделения 2-го армейского корпуса, численно-

стью более 70 тыс., или даже до 105 тыс. человек). Далее советские войска имели задачу – уничтожить Демянскую группировку противника, освободить города Холм и Старая Русса, отбросить группу армий «Центр» в районы Смоленска и Витебска.

Однако уничтожить немецкие части в «котле» быстро не удалось – действия советских войск были плохо скоординированы, отсутствовали подвижные соединения, немецкая авиация господствовала в воздухе, разведка давала заниженные сведения об окружённой группировке (оценивала её в 50 тыс. человек). Установилась суровая и снежная зима. Наступавшие части снабжались крайне недостаточно, дороги для манёвра войск практически отсутствовали. Напротив, немецкое командование сумело принять решительные меры по укреплению своей обороны (создание сети опорных пунктов и выделение мобильных резервов для переброски на угрожаемые участки) и организации эффективного снабжения окружённых войск по воздуху.

Уже первые попытки уничтожения Демянской группировки показали, что эта задача является трудно решаемой – войска несли значительные потери, оплачивая ими продвижение на сотни метров. Тогда командование Северо-Западного фронта (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин, начальник штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватулин) предложили осуществить воздушно-десантную операцию по рассечению окружённых немцев и дезорганизации их коммуникаций в «котле» силами ВДВ путём выброски их в тыл противника.

Выполнение операции было возложено на 1-ю и 2-ю маневренные воздушно-десантные бригады (МВДБ), 204-ю воздушно-десантную бригаду (ВДБ),

а также приданные им отдельные лыжные батальоны. Первоначальный план операции – десантирование с самолётов всего личного состава бригад внутрь «котла», но из-за отсутствия достаточного количества военно-транспортной авиации план был изменён. Сначала решили произвести высадку с воздуха небольшой группы десантников для оборудования временных взлётных полос, затем в «котёл» через промежутки между опорными пунктами немцев должны были прорваться остальные силы бригад, а дальнейшее снабжение и эвакуация раненых должны были осуществляться с этих временных полос. Взлётные полосы предполагалось оборудовать на северо-западе замёрзшего болота Невий Мох северо-западнее Демянска, недалеко от деревень Большое Опуево и Малое Опуево.

Перед десантом были поставлены следующие цели: уничтожить важнейший узел снабжения Демянской группировки – аэродром в деревне Глебовщина, что дезорганизовало бы её снабжение; уничтожить штаб 2-го армейского корпуса в деревне Добросли; затем выполнить рейд в район южнее деревни Бель и на Ватолино, уничтожая тыловые коммуникации врага, и прорвать изнутри периметр «котла», после чего соединиться с «группой Ксенофонтова». 2-я МВДБ и 54-й отдельный лыжный батальон должны были очистить от противника местность вокруг железной дороги Кневицы-Лычково на севере «котла» для беспрепятственного её использования в интересах снабжения наступающих войск. Операция планировалась на использовании факторов скрытности, внезапности и манёвра.

К операции были привлечены около 9 500 бойцов. Но если 204-я ВДБ была хорошо обучена и состояла из бойцов,

уже принимавших участие в боях, то обе МВДБ были недавно сформированы под Кировом и состояли преимущественно из необстрелянных бойцов 18–20 лет. Оснащение бригад было лёгким, из противотанковых средств имелось только небольшое количество противотанковых гранат, небольшое число лёгких миномётов калибра 37 мм и 50 мм. Форма одежды была зимней, на ногах – валенки. Транспортные средства, в том числе лошади, отсутствовали.

Начало операции

С 15 по 18 февраля 1942 года один батальон из 204-й ВДБ был десантирован с воздуха внутрь «котла» в район болота Невий Мох для подготовки баз и разведки. Затем на лыжах бригады были введены в «котёл»: 1-я МВДБ (командир подполковник Николай Ефимович Тарасов) с 6 по 8 марта; 204-я ВДБ (командир майор Гринев) – 11–15 марта; 2-я МВДБ – 13–16 марта.

При этом противник обнаружил как воздушный десант, так и проход бригад внутрь «котла». Срочно были приняты ответные меры: на охрану аэродрома был снят полк из состава дивизии СС «Мёртвая голова», созданы мобильные патрульные группы из тыловых частей, усилены гарнизоны опорных пунктов и организовано патрулирование между ними. Воздушная разведка противника выявила строящиеся взлётные полосы.

В результате усилившегося противодействия противника сосредоточение десанта (особенно 204-й ВДБ) затянулось. Командиры бригад начали активные боевые действия, не дождавшись их сосредоточения. Первая же атака части сил 1-й МВДБ на опорный пункт в деревне Малое Опуево привела к боль-

шим потерям – до 200 человек убитых, раненых и плененных. Противник получил информацию о планах операции и спешно перебросил свои силы к угрожаемым объектам. Большое количество раненых резко снизило мобильность десантников.

16 марта 1942 года командующий Северо-Западным фронтом назначил командира 204-й ВДБ старшим командиром советских десантных сил в «котле» и приказал ему всеми силами бригад 18 марта атаковать одновременно Демянск, Добросли и Глебовщину, уничтожить их гарнизоны, затем 1-й МВДБ отходить на Старое Тарасово и Бель, а 204-й ВДБ – на Шишково.

19 марта была проведена одновременная операция по уничтожению в деревне Добросли штаба 2-го армейского корпуса) и по уничтожению аэродрома в Глебовщине. Обе атаки были отбиты, причём по немецким донесениям только в бою за Добросли было убито свыше 500 десантников.

22 марта бригада Гринёва отправила раненых с конвоем в полевой лазарет на болоте Невий Мох, а сама (до 500 человек) двинулась на юг в обход с запада Демянска, имея цель напасть на штаб 12-й пехотной дивизии немцев в деревне Игожево. В это же время командир 1-й МВДБ Тарасов силами примерно 2 тыс. десантников сосредоточился на болоте Гладкое, изготовившись к атаке деревни Тарасово – важному узлу линий коммуникаций «котла».

Срыв операции

Неподготовленность десанта к автономным действиям очень быстро дала о себе знать, резко снизив боеспособность бригад: возник острый дефицит в продовольствии (при выходе в немецкий тыл бойцы имели по 3 суточных ком-

плекта продовольствия), начался голод. Появились больные и обмороженные, было много раненых. Костры в тылу врага было запрещено разводить, поэтому ели холодные сало, консервы и концентраты. Запасы принесённого на себе продовольствия исчезли очень быстро. Поскольку многие болота не замёрзли, валенки промокали, а из-за невозможности их просушить появилось много простудившихся и обмороженных.

18 марта был создан полевой госпиталь на южной окраине болота Невий Мох, примерно в двух километрах от Малого Опуево. Там раненые и больные размещались в шалашах из еловых ветвей прямо на снегу, без обогрева, почти без питания, в мокром обмундировании, на морозе и с минимумом лекарств. Уже тогда число раненых было близко к 500. В сохранивших боеспособность частях имелся острый недостаток боеприпасов. С того же дня началось авиационное снабжение бригад путём сброса контейнеров и мешков с припасами с самолётов ТБ-3 и посадками самолётов У-2 на болоте Невий Мох.

Немецкое командование приступило к преследованию десантников мобильными группами, постоянным артиллерийским и миномётным обстрелам мест их сосредоточения, начались авиационные налёты.

В северной части «котла» 2-я МВДБ и 204-я ВДБ сосредоточились южнее Заболотья для атаки деревни Лычково. Однако вечером 17 марта немецкая артиллерия массированно обстреляла расположение десантников – около 100 человек погибло. Тем не менее, вечером 18 марта, выполняя поставленную задачу, десантники атаковали железную дорогу Лычково-Кневицы, а части 34-й армии начали атаку через «периметр» навстречу десантникам. Обе атаки были отраже-

ны. Потери десантников под Заболотьем составили по немецким данным не менее 200 человек. 23 марта 2-я МВДБ атаковала само Лычково и ворвалась в село. Упорный бой продолжался около 12 часов, но в итоге немцам удалось выбить десантников на окраины села и удержать станцию. Потери десантников превысили 500 человек. К 25 марта от этой бригады осталось лишь около 300 человек, частично раненых. После последней неудачной атаки Лычково в ночь с 26 на 27 марта остатки бригады распались на мелкие группы, которые стали просачиваться через линию фронта.

В южной части «котла» 1-я и 204-я бригады начали попытки уничтожить гарнизоны Игожево и Старого Тарасово. 24 марта 204-я ВДБ атаковала Игожево, но после упорного семичасового боя отошла, потеряв 181 убитого и 16 плененных. Немецкие потери составили 33 убитых, 37 раненых. 26 марта 1-я МВДБ атаковала немецкие позиции у Старого Тарасово и деревни Меглино, также безуспешно и с большими потерями (по разным данным от 170 до 436 убитых, среди раненных был командир бригады Тарасов). Стало ясно, что оставшимися силами задачи операции выполнены не будут.

Ликвидация советского десанта

Сразу после неудачного боя 26 марта один батальон 1-й МВДБ, воспользовавшись суматохой противника, прорвался через линию фронта и вынес на себе более 100 раненых. Остатки бригад (около 1 тыс. бойцов, из которых более чем 300 раненых) отступили на край болота Гладкое. В ту же ночь самолётами У-2 были эвакуированы командный состав бригад и несколько раненых. Было решено вновь разделиться и мелкими

группами в обход гарнизонов пробиваться к своим. Но немецкое командование уже было готово к таким действиям, выслал на пути отхода усиленные части. Последовала серия разрозненных боёв по уничтожению советских групп. Несмотря на героизм десантников, как правило, такие бои оканчивались полным или почти полным их уничтожением. Так, 28 марта южнее деревни Маслово в бою было убито около 130 десантников, 29 марта у болота Гладкое – ещё около 100 человек, в тот же день десантники были выбиты из села Малое Опуево, где погибло около 180 бойцов и 27 – захвачены в плен. Пока действовал аэродром на болоте Невий Мох, удалось вывезти самолётами 539 раненых и командиров.

В начале апреля 1942 года были предприняты три попытки прорыва с большими потерями. Бой против десантников вели уже танки и бронемашинны. Во время ночного прорыва в ночь на 8 апреля был пленён командир бригады Тарасов и убито около 80 десантников. На следующую ночь в очередной попытке прорыва был убит новый командир бригады подполковник Устинов. 14 апреля 1942 года состоялся последний крупный прорыв – командир 1 батальона 1-й МВДБ капитан И. И. Жук вывел к своим больше 200 человек, основная масса которых – раненые.

По немецким данным последний бой в районе действий советского десанта имел место 3 мая 1942 года. Ещё несколько дней после этого линию фронта переходили одиночные бойцы и маленькие группы. Более двух месяцев истощённые бойцы без пополнений и без снабжения вели героическую неравную борьбу.

Несмотря на героизм бойцов, ни одна из задач операции решена не была.

Три десантные бригады были практически полностью уничтожены. Так, безвозвратные потери 1-й МВДБ составили более 2 600 человек из 3 тыс., 204-й ВДБ – более 1 800 человек из 2 тыс бойцов, во 2-й МВДБ остались в живых менее 500 бойцов.

Столь трагический итог операции стал причиной того, что она не упоминалась в советской литературе и оказалась полностью забытой. Ещё одной причиной к тому стало предательство командира 1-й МВДБ Тарасова, который в плену пошёл на сотрудничество с немцами.

(URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демянская_десантная_операция)

* * *

У берёз уже появлялись жёлтые листья в зелёной кроне. Было ещё тепло, но чувствовалось приближение осени, когда я солнечным августовским днём прибыл на станцию Зуевка, возвращаясь из госпиталя домой. На станции около рынка я встретил соседа Илью Егоровича Кошечева. Он приезжал с хлебозаготовками, сдал зерно и собирался домой. Он с готовностью согласился и привёз меня домой на лошади. Матери дома не было, она была на работе. Около вечера я встретил брата Ваню, возвращавшегося с поля. Вечером с работы пришла моя мать, которой кто-то уже сообщил о моём приезде.

После ужина к нам в избу собрались женщины – соседки и соседи. При свете копилки они спрашивали меня: «Ну, а наши-то мужики где,

П. И. Соболев. 1942 г.

скоро ли они придут, живы ли они?» Я знал, что они это спрашивают с юмором, но разъяснял им серьёзно, что я служил не вместе с ними и ни о ком ничего не слышал. Позднее при встречах женщины жаловались на нехватку рабочих рук в колхозе, на отсутствие мужчин, которых так не хватает в хозяйстве, на отсутствие порядка в колхозе «Красный Кунгур». Они сообщали, что председателем колхоза у них Пётр Овсянников из какого-то дальнего сельсовета, что живёт он один, а семья его там, дома, что он часто ездит домой, увозит туда хлеб. Считали они его не

очень серьёзным человеком и говорили, что фактически всем заправляет мой сосед Степан Яковлевич Трегубов, инвалид без рук и без ног, обморозившийся ещё до войны по пьянке. Они просили меня остаться в деревне и помочь им.

Брат мой Иван в 16 лет был бригадиром, но не полностью, обязанности бригадира он делил со Степаном. Иван бегал по полям, учитывал работу, расставлял колхозников на рабочих местах, измерял площади убранного урожая и посеянного клина. Степан же исчислял площади, начислял заработок (трудодни) согласно нормам выработки и заносил в трудовые книжки. Писал он левой рукой, правой кисти у него не было совсем, а у левой руки — только половина большого пальца. Ставку бригадира они делили пополам.

Всякий раз, глядя на соседа Степана Яковлевича, которого так жестоко обкарнала жизнь, я вспоминаю ту часть его жизни, которая была известна мне лично из рассказов матери и разговоров старших. По рассказам тётки Евфросиньи Алексеевны и моей матери мне было известно, что даже в молодости Степан был себе на уме, парень неглупый, любил пошутить. Однако шутки у него получались какие-то всегда с ехидцей, иногда оскорбительные. Любил он посмеяться над девушками, хотя сам ещё не был женат. Поэтому деревенские девки, организуя посиделки, пускали на

них моего дядю, соседа Арсентия, Ивана Андреевича, а Степана Яковлевича и Семёна Степановича не пускали.

Женился он на девушке из соседней деревни Мартеловцы Анюте, которая не была красавицей, кроме того, она была не очень расторопна, хотя и трудолюбива. На этой почве у неё со свекровью, которая жила с ними, бабушкой Еленой, сестрой моего деда, были постоянные ссоры. О её нерасторопности и неуклюжести она рассказывала соседям и чаще всего деду, как своему брату, бабушке и племянникам — моему отцу и дяде Александру. Дед и племянники редко поддерживали её сторону. Говоря об Анюте, бабушка Елена приводила примеры о себе. Очевидно, она в молодости в самом деле была бойка, проворна и ловка. Однако на её рассказы мой отец иногда замечал: «Тётка, зря ты поносишь Анюту. Женщина она трудолюбивая, а что не очень расторопна, так ведь не все же люди одинаковы. Ты хочешь, чтобы она непременно была также расторопна и бойка, как ты». Бабушка Елена приводила пример, как она однажды, сварив суп, принесла его в глиняном кувшине свёкру в поле, половину пути бежала бегом. Когда свёкор стал есть, он обжёгся супом (так он был ещё горяч) и изрёк: «Ну, что “знаит”, не леший ли тебя нёс, суп и теперь ещё чуть ли не кипит». Однако, недобрая молва, разносимая свекровью, создала Анюте репутацию неради-

вой и не очень опрятной женщины. Между собой женщины говорили по этому поводу: «Вот подсмеивался Степан над девками, а самому-то какова жена досталась».

Во время коллективизации Степан был одним из активистов, членом РКИ, а в колхозе длительное время был бригадиром. Надо сказать, что бригадир он был хороший, умел ладить с людьми, гасил ссоры, поддерживал справедливость в предоставлении работы. Позднее его избрали председателем колхоза, но председатель из него получился никудышный, стал пьянствовать не в меру, и его вскоре, года через два, с должности его сняли. <...>

В лютую стужу возвращался он на лошади из Зуевки пьяный, был в тулупе и в валенках. В санях в пути уснул. Лошадь привезла его к конному двору, и здесь он спал продолжительное время на морозе, пока его не обнаружил конюх. Погружение рук и ног в холодную муку не помогло. Не помогло и растирание. Левую ногу ампутировали чуть ниже колена, у правой отняли стопу. Правую руку ампутировали чуть ниже локтя, все пальцы левой руки, за исключением половины большого пальца. Всё лето он лежал дома, в хорошие дни в огороде под черёмухами. Сделал протез ноги (деревяшку), научился писать левой рукой, зажав ручку между ладонью и обрубком пальца. Соседи сжалились, избрали его счетоводом. Он немного ожил. А во время войны

получал помимо ставки счетовода ещё и полставки бригадира.

Женщины, встречая в поле председателя, стали требовать от него, чтобы он назначил меня бригадиром. Собрали собрание, вынесли решение поставить меня бригадиром, выдавать мне авансом 24 кг муки ежемесячно. Я объяснил также, что поскольку получил на фронте обморожение ног, а раны ещё совсем не зажили, впереди предстоит холодная осень, я не смогу целый день находиться на холоде, а буду вынужден заходить греться домой. Женщины не возражали и для облегчения ходьбы выделили мне верховую лошадь. Я сказал также, что я не стану делить ставку бригадира со Степаном Яковлевым, а всю работу бригадира буду выполнять сам.

Так я проработал три месяца. Основные сельскохозяйственные работы были выполнены, оставался несжатым овёс. Женщины в преддверии зимы просили меня дать им возможность заготовить дров. Я давал им такую возможность поочерёдно. А по первому снегу, во вьюгу, в метель, когда на току нельзя было молотить, они вывезли дрова и были очень довольны.

В конце ноября 1942 года меня вызвали на медкомиссию в райвоенкомат и снова призвали в армию, в запасной полк. В запасном полку я подружился с Афанасием, фамилию его не помню. Станный он был человек. Полк находился где-то около Москвы. Я немного приболел,

и Афанасий приносил мне пищу в казарму. Спали мы тоже рядом. Он рассказывал о себе, что воспитывался в детском доме, что родных у него никого нет, и что жалеть ему свою жизнь нечего, плакать по нему некому. Погиб он по-дурацки тут же в запасном полку. Он ходил на пост к каким-то объектам и находился в караульном помещении. Сам ли он ушёл, или его с какими-то товарищами отпускали, только они зашли куда-то на вечеринку в подвыпившем состоянии. Здесь они поскандалили с военными из других частей. Афоня прибежал в караульное помещение, схватил винтовку. Прибежал снова к дому, где была вечеринка, и с улицы открыл стрельбу по окнам, кого-то ранил. Из дома стали отвечать стрельбой из винтовок и автоматов. Он отполз подальше и продолжал стрельбу, пока не был убит автоматной очередью.

Представители от разных частей приезжали в запасной полк и подбирали себе команды из него. Солдаты называли их «покупателями». Наконец, отобрали и нас несколько человек. Оказалось, нас набрали в рабочую 196-ю отдельную роту, которая в основном обслуживала интендантский склад НКО № 796 4-й гвардейской танковой армии. Иногда брали солдат из роты и на артиллерийский склад для погрузки или разгрузки снарядов. Все эти склады были объединены в армейскую базу № 4.

Управление армейской базой возглавлял подполковник Павел Ива-

нович Хведыныч. При нём было человек семь офицеров и трое солдат. Офицеры назывались диспетчерами. Каждый такой диспетчер выполнял определённые задания. Ему давали номера транспортов с горючим, продовольствием, боеприпасами. Он должен был узнать их местонахождение на станции, как можно дольше следить за их движением и сообщать об этом другому диспетчеру, а тот давал сводные данные во 2-й эшелон армии начальнику тыла или зам. командарма по тылу. Таким замом в 4-й танковой длительное время был генерал-майор Хитенков. Командующим армией вначале был генерал-лейтенант Баданин, а затем стал Д. Д. Лелюшенко, генерал-полковник. Управлению армейской базы была подчинена и 196-я отдельная рабочая рота. Я попал туда, когда армия была на переформировании (или формировалась только рабочая рота, точно не знаю).

Весной 1943 года располагались мы недалеко от Москвы, на ст. Кубинка, а позднее переехали на ст. Одинцово. В Кубинке мы были недолго и, по существу, отдыхали несколько дней. Солдаты в роте были в основном калеки: кто без глаза, кто без руки, хромые, но были и выздоравливающие. Их периодически отправляли на фронт.

Помню как однажды, в летний день 1943 года, построившись в колонну по двое, мы — человек 20 — пошли куда-то на лужайку. В колонне был гармонист, и я услышал

впервые песню «Морковка». Гармонист подыгрывал, а запевала начинал: «Захотела я морковки, чум-чура-рира-ра, и на рынок я пошла, ку-ку, да-да! Весь я рынок исходила, чум-чу-ра-ри-ра-ра, и морковки не нашла, ку-ку, да-да!» И так далее. Первую половину куплета выводил запевала, а остальные припевы пели все дружно.

В Одинцово разгружали продовольствие: муку, крупы, консервы, спирт и тому подобное. Спирт поступал в огромных бочках, его затем перекачивали в маленькие бачки шлангом, который вначале надо было засасывать, как бензин. Несмотря на грозные окрики зав. складом еврея Емдина, солдаты ухитрились принести с собой пустую консервную баночку, и с её помощью выпить. С работы приходили «во лузях». Я долго крепился и не пил. Емдин, очевидно, заметил это и доверял мне работать на складе, называя меня комсомольцем. «А ну-ка, комсомолец, — говорил он, — принеси-ка вон тот ящик сюда». Возможно, он со временем сделал бы меня постоянным работником по складу, а может быть и своим помощником, но я однажды не удержался и выпил из консервной баночки. На склад меня он после этого посылать не стал. Мне казалось странным его поведение. Кричал он только для вида. Заметив, что солдаты из шланга наливают в банку спирт и пьют, он кричал: «Эй, ты! Брось сей же час банку! Брось, говорю, ты что, в штрафную роту за-

хотел что ли?» При этом он подбегал к бочке. Солдаты, не обращая внимания на его крики, поспешно пили. Он подбегал, говорил: «Ну, давай, допивай быстро и бросай банку».

Вскоре меня перевели часовым в управление армейской базы, а затем оставили там связным. Среди ночи мне приходилось идти на склад с пакетом, а также выполнять другие поручения. Связных нас было двое: я и Василий Вылегжанин, тоже кировский, кажется из Шестаковского района, и был ещё ординарец у подполковника — старый солдат Теплов, родом из Уфы. Позднее мне стали поручать диспетчерскую работу, а ещё позднее стали оставлять одного диспетчером на станции, и я ежедневно отчитывался только по телефону.

Некоторое время я жил на ст. Хоросткув и на ст. Сталува Воля в Польше. В Хоросткуве я жил у поляка недалеко от станции, летом ночевал иногда в сарае, в соломе, считал, что так безопаснее, так как в одну из ночей в деревне неподалёку от станции были зарезаны 12 человек солдат из войск НКВД, которые там почему-то ночевали. Говорили, что сделали это бандеровцы. В Польше же, неподалёку от г. Тарнобжег, мне пришлось ещё раз увидеть злодеяния бандеровцев.

В деревне Цыганы, где раньше дислоцировался какой-то штаб, из Восточной Пруссии (наши войска только что вошли туда с боями) приехали на легковой автомашине под-

полковник и лейтенант, а с ними шофёр и ординарец. Они привезли несколько трофейных тряпок и остановились ночевать у поляка, у которого жили раньше, когда часть стояла на отдыхе и формировании. Они ехали всю ночь, не спали. Приехав, выпили имевшегося у них пива, поели и легли спать. Странное готовилось им пробуждение...

Шофёр, который спал на печи, услышал, как его кто-то дёргает за ноги и предлагает вставать. Поднявшись, увидел, что внизу около него стоит автоматчик в гражданской одежде, направив на него автомат. Оглядевшись, увидел, что хозяев в избе нет, подполковник, убитый, лежит у порога, а лейтенант, раненный в обе руки, сидит у стола под конвоем двух автоматчиков. Ординарца нигде не было. Автоматчик предложил шофёру следовать к машине, которая стояла в ограде. Туда же привели лейтенанта. Шофёра посадили за руль и предложили ехать, а куда – они скажут. На заднее сиденье сели лейтенант и два автоматчика. Все автоматчики были в гражданской одежде.

По указанию автоматчиков шофёр привёл машину в лес, где расположен был какой-то лагерь. Один из автоматчиков отработовал подошедшему гражданскому человеку в пальто, что его задание выполнено. Тот приказал захваченных привести позднее к нему на допрос. Он ушёл, ушли и автоматчики, за

исключением одного, оставшегося у машины.

Шофёр взглядом и жестами показал лейтенанту, что надо бежать. Тот тоже взглядом указал на ранения и дал понять, что он бежать не может. Шофёр попросил у часового спичек, а когда тот стал их давать, приоткрыв дверцу машины, шофёр схватил и рванул его за руку так, что тот упал. Шофёр попытался отобрать автомат, но часового упал на автомат и закричал. Тогда, бросив часового и его автомат, шофёр бросился в чащу леса. По нему открыли стрельбу, но пули миновали его...

Часов в 11 дня солнечным весенним днём я шёл от расположения рабочей роты в управление базы по польской деревне. Неожиданно на дороге появился человек без головного убора, в военной телогрейке и брюках, в сапогах, со всклокоченными волосами и быстрым шагом направился ко мне. Я подготовил пистолет... Подойдя ко мне, он спросил, есть ли в посёлке комендант или воинская часть.

– А в чём дело? – спросил я.

– А вот сегодня утром в деревне Цыганы бандеровцы, или кто они, убили подполковника и его ординарца, а лейтенанта раненого и меня на машине затащили в лес, но мне удалось убежать от них.

И он мне рассказал так, как описано выше с его слов.

Я привёл шофёра к командиру рабочей роты ст. лейтенанту Кри-

цыну (до него был ст. лейтенант Аксельрод). Тот повторил свой рассказ ему. В моём распоряжении были две грузовые автомашины ЗИС-5 для вывозки имущества со складов на железнодорожную станцию, потому что основные части уже ушли вперёд, и нужно было двигаться и нам. Я предложил ст. лейтенанту посадить солдат рабочей роты на автомашины, окружить деревню Цыганы и, если удастся, то разгромить банду, а если нет – хотя бы забрать трупы. Криницын со мной не согласился. Он сказал, что нельзя оставлять склады без достаточной охраны, и что пока мы их разыскиваем, бандиты могут разгромить склады. Он взял половину имевшихся людей, а также договорился с польскими командирами, они дали человек 15–20 польских солдат с ручным пулемётом. Мы тоже взяли оружие, винтовки, гранаты. Окружили деревню. Разумеется, никаких бандитов не нашли. Нашли человека, который возил трупы подполковника и его ординарца. Мы взяли его, поехали в лес. Нашли место захоронения в чаще леса под хвостом. Раскопали могилу, она была неглубокой, вытащили трупы, положили их в машины. Вдали, в глухом лесу по просеке виднелось небольшое строение. Вначале мы хотели доехать до этого строения и узнать, что это такое, но, посоветовавшись, решили в этот день туда не ездить, начало смеркаться, мог завязаться ночной бой, а мы не знали сил бандитов и вообще ниче-

го не знали о них, кроме того, что сообщил шофёр.

Мы задержали и взяли с собою поляка, который возил трупы в лес якобы по принуждению каких-то штатских лиц. Задержали ещё одного молодого, здорового детину – поляка, шедшего по деревне Цыганы с пиджаком через плечо. На наш вопрос, откуда он идёт, ответил, что он «орал», то есть пахал и идёт на обед. На пахаря он был похож мало, и мы его задержали. Трупы и задержанных мы под конвоем на автомашинах отправили в ближайший г. Тарнобжег (15–20 км), где находились два капитана, представители от нашего командования. Лейтенанту якобы тоже удалось бежать от бандитов в другую польскую деревню, но бандиты нашли его там в одном из сараев и убили. Мы вскоре уехали вперёд на Запад и чем кончилось расследование убийства не узнали.

«Вперёд на Запад!» – такой лозунг, плакат можно было видеть в каждой газете, на каждом перекрёстке. Но путь на Запад лежал не по ровным дорогам, а по полям и лесам, с упорными боями, и сыны России обильно поливали их кровью своей и вражеской.

Некоторое время мне пришлось работать на станции Финстервальде (Finsterwalde). Это было уже на территории Германии в конце войны. Эшелоны с военной техникой шли и шли. Работы было очень много. Поселился я в деревне Бойтерзитц

(Beutersitz). Несколько позднее здесь же расположился штаб армейской базы 4-й гвардейской танковой армии, которой командовал генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Членом военного совета армии был генерал-майор В. Г. Гуляев. Его брат в звании сержанта был работником продовольственного склада НКО № 796. Мой непосредственный начальник – начальник армейской базы № 4 – подполковник Павел Иванович Хведыныч.

Рано утром вставал я (часов в 6, а то и раньше) и на велосипеде или на веломотоцикле мчался на станцию, чтобы получить сведения о прибывающих транспортах. В первый же день я застал такую картину. Уборщица (пожилая немка) на площадке перед зданием станции мыла покрытый бархатом диван с белой и розовой расцветкой. Приглядевшись внимательнее, я понял, что диван обильно пропитан кровью. Уборщица поливала на него воду и скребла ножом (или скребком), смывая кровь. Я подошёл и спросил уборщицу, почему диван весь в крови. Она сбивчиво объяснила, что перед приходом русских начальник станции, член нацистской партии, опасаясь мести, посадил на диван свою семью: жену и двух дочерей, застрелил их всех из пистолета, а затем здесь же застрелился и сам. Теперь она смывает их кровь с дивана. Качнув головой, я отошёл от рассказчицы. Сказать ей Danke за рассказ не повернулся язык.

Победа!

Вот здесь, на ст. Финстервальде, а вернее в деревне Beutersitz, мы и встретили известие об окончании войны в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Сначала мы даже не знали, по какому поводу открылась стрельба из всех видов оружия кроме пушек! Вначале полагали, что вышла откуда-то немецкая воинская часть, не сдавшаяся в плен и оставшаяся в тылу наших войск (такое бывало), и завязала перестрелку. Однако скоро выяснилось, что это от чрезмерной радости от известия об окончании войны все солдаты и офицеры из оружия, у кого какое оказалось, салютуют в честь Победы! Радость была безграничной! Чтобы понять это, надо было четыре года идти дорогами войны, теряя родных, дорогих людей, боевых товарищей, самим получая ранения и увечья.

Победа! Это на 70 % была уверенность в том, что уже теперь останется жить тот, кто остался жив. Подчёркиваю: на 70! Потому что потери, хотя и менее многочисленные, но от этого ещё более тяжкие, были. Вдвойне обидно за тех, кто, отметив Победу по-русски выпивкой изрядной доли метилового спирта, отравился. Из нашего штаба погибли таким образом ст. лейтенант Пузанов и майор В. Логинов. Пил этот спирт и я. Правда, выпил его немного. До этого ещё утром шофёр подполковника П. И. Хведыныча Башмаков предложил мне выпить имевшегося

у него медицинского спирта. Я не отказался, выпил примерно 100 грамм, около обеда ст. лейтенант Пузанов предложил мне и младшему сержанту В. Вылегжанину принести ему от автомашины канистру со спиртом. Мы принесли (хотя принести можно было и одному). За это в честь Победы он налил нам по стакану (250 г) спирта. Присутствовавший здесь же ст. лейтенант Жугастр (такова фамилия) сказал мне: «Соболев, ты не пей весь спирт из стакана, отлей. Видишь, какая жара на улице, а характер у тебя хреновый». Говорить так о моём характере у него были основания, но об этом позже. Я согласился с ним и, отлив примерно половину стакана, дополнил его водой и выпил. Больше я ничего в тот день не пил. Вечером того же дня я услышал немецкую песню в несколько голосов. Выглянув на улицу, увидел, что из дома, где жил Пузанов, идут хозяева моего дома и кто-то ещё с песнями.

На следующий день старуха сообщила мне, что её супруг умер. Заболел и не вставал с постели старший лейтенант Пузанов. Несмотря на принятые меры немецким врачом, доставленным для этого, Пузанов умер вечером того же дня. Ещё через два дня умер майор Логинов в госпитале. Опасался за свою жизнь и я, так как ещё более суток я ходил, как шальной. Но болеть мне было некогда. Около базы ГСМ загорел торф и надо было организовать окапывание территории. Командиров на своих местах не было, или были

в нетрезвом виде. Я носился на велосипеде, как челнок, с ветерком. Вероятно, этот ветерок помог мне справиться с отравлением. Оказалось, мы пили метиловый спирт.

Когда я приехал в рабочую роту (это на другой день после сообщения о Победе), там в честь Победы накануне тоже пили метиловый спирт. На лужайке лежало человек восемь отравившихся спиртом пожилых солдат. У некоторых из них изо рта, пузырясь, шла кровавая пена. Солдаты были похоронены, пожар остановлен, и служба стала входить в нормальную колею.

Вскоре мы передислоцировались в г. Эберсвальде, но и здесь были недолго, примерно в августе 1945 года нас погрузили в вагоны и направили в Венгрию. Обосновались сначала в г. Сомбатель, а затем в г. Секешфехервар. Эшелон наш стоял подолгу на железнодорожных станциях. Мне как военному диспетчеру 4-й гвардейской танковой армии (у меня было об этом удостоверение) было поручено как можно быстрее проталкивать свой эшелон к месту назначения. Но проталкивать было непросто. Станции были забиты эшелонами, в том числе с танками и другим вооружением. Появились первые эшелоны с демобилизованными пожилыми солдатами.

В нашем эшелоне было три двухосных вагона. В одном из них ехали я и старшина Яков Червяков. В другом вагоне – человек 15 солдат ещё не одетых в обмундирование, осво-

бождённых из плена, а третий вагон следовал почему-то порожним. В нашем же вагоне было имущество армейской базы, в том числе мой трофейный велосипед и трофейный веломотоцикл, а у старшины была гармошка – 1/4 аккордеона, на которой я иногда пикиал на досуге.

На одной из станций, когда мы следовали по Чехословакии, к вагону подошла женщина (чешка) и на ломаном русском языке стала объяснять, что неподалёку от нас в пассажирском поезде пьяный русский солдат пытается изнасиловать чехословацкую девушку. Мы были возмущены поведением мерзавца, и по предложению старшины я, взяв двоих солдат с оружием, вошёл в поезд. Освещения не было. В купе вагона пригородного поезда в углу лежали высокой грудой какие-то вещи. На вершине груды, сжавшись и прижимаясь к стене, сидела молодая девушка. При свете фонаря мы увидели пьяного солдата, комбинезон и брюки его были спущены к ступням ног. Оголённый, не обращая внимания на свет, он лез к девушке, пытаясь взобраться на груды вещей, и даже пытался ударить по фонарю. Один из солдат взял пьяного, надел на плечо ему комбинезон, закрыв таким образом оголённые непотребные места, затем поставил его на ноги, стукнул им о стойки с той и другой стороны, так как тот пытался сопротивляться, и мы его вывели из вагона под одобрительный гул пассажиров-чехословаков. Поса-

дили его в пустой вагон, закрыли вагон снаружи с намерением сдать его на следующий день в комендатуру. За ночь проехали километров 200. Рано утром он упросил солдат доставить его к старшине. Они доставили. Здесь он стал умолять старшину, чтобы тот не сдавал его в комендатуру, поклялся больше так не делать. И старшина Я. Червяков его отпустил.

Чехословаки встречали русских солдат, как родных братьев. Даже в проходивших эшелонах приветствовали нас поднятием руки и криком: «Наздар!» Эшелон следовал дальше.

Прибыли в Будапешт. Здесь нас нашёл представитель армейской базы, один из офицеров, и сообщил мне, что армейская база и рабочая рота расформированы, и что мне следует прибыть в распоряжение начальника склада НКО № 796. Я покинул эшелон, нашёл склад в Сомбатели и отпраповал начальника склада о прибытии. Меня назначили экспедитором по доставке продовольствия. С колоннами автомашин я ездил в Австрию и даже в Германию, доставляя различные грузы, а в перерывах между командировками работал на складах кладовщиком. Иногда, если предстояла новая командировка, отдыхал несколько дней. Так я дослужился до демобилизации. Осенью 1946 года, а вернее где-то уже в ноябре, приехал домой. На станции Зуевка встретил зятя Степана Ивановича, и

он на лошадке довёз меня до дома в деревню Малый Кунгур. Подходящую работу найти было непросто, и я месяца через два-три оформился на работу в пункт Заготзерно в г. Зувка помощником заведующего складом.

Туринск

Итак, окончена война, я в 24-летнем возрасте возвратился домой, за плечами никакой специальности и образование – 7 классов. Оформляясь на работу помощником заведующего складом пункта Заготзерно, я полагал, что это ненадолго, временно, что со временем я найду более подходящую работу. Этого не случилось. Я проработал в Заготзерно 7 лет, здесь женился. В этот период окончил (в 1954) вечернюю среднюю школу, вступил в партию. После окончания десяти классов, осенью 1954 года, по совету учителя вечерней школы литератора Николая Ивановича Россихина поступил в Свердловскую двухгодичную юридическую школу очно.

После окончания школы в 1956 году сразу же сдал вступительные экзамены в Свердловский юридический институт на заочное отделение (нам дана была привилегия сдать вступительные экзамены весной), и я был направлен на работу следователем прокуратуры в г. Туринск-Уральский. Жизнь в г. Туринске была своеобразна. Первое, на что я обратил внимание, приехав в Туринск, это его сельский

уклон. Часто при встречах двух жителей города можно было слышать после взаимных приветствий такой диалог: «Ну как, поставил сено?» – «Поставил, но ещё не всё. А ты?» – «Я поставил, позавчера закончил». В городе многие жители имели коров, и заготовка сена летом и осенью имела важное значение.

В прокуратуру я прибыл стажёром и считал, что некоторое время я поработаю с опытным следователем, а уж потом буду работать самостоятельно. Однако мой предшественник заявил, что он ни минуты не останется в Туринске, и стал собираться в дорогу. Прокурор района Николай Иванович Новосёлов, маленький щуплый мужичок моих лет, познакомившись со мной и прочитав направление областной прокуратуры, сказал, чтобы я принимал дела у своего предшественника Владимира Савина. Я принял имевшиеся у него дела и стал смотреть в первую очередь на то, как они подшиваются. Я даже не знал хорошо этого.

На моё счастье в прокуратуре был ещё один следователь Михаил Васильевич Куминов, который оказал мне на первых порах неоценимую помощь. Работал я, не жалея сил, чтобы скорее освоиться. К добросовестной работе меня побуждало и другое обстоятельство. Я знал, что г. Свердловск имеет юридический институт. Областная прокуратура легко добивалась при необходимости направления молодых специалистов, в кадрах недостатка не испытывала и предь-

Пётр Игнатьевич с семьёй в г. Свердловске

являла к ним жёсткие требования. За незначительные упущения можно было получить выговор, а за более существенные — увольнение. Среди работников в районах бытовало мнение, что облпрокуратура роется в кадрах, как жук в навозе.

Проработав немногим больше месяца, получив комнату, я решил перевезти семью. К тому времени у нас было уже двое детей. С нами решила поехать и моя мать (она жила уже в это время с нами), хотя в Зуевке оставались ещё два её сына. В начале сентября 1956 года поехал за семьёй. Денег на расходы не было (получал как стажёр 590 рублей), обратился в облпрокуратуру за авансом. Когда с документами на подпись пришёл к заместителю прокурора области

Павлу Филатовичу Толкачёву, он, подписывая документы, спросил:

— Перевозишь семью?

— Да, — ответил я.

— А если не будешь работать? Какая у тебя семья?

Я сказал:

— А почему я не буду работать? Я намерен работать.

Но он больше ничего не сказал, подал мне подписанные документы, и я вышел из кабинета. Я мог и не спрашивать, почему «если не буду работать». В голове моей вопросы дополнялись: «А если допустишь ошибки, упущения, и мы тебя уволим? Куда ты тогда с такой семьёй?» Это обстоятельство и заставило меня быть предельно осторожным, не допускать упущений и нарушений.

Комнату дали в заводском посёлке за железной дорогой, километрах в двух от места работы. Не близко было ходить и жене, которая устроилась лаборантом на зернозаготовительный пункт, и работать ей приходилось в три смены. Мои предложения провожать её на работу и встречать с работы она отвергла. В районе много было жителей, освободившихся из мест заключения. Случались убийства, изнасилования женщин. Она считала, что убивать её не за что, ценностей при ней нет, остального, как я понял, она не боялась.

Усердная работа моя, правда, вызвала иногда переутомление, которое отразилось позднее на моём физическом состоянии, но зато вскоре я приобрёл авторитет и уважение не только работников прокуратуры и милиции, но и партийных органов района. Хорошие отношения у меня сложились с оперуполномоченным уголовного розыска, следователями милиции и даже с инспекторами госпожнадзора. Их было двое: инспектор ГПН Зайцев и начальник ГПН Куранов. С Курановым мне несколько раз приходилось бывать вместе в командировках в сёлах Ленское, Усениново, Благовещенское, Шухруне, Коркино и Липовке. Раза два мы с ним возвращались вместе из командировки пешком из села Усениново, расположенного в 15–18 км от Туринска. О чём мы только с ним не говорили!

Куранов, уже пожилой мужчина, на вид был даже простоват, го-

ворил не торопясь, уверенно. Было ему около 50 лет. Я знал, что у него есть два сына и дочь, что он в недалёком прошлом разошёлся с женой и вновь женился, что он тоже учился заочно и имеет высшее образование (он носил ромбик). Но до бесед с ним я многое, оказывается, не знал о нём, да и вряд ли кто-либо знал из сослуживцев. Беседы с ним были мне интересны.

Надо сказать, что в то время в подследственность следователя входили почти все дела о преступлениях, связанных с причинением вреда личности. По каждому происшествию, связанному со смертью человека, даже в случае явного самоубийства, требовалось выезжать на место происшествия следователю прокуратуры, возбуждать уголовное дело, расследовать. И если оказывалось, что состава преступления нет, дело прекращалось постановлением следователя. Эти дела отнимали уйму времени, порой дезорганизовывали работу следователя. На происшествие выезжали в любое время дня и ночи, хоть с вечера, хоть наутре. Телефона на квартире у меня тогда не было, и при необходимости за мной всякий раз приезжал или приходил работник милиции.

В одну из непроглядных, тёмных ноябрьских ночей на квартиру ко мне прибыл дежурный Хомутов и сказал, что в одной из деревень Усениновского сельсовета в чужом доме обнаружен труп молодого парня в луже крови. Я вместе с де-

журным прибыл в отдел милиции, зашёл в прокуратуру (обе организации были в одном здании), взял всё необходимое для осмотра места происшествия, и мы выехали в деревню. В пути мысли мои были заняты сообщением о происшествии. Кто убил парня? За что? Была ли это пьяная драка, есть ли какие-либо следы?

Часа в 4 утра мы на машине ГАЗ-69 прибыли в деревню. Участковый уполномоченный Пётр Мефодьевич Бардов был на месте. Он показал дом, в котором находился труп. Ни в одном доме кроме этого не было огня, да и здесь огонёк мерцал где-то в глубине. Дом, как и многие дома в деревнях Туринского района, был двухэтажным, и проживали в нём две семьи. Вход на второй этаж был в каждой половине, прямо из прихожей, по крутой и узкой лестнице. Включили свет и в нижнем этаже, в прихожей на полу увидели в луже разлившейся крови молодого здорового парня. Он лежал вниз лицом, руки – под грудью. Одет был в зимнее полупальто, валенки. Нижний этаж представлял собой помещение наподобие большой кухни. Сразу же слева от входа находилась русская печь, а от печи до противоположной стены на прочной верёвке висели ситцевые занавески, отгораживая часть помещения и образуя как бы кухню. Там за занавесками на скамейках стоял бачок с водой, вёдра, на стенке – нехитрое сооружение для посуды, сто-

лик у окна. Потолок был ниже, чем в обычных помещениях.

В доме была насмерть перепуганная хозяйка-старуха и двое соседей-мужчин. Кратко опросили хозяйку о происшедшем. Торопясь и сбиваясь, она рассказала, что у неё есть невеста-дочь, что парень, который лежит на полу, – Павел Неймышев, он длительное время дружил с дочерью. Вечером прошлого дня он, выпивший, пришёл к ним (жил он в соседней деревне), и они стали разговаривать с Валею (дочерью) внизу. А она, чтобы не мешать им, ушла наверх и легла спать.

Среди ночи она услышала крик дочери и стук упавшего тела на пол. Быстро она сбегала вниз, увидела на полу лежавшую дочь, а Павел стоял недалеко от двери. Схватив какую-то палку, может быть и ухват, она стала стучать им в стенку, зовя на помощь соседей. При этом увидела, как Валя приподнялась на руках (а руки – в крови!) и слабым голосом сказала, чтобы мама не стучала, что она жива. «Не стучи, я жива, мама» – сказала она. Павел, услышав её голос, сделал несколько шагов к Вале с ножом в руке, но, не дойдя до неё, рухнул на пол. Дочь с ножевой раной в груди отправили в Усениново в медпункт, а «Павла мы не трогали, как упал – так и лежит».

Мы стали производить осмотр. При осмотре трупа, в котором уже наступило трупное окоченение, мы его повернули вверх лицом. Под ним

в правой его окровавленной руке был самодельный, тоже весь в крови, нож. Он так и держал его за черенок окоченевшей рукой. При более подробном рассмотрении установили, что в груди его имеются три узких глубоких резаных раны. Позднее судмедэксперт в своём заключении написал, что одним из ударов нанесено ранение в сердце.

Валю я допрашивал уже дней через десять. Она рассказала более подробно обстоятельства гибели Павла. Она подтвердила слова матери о том, что дружила с Павлом давно, однако он ничего не говорил о свадьбе, и у неё не было уверенности, что он возьмёт её замуж (а замуж она, видимо, хотела). Правда, он объяснял ей, что, работая в колхозе, он почти ничего не зарабатывает, что он намерен любой ценой уйти из колхоза, на производстве заработать себе на одежду и на свадьбу денег, и тогда они поженятся. Она считала, что на это уйдёт минимум два года, что это окольный и ненадёжный путь.

В Октябрьские праздники она была у родственников в селе Усениново. Там жил её дядя Семён Туголуков с сыном Алексеем и дочерью Ниной. Вечером 7 ноября она пошла с ними в клуб, где собиралась на танцы молодёжь, там познакомилась с одним парнем. А после праздников он приезжал её сватать, и она дала ему согласие выйти замуж. Об этом сватовстве и согласии Вали идти замуж узнал Павел. Придя к ней в

нетрезвом состоянии, разговаривая с ней после ухода матери, он допытывался, правда ли то, о чём ходят слухи, — она посватана и выходит замуж. Валя сначала пыталась отрицать, но, зная, что приезжавшего со сватами жениха видели почти все соседи, сказала, что да — это правда.

Время за разговорами близилось к 12 часам ночи. Валя стала предлагать ему идти домой, что время уже позднее. Павел медлил, а затем сказал: «Вот будет 12 часов, и уйду». В 12 часов он попросил её принести ему воды попить. И когда она пошла к бачку с водой за ситцевую занавеску, он догнал её и через её плечо ударил ножом в грудь. Она свалилась, как скошенный сноп, на пол. Затем Павел с ножом в руке выбежал на середину залы, распахнул полу пальто и несколько раз ударил ножом себе в грудь, но упал не сразу.

Когда Валя приподнялась на руках и сказала матери, чтобы она не стучала соседям, что она жива, он вновь, с ножом в руках, пошёл к ней, чтобы нанести удары, но было уже поздно. Смертельно раненое сердце отказалось работать, и, не дойдя до девушки, Павел рухнул на пол, так и не выпустив из рук грозного оружия.

При осмотре, в кармане его одежды мы нашли заранее написанную им записку, в которой был пьяный бред: «Говорят, что птицы живут только 20 лет, а мне уже больше 20...»

Вслушав повествование Вали, я спросил её, оговорившись, что

это не для протокола, состоялась ли её свадьба? Она ответила, что ещё нет, но скоро состоится, то есть не расстроилась. Я горестно подумал: «Эх, Павел, Павел, стоило ли класть за неё голову?» А ей сказал: «Какую всё-таки Вы любовь потеряли! Ведь он Вас любил больше своей жизни!» она опустила голову и ничего не ответила. Спасла её от смерти её высокая грудь, в которую и ударил Павел, пробив её почти насквозь...

Допросив хозяйку и соседей, оставив направление в морг участковому Бардову с тем, чтобы он организовал отправку трупа, и дав ему кое-какие распоряжения, я на попутных добрался до села Усениново. Чтобы проверить, нет ли машины из Туринска и добраться на попутках, я пришёл в сельсовет. Машин не оказалось. Здесь я встретил Куранова. На мой вопрос, как он добрался сюда, он ответил:

– На попутных. Обратно я, наверное, с Вами доеду. Место есть?

– Ничего нет, – ответил я. – Ни машины, ни места.

Я объяснил ему цель приезда, сообщил, что машина, доставив меня и оперативных работников, оставшихся в деревне, ушла обратно.

Куранов тут же позвонил в отдел милиции, предложил дежурному выслать за нами машину. Дежурный сказал, что машины на месте нет, уехал на ней заместитель начальника, но как только он вернётся, машину вышлет. По опыту мы знали, что это значит – «как только вернётся». Это значило, что машина могла возвратиться только к вечеру или вообще на второй день, могла вернуться неисправной или на буксире.

День наступал ясный, хотя и был лёгкий морозец, дорога твёрдая, поклажи у нас не было: у него полевая сумка с документами, у меня все документы в бауле. Мы посоветовались и решили идти пешком, считая, что если машина пойдёт, мы её встретим.

1977–1979 гг.

Раздел V

ОТРАЖЕНИЯ

Наших вятских судеб череда О книжной серии «Почётные граждане города Кирова»

И. В. Заболотская

В 2017 году исполняется десять лет с тех пор, как вышла первая книга серии «Почётные граждане города Кирова» некоммерческой организации «Золотой фонд Вятки» (председатель правления, лауреат Премии Кировской области Н. Н. Гаряев) при поддержке Кировской городской думы и администрации города. В каждой книге этого издательского проекта – биография знатного земляка, посвятившего свой труд, своё творчество, свою жизнь родному городу. И пусть в центре издания – собирательный портрет, казалось бы, лишь одного человека, книга всегда рисует его окружение, эпоху, время, события, помогает проследить историю развития промышленности, науки, культуры, образования, медицины, спорта в городе Кирове. Герои уже вышедших в свет книг серии – опытные руководители, знатные рабочие, учёные с мировым именем, лётчик-космонавт СССР, прекрасные врачи, педагоги-новаторы, именитые спортсмены-чемпионы, народный художник и известный

музыкант, общественные деятели, благотворители.

Издана и книга, посвящённая Почётным гражданам города Вятки, в ней 12 исторических портретов: губернаторов, купцов, видных государственных (в том числе министров) и общественных деятелей.

За 48 лет своего существования высокое звание присвоено 51 гражданину города Кирова. Среди Почётных граждан – четыре Героя Советского Союза, четыре Героя Социалистического Труда, девять участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., шестнадцать человек имеют учёные звания и степени, тридцати двум Почётным гражданам города Кирова присвоены звания заслуженных деятелей России.

В 2016 году вышли три новых книги серии и четвёртая была сдана в печать: «В. А. Чайкин. Конькобежец-рекордсмен. Заслуженный тренер России. Педагог»; «Г. Г. Ануфриева. Фитотерапевт-новатор. Заслуженный врач России. Руководитель»; «Рабочая гордость. Г. А. Андреев. В. Д. Тумбарцев. А. П. Дербенёв. А. С. Земцов» и «В. К. Сураев. Руководитель. Общественный деятель. Благотворитель».

Почётные граждане города Кирова

В. А. ЧАЙКИН

Почётные граждане города Кирова

Г. Г. АНУФРИЕВА

Книги серии «Почётные граждане города Кирова». 2016 г.

Почётные граждане города Кирова

В. К. СУРАЕВ

Почётные граждане города Кирова

РАБОЧАЯ ГОРДОСТЬ

Все издания серии – это большой труд редколлегии и коллектива авторов, в каждой книге – он свой. А руководит издательским проектом Николай Николаевич Гаряев, человек удивительный, неординарный, обладающий потрясающей работоспособностью и огромным авторитетом. Его деловые, человеческие и дружеские связи помогают в рождении серии книг, равной которой по значимости и стабильности, пожалуй, нет сегодня в нашем крае. Ну, какой издательский проект может ещё похвастаться тем, что серия насчитывает уже 23 книги солидного объёма (часто свыше 600 страниц), насыщенных интереснейшей, полезной информацией о времени и людях! Считаю большой честью для себя быть редактором этих изданий. Это увлекательная, кропотливая, познавательная работа, в процессе которой рождаются достойные издания.

Для «Золотого фонда Вятки» 2017 год – трижды юбилейный! Мы уже сказали, что завоевавшая популярность и читательскую любовь серия будет праздновать 10-летие. Принимал поздравления со своим юбилеем в январе и Николай Николаевич Гаряев. Много добрых слов в его адрес прозвучало на торжественной встрече, в том числе и строки посвящения поэта Юрия Устюгова:

В нашей буче боевой, кипучей
Хитромудрых умников не счастье.
Юбиляр наш – уникальный случай,
Бережёт порядочность и честь!

И всегда доверием народным
Удивляет он весь белый свет –
Председатель «Золотого фонда»
И простой российский человек.

О Почётных гражданах забота,
Чтоб о них узнала вся страна, –
Эта колоссальная работа
Требует и силы, и ума.

Каждый выпуск книги – это счастье,
В память уходящие года,
В них души горенье и участие,
Наших вятских судеб череда.

А ещё в 2017 году выйдет в свет 24-я и 25-я книги серии. Это тоже почти юбилейное событие!

Но вернёмся к году 2016. Издания его были интересны и разнообразны, а их герои – люди разных профессий: спортсмен, врач, рабочие.

Первая книга, сданная в печать в конце января, посвящена заслуженному мастеру спорта РСФСР и заслуженному тренеру России, педагогу Валентину Афанасьевичу Чайкину. Презентация её прошла в Герценке 21 марта.

Немало сделал для подготовки книги сын Валентина Афанасьевича, кандидат педагогических наук В. В. Чайкин. Отец всю жизнь вёл дневники, и сын с любовью подготовил их для публикации. Это, можно сказать, сердцевина издания.

Валентин Афанасьевич Чайкин – гордость вятского, советского и российского спорта, в послевоенные годы он был членом сборной

команды СССР, призёром многих соревнований. Вершиной спортивной карьеры были рекорд мира и титул чемпиона СССР на дистанции 1 500 м. В течение многих лет как тренер он работал со спортсменами на всех уровнях подготовки: от новичков в коллективе физической культуры до сборной команды СССР. Чайкиным подготовлено 2 мастера спорта международного класса, 17 мастеров спорта, 18 кандидатов в мастера спорта, 39 перво-разрядников, 172 спортсмена 2-го и 3-го разрядов. Ученик В. А. Чайкина А. Чекулаев стал победителем и призёром на трёх Всемирных Универсиадах, призёром первенства Европы, многократным призёром чемпионатов СССР, победителем и призёром традиционных соревнований на приз им. С. М. Кирова.

В конце апреля 2016 года была сдана в печать книга об известнейшем фитотерапевте, заслуженном враче России, опытном руководителе санатория-профилактория «Авитек», авторе многих книг о лечении травами и здоровом образе жизни Галине Георгиевне Ануфриевой. Это врач-новатор, в основе метода которой – лечение и профилактика болезней травами. Кроме того, она эффективный, опытный управленец. Здравница, руководимая ею, выжила и в сложные кризисные годы, стала рентабельным предприятием, по сей день привлекательна не только для кировчан, но и гостей из других

регионов России. В развитии многих направлений сферы здравоохранения Галина Георгиевна Ануфриева была первой в нашем регионе: первой организовала в здравнице специализированный кабинет игло-рефлексотерапии, первой разработала компьютерные программы по разделу фито- и рефлексотерапии и внедрила их в лечебный процесс, разработала программы и открыла специализированные отделения при санатории для реабилитации больных, перенёсших острый инфаркт миокарда и операции на сердце, неврологических больных, беременных женщин.

С большим интересом читаются в книге воспоминания её главной героини о своей родословной, трагических страницах жизни предков, которые коснулись многих, о своём пути в медицине, поисках и находках, о бесконечной любви к целительнице-природе, о людях, с которыми работала. Есть в этом издании и отзывы благодарных пациентов, строки восхищения удивительным специалистом и просто красивой женщиной коллег, друзей, родных, представителей общественности города Кирова.

Книга «Рабочая гордость», сданная в печать в сентябре, необычна тем, что объединила портреты четырёх знатных рабочих разных профессий: это участник Великой Отечественной войны, слесарь-инструментальщик завода «Маяк», заслу-

женный рационализатор РФ Григорий Афанасьевич Андреев; участник войны с Японией, бригадир электро-сварщиков машиностроительного завода имени 1 Мая Виктор Дмитриевич Тумбарцев; Герои Социалистического Труда – машинист экскаватора АООТ «Кировпромстрой» Александр Павлович Дербенёв и сборщик автопокрышек Кировского шинного завода Аркадий Семёнович Земцов. Их богатый профессиональный опыт перенимали не только кировчане, но и коллеги в других регионах страны. Как наставники, они воспитали множество молодых последователей, были активными общественными деятелями. Презентация книги по традиции прошла 8 ноября в Герценке. Ведущая вечера, директор библиотеки Н. П. Гурьянова отметила, что все герои нового издания – истинные представители рабочей интеллигенции, стремившиеся повышать свои знания, делиться ими и умениями с молодёжью, воспитывать в молодых любовь к рабочей профессии, гордость за свой труд.

Уже в декабре ушла в печать двадцать третья книга серии «Почётные граждане города Кирова», посвященная генеральному директору ЗАО «Кировский молочный комбинат» Василию Куприяновичу Сураеву, общественному деятелю – депутату Законодательного Собрания Кировской области, благотворителю, а также руководимому им

предприятию, продукция которого заслуженно пользуется большим спросом в Кировской области и за её пределами.

В ней опубликованы размышления В. К. Сураева о жизни и своём месте в ней, ряд его статей и интервью в СМИ, мнения о нём профессионалов, земляков и близких. Издание богато иллюстрировано. Цветная вкладка ярко представляет достижения славного коллектива комбината. Презентация новой книги состоялась 21 февраля 2017 года.

Каждая книга серии сопровождается обширной библиографией, подготовленной краеведческим отделом Герценки, что помогает проследить имя героя и его дела в прес-се разных лет.

По традиции весь тираж книг серии «Почётные граждане города Кирова» раздается библиотекам, общественным организациям, учебным заведениям, коллективам предприятий, семьям героев. Презентации книг, открытие мемориальных досок (по инициативе и на средства НКО «Золотой фонд Вятки») в честь Почётных граждан города – всё это служит увековечиванию их имён, которыми мы по праву гордимся.

А ещё в конце 2016 года было сдано в печать солидное издание, подготовленное к 30-летию городского ветеранского движения «Ветераны. Продолжение традиций». В нём – история, страницы жизни городского и районных ветеранских общественных организаций, воинс-

Ветераны. Продолжение традиций. 2016 г.

ких объединений ветеранов, а также ветеранских организаций Вооружённых Сил и правоохранительных органов. Книга также публикует документы, рассказывающие о присвоении областному центру звания «Город трудовой славы». Издание богато иллюстрировано. В феврале 2017 года книга стала хорошим подарком к празднику ветеранам-общественникам. Это третье издание, подготовленное НКО «Золотой фонд Вятки» совместно с городским советом ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов. В 2012 году были «Ветераны» (к 25-летию ветеранской организации г. Кирова) и в 2013 году – «Почётные ветераны».

«Золотой фонд Вятки» сейчас работает сразу над двумя очередными изданиями. Одно из них будет посвящено первым Почётным гражданам, удостоенным высокого звания в далёком 1969 году, среди них революционный и партийный деятель М. К. Любиков, видный руководитель городской и областной власти М. А. Колповский, участник Первой мировой войны, представитель завода им. 1 Мая А. Г. Никитин и доктор биологических наук, профессор Э. А. Штина. А вторая книга – о Т. Я. Ашихминой, педагоге, учёном-экологе, докторе технических наук, профессоре, общественном деятеле.

Значит, впереди встречи с новыми изданиями о наших заслуженных земляках.

Вятский край «изнутри» и «снаружи»

В. В. Карлов

Семибратов, В. К. Вятка как этнокультурный феномен Российской провинции [Текст] : (монография) / В. К. Семибратов. – Киров: ВЕСИ, 2016. – 136 с. – Библиогр.: с. 120–134. – 500 экз. ISBN 978-5-4338-0308-4.

Монография известного краеведа, этнографа и культуролога В. К. Семибратова «Вятка как этнокультурный феномен Российской провинции» представляет собой ред-

кое пока ещё в наше время сочинение, посвящённое истории Вятской земли и её населения в историко-культурном и этнографическом отношении.

В его заглавии я бы выделил слова «этнокультурный феномен» как ключевое понятие. Именно этнокультурная специфика Вятки как края и вятского человека как культурного феномена стала главным предметом работы, для чего автору понадобилось по возможности подробно рассказать об особенностях формирования населения, процессе колонизации края русскими, взаимоотношениях русских обитателей с автохтонным дорусским населением (удмуртами, марийцами, татарами), связях с соседними террито-

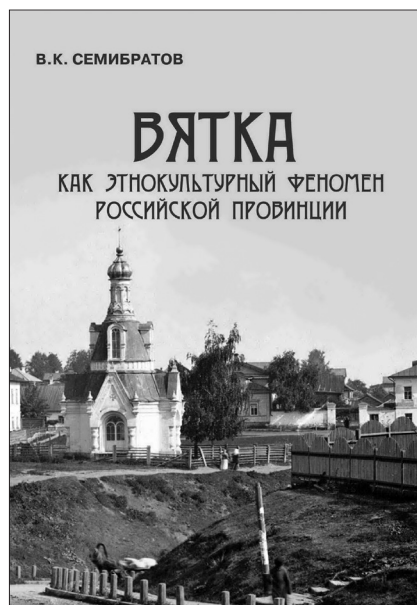
риями (Урал, Поволжье, Пермский край).

Интересным и плодотворным представляется избранный автором приём показа всех этих особенностей как глазами самих обитателей края, так и побывавших или проживших в нём отечественных и зарубежных авторов. Это даёт возможность увидеть восприятие Вятки и вятчан современниками как бы «изнутри» и «снаружи», что даёт более полную и адекватную картину.

Несомненный интерес вызывает также материал, позволяющий характеризовать внутренние региональные особенности населения Вятского края в этнографическом, социально-психологическом и хозяйственно-культурном отношении. Автором широко используется фольклорный материал, сведения о локальных особенностях говоров, что оживляет и украшает текст работы, которая воспринимается очень живо: сочный народный язык на страницах книги придаёт особый колорит изложению.

Следует отметить, что автор проделал поистине огромную работу, собрав и изложив обширный материал. Большим подспорьем в восприятии материала книги служат и многочисленные ссылки и подстрочные примечания.

Публикация работы В. К. Семибрата – важное событие в возрождении когда-то широко распространённого в России жанра историко-этнографического краеве-

дения. Такие работы имеют важнейшее значение в деле гражданского и патриотического воспитания, укрепления не только локального, но и общегосударственного самосознания современного русского и других российских народов, что крайне необходимо.

В заголовок книги вынесено слово «провинция». Это справедливо: вся необъятная Россия состоит из множества провинций, которые и создают вместе её специфику и её целостность.

Несколько лет назад, когда знаменитый советский актер Д. Банионис работал уже в театре небольшого литовского городка Паневежиса, у него брал интервью журналист, который спросил его, почему он, такой известный и популярный актер,

работает в провинции. Банионис ответил ему замечательной фразой: «Провинция – понятие не географическое». В отношении книги В. К. Семибратова можно отметить по данному поводу только то, что здесь слово «провинция» может пониматься только в географическом смысле, потому что он прекрасно показал, что и Вятка, и «вятская разновидность русского человека» в интеллектуальном плане отнюдь не провинция.

Хотелось бы еще пожелать автору, чтобы он не остановился на этом очень ярком изображении края и его населения в прошлом (хотя и недалёком), но продолжил очень нужную работу о развитии и бытии края и «вятского человека» до нашей современности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ануфриева Вера Георгиевна – член Союза журналистов России (г. Киров).

Григорьев Анатолий Борисович – профессор Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова (г. Саратов).

Дворецкая Татьяна Алексеевна – краевед (г. Киров).

Емшанова Екатерина Владимировна – студентка 4 курса факультета истории, политических наук и культурологии Вятского государственного университета (г. Киров).

Заболотская Ирина Владиславовна – заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, лауреат Премии Кировской области, редактор серии книг «Почётные граждане города Кирова» НКО «Золотой фонд Вятки» (г. Киров).

Карлов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Кожевникова Екатерина Андреевна – главный библиотекарь отдела редких книг Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Королевская Наталия Владимировна – музыковед, кандидат искусствоведения доцент Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова (г. Саратов).

Королевский Владимир Григорьевич – лауреат Всероссийского конкурса современной тональной музыки (Москва, 2007), член Союза композиторов РФ (г. Саратов).

Курочкин Михаил Валентинович – доцент кафедры компьютерных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

Леванова Галина Александровна – библиограф отдела краеведческой литературы Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Лицова Людмила Алексеевна – заслуженный деятель искусств РФ, профессор, заведующая кафедрой дирижирования академическим хором Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова, художественный руководитель и главный дирижёр Саратовского губернского Театра хоровой музыки (г. Саратов).

Малкова Ирина Ефимовна – методист Кировского областного музея истории народного образования (г. Киров).

Мишле Владимир Станиславович – доцент Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, член Союза композиторов РФ (г. Саратов).

Моралёва Агнесса Викторовна – супруга композитора Олега Аркадьевича Моралёва (г. Саратов)

Морозов Павел Павлович – лауреат Государственной премии Волгоградской области, председатель Правления Волгоградского отделения Союза композиторов России (г. Волгоград).

Помелов Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор Вятского государственного университета (г. Киров).

Попцова Любовь Геннадьевна – главный архивист отдела использования архивных документов Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Рыжова Елена Анатольевна – заведующая отделом автоматизации Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Соболев Пётр Игнатьевич (1923–2004) – прокурор Белохолуницкого района (1974–1984) (г. Белая Холуница).

Терехов Сергей Николаевич – заслуженный артист России (г. Саратов).

Шеин Владимир Юрьевич – член Союза журналистов России (г. Уржум).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБС	– автоматизированная информационно-библиотечная система
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
БГАМЛИ	– Белорусский архив-музей литературы и искусства
БД	– база данных
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВГЧУ	– Вятское городское четырёхклассное училище
ВДБ	– воздушно-десантная бригада
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЮЗИ	– Всесоюзный юридический заочный институт
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГАСПИ КО	– Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ЖЗЛ	– Жизнь замечательных людей
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КУТШО	– комбинат учебно-технического школьного оборудования
МВДБ	– маневренная воздушно-десантная бригада
МТС	– машинно-тракторная станция
НИИ СВТ	– Научно-исследовательский институт средств вычислительной техники
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКО	– некоммерческая организация
НСШ	– неполная средняя школа
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОПОЯЗ	– общество по изучению поэтического языка
ПВХО	– противовоздушная и противохимическая оборона
ППШ	– пистолет-пулемёт Шпагина
РККА	– Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУ	– ремесленное училище
РФ	– Российская Федерация
СВТ	– самозарядная винтовка Токарева

СГК	– Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
СК РФ	– Союз композиторов Российской Федерации
СПШ	– сигнальный пистолет Шпагина
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
США	– Соединённые Штаты Америки
УОНО	– уездный отдел народного образования
ФЗО	– школа фабрично-заводского обучения
ФЗУ	– фабрично-заводское училище
ЦДК	– Цендральный дом композиторов

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Библиотека им. А. И. Герцена. История в лицах

<i>Заболотская И. В.</i> Как интересно оглянуться назад! (из семейного архива)	3
<i>Леванова Г. А.</i> Более полувека в профессии (интервью с Г. Д. Скальной)	15
<i>Рыжова Е. А.</i> Титул истинного благородства: Светлана Андреевна Макаревич	19
<i>Кожеевникова Е. А.</i> Будетлянин. Вне времени и пространства: Велимир Хлебников (опыт работы выставки-проекта в библиотеке им. А. И. Герцена)	23

Раздел II

О Вятке и вятчанах

<i>Курочкин М. В.</i> Архитектурное наследие здания окружного суда в Сарапуле	43
<i>Малкова И. Е.</i> Учителя А. С. Грина	47
<i>Дворецкая Т. А.</i> Белорусские ссыльные в Вятском крае: Владимир Дубовка	56
<i>Попцова Л. Г.</i> Вятскополянский завод «Молот» в первые годы своего существования (1941–1946) (по документам ГАСПИ КО)	68
<i>Емишанова Е. В.</i> Повседневная жизнь эвакогоспиталя № 3165 в годы Великой Отечественной войны (пос. Ленинское Шабалинского района Кировской области)	84

Раздел III

Портреты. Судьбы

<i>Помелов В. Б.</i> Просветитель удмуртов вятский педагог К. А. Андреев. К 160-летию со дня рождения	89
<i>Ануфриева В. Г.</i> Не сдувайте пыль веков... К 85-летию Б. В. Садырина	97
<i>Шеин В. Ю.</i> Твори добро, покуда жив	104

К 95-летию О. А. Моралёва

<i>Моралёва А. В.</i> Путь композитора Олега Аркадьевича Моралёва	117
<i>Королевская Н. В.</i> О музыке. Между Вечностью и Временем	134

О. А. Моралёв о вокальном цикле «Перечитывая А. Блока» (Из сценария радиопередачи)	137
<i>Лицова Л. А.</i> История одного исполнения	137
<i>Григорьев А. Б.</i> Из истории одного сочинения	139
<i>Терехов С. Н.</i> Вся его музыка – о Любви	141
<i>Мишле В. С., Королевский В. Г., Морозов П. П.</i> Воспоминания учеников о своём учителе	145

Раздел IV Из неизданного

Воспоминания П. И. Соболева (1920–1970-е годы)	149
<i>Соболев П. И.</i> Воспоминания о прожитом	150

Раздел V Отражения

<i>Заболотская И. В.</i> наших вятских судеб череда. О книжной серии «Почётные граждане города Кирова»	251
<i>Карлов В. В.</i> Вятский край «изнутри» и «снаружи»	256
Сведения об авторах	259
Список сокращений	261

Научно-популярное издание

Герценка: Вятские записки

Вып. 31

Редакторы:

В. И. Курилова, С. С. Курбатова

Вёрстка С. С. Курбатовой

Серийная обложка выполнена
художником С. Ю. Горбачёвым

Подписано в печать 30.05.2017. Формат 60х84/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.35. Тираж 235 экз. Заказ № 1207

Отпечатано ООО «Кировская областная типография»
610004 г. Киров, ул. Ленина, 2